

Крест и молот. Повесть о временах ВИКИНГОВ

Х. Бедфорд-Джонс

THE CROSS AND THE HAMMER

Henry Bedford-Jones
1912

The Project Gutenberg eBook of The Cross and the Hammer: A Tale of the Days of the Vikings

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других стран мира без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь.

Название: The Cross and the Hammer: Повесть о временах викингов

Автор: Х. Бедфорд-Джонс

Иллюстратор: Э. Х. Хартке

Дата выхода: 28 февраля 2022 года [eBook #67528].

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Оригинальное издание: United States: David C. Cook Publishing Co, 1912

Кредиты: Эл Хейнс

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE CROSS AND THE HAMMER: A TALE OF THE DAYS OF THE VIKINGS ***

КРЕСТ И МОЛОТ

Повесть о днях викингов

Автор Г. Бедфорд-Джонс

PUBLISHED BY DAVID C. COOK PUBLISHING Co.
ЭЛГИН, ИЛЛИНОЙС

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1912 ГОД.
BY DAVID C. COOK PUBLISHING Co,

ЭЛГИН, ИЛЛИНОЙС.

СОДЕРЖАНИЕ.

- I. Как был дан обет
- II. Матч по стрельбе
- III. Ярл Хакон Норвежский
- IV. Спасение в заливе
- V. Бегство из Трандхейма
- VI. Залив Хиорунга
- VII. Как Вагн сдержал свою клятву
- VIII. "Скоал королю Олафу!"
- IX. Как Астрид справилась
- X. Прощание с Дублином
- XI. При дворе Этельреда
- XII. Бегство из Лондона
- XIII. Альфред Мерсийский
- XIV. В Бретландии
- XV. В зимних покоях
- XVI. Засада
- XVII. Кетиль появляется
- XVIII. Миссия для короля
- XIX. При дворе короля Свейна
- XX. Король и полотенце
- XXI. Смерть Хакона
- XXII. Жертвоприношение Тору
- XXIII. Как крестились вожди
- XXIV. Искупление Олафа
- XXV. Матч по борьбе
- XXVI. Крест и молот

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Это история о вполне реальных людях и событиях; если вам доведется читать старые норвежские саги, вы встретитесь с большинством персонажей этой истории. Эпоха викингов не была христианской, она была полна вооруженных столкновений и неблагородных поступков, но ее история жизненно интересна.

Молот Тора, бога войны северной Европы, не уступил Кресту Христову без борьбы, и история обращения Норвегии в христианство очень драматична. Король Хакон Добрый, приемный сын английского короля Ательстана, был вынужден отречься от своей веры, чтобы удержаться на троне; король Олаф Триггвесон потерял свое королевство, вернее, отказался от него при Свольде-Сунд, потому что отказался сделать то же самое; а король Олаф Толстый, который последовал за ним, пал под языческим оружием своих подданных, став святым покровителем Норвегии.

Это был первый король Олаф, который сломил власть старых богов и ввел христианство в своем королевстве. Как ни краток был срок его правления, он стал величайшим королем Норвегии. Он построил первую церковь в стране и послал первых миссионеров в Исландию; во время его правления священник Тангбранд обратил этот остров в истинную веру.

Многие из описанных событий взяты прямо из саг, и хотя король Олаф, как говорят, умер в Свольде, история его побега хорошо подтверждена; я привожу его собственные слова, когда он отказался вернуть свое королевство. Он отправился в Рим и Святую землю и правил там под властью иерусалимских королей-крестоносцев, умерев через пятьдесят лет. Король Эдуард Исповедник имел обыкновение раз в год читать при дворе историю его жизни, после того как о его смерти стало известно в Англии во время правления этого короля.

H. BEDFORD-JONES.

ПРИМЕЧАНИЯ.

"бондеры"... Это слово используется в сагах для обозначения свободных крестьян Норвегии, которые держали свои земли у короля или владели ими; они подчинялись только приказам короля или его ярлов и равнозначны нашим "фермерам", за исключением того, что у них были особые права и привилегии.

"Штраф" или любое другое наказание, которое могло быть наложено на нарушителя собранием народа. Обычно "скат" представлял собой штраф деньгами, землями или товарами.

"Скоал" - это простое слово соответствует нашему "Ура!". Оно означает долгую жизнь, крепкое здоровье и радость, и до сих пор используется в Норвегии в этом смысле.

Я избежал употребления многих слов, которые обычно сохраняются в переводах старых саг. Почти все факты, из которых соткана история Сигурда Фэйрхайра, являются историческими и взяты из "Хеймскринглы" и "Саги о короле Олафе" аббата Берга Соккасона. Обе истории в значительной степени были составлены на основе рассказов очевидцев содержащихся в них событий, и особенно это относится к жизни Олафа Триггвесона. - Автор.

Крест и молот

Повесть о временах викингов

Г. БЕДФОРД-ДЖОНС

ГЛАВА I.

КАК БЫЛА ДАНА КЛЯТВА.

Осенним вечером 994 года большой зал датских королей в Лейре был переполнен до отказа, ибо король Харальд Гормсон пал в бою за несколько недель до этого, а его сын Свейн Твискегге из Форкбеарда праздновал свое вступление на престол в зале своих отцов.

Вокруг города раскинулся целый городок шатров и хижин, ибо, помимо присутствующих датских лордов, из Йомсборга прибыло шестьдесят кораблей с самыми благородными представителями знаменитого братства викингов под началом их вождей ярла Сигвальда и Буя Толстого. Гости и датчане были одеты в свои самые храбрые одежды, и город и лагерь представляли собой сцену самого веселого праздника.

Внутри зал был увешан старинным оружием и погонными трофеями, пол устлан толстым слоем свежего камыша, а длинные столы завалены блюдами. В одном конце зала сидел король Свейн со своими вождями и йомсбургской знатью, а над ними возвышалось высокое кресло или трон короля; вдоль зала расположились викинги и люди Дании, а в дальнем конце сидела королева Гунхильд со своими дамами.

Входили и выходили слуги с едой и рогами эля, а в центре зала, между столами и перед креслом короля, сидели два скальда и под музыку своих арф пели о великих деяниях короля Харальда и его сына, нового короля. Вскоре, когда голод толпы был немного утолен, все стали гадать, какую клятву даст король, ибо по обычаю на наследном пиру новый король должен был дать клятву совершить какой-нибудь великий и благородный поступок.

Рядом с королевой Гунхильд в качестве почетных гостей сидели два юноши: один светлый и румяный, другой - смуглый, с очень быстрыми и смелыми глазами. Последний, Вагн Акисон, был племянником Буя, вождя Йомсборга, и внуком Пальнатоки, основателя братства викингов; хотя ему было всего семнадцать лет, он и его двоюродный брат Сигурд уже были хорошо известны своей доблестью.

Сигурд Фэйрхайр, который был на год младше Вагна, сегодня был в приподнятом настроении, ведь незадолго до этого король Свейн подарил ему очень хороший меч, и он гордился им.

Улыбнувшись ему, королева Гунхильд спросила: "Сигурд, показал ли ты Астрид свой новый меч?"

"Конечно, показал", - ответила Астрид, ее племянница, сидевшая рядом с Сигурдом, и ее темные глаза весело блестели. "Завтра он собирается опробовать его острие на большой сосне возле гавани!"

При этих словах поднялся смех, а Вагн воскликнул: "Будь осторожен, Сигурд, не сваливай дерево в гавань! Жаль будет топить все наши лучшие корабли!"

Сигурд покраснел и ответил: "Ну, я никогда не будил весь лагерь только потому, что в кустах бродит свинья!"

Это рассмешило его кузена, который накануне ночью разбудил весь лагерь, приняв свинью за шпиона, и даже королева от души присоединилась к веселью.

Внезапно за столами воцарилась тишина, потому что король Свейн поднялся и держал в обеих руках большую серебряную чашу. В мертвой тишине он осушил ее, передал слуге и шагнул к высокому креслу. Взявшись за его рукоять, король повернулся.

"Здесь, взойдя на трон моего отца Харальда, я клянусь, что с Божьей помощью поведу свой флот в земли Англии, и не пройдет и трех зим, как я прогоню короля Этельреда из этих земель и сяду на его трон!"

"I will lead my fleet to the land of England."

"Я поведу свой флот в земли Англии".

Когда король Свейн занял свое место, по залу пронесся негромкий ропот удивления, а затем раздались громкие крики: "Скоал! Скоал!", ибо это была великая клятва, которую предстояло исполнить.

"Посмотри, как побледнела королева, - шепнула Астрид Сигурду. "Должно быть, обет удивил и ее".

И в самом деле, королева Гунхильд побелела, ибо клятва короля означала, что начнется великая война, и чем она закончится, никто не мог сказать. Прежде чем Сигурд успел ответить, ярл Сигвальд встал и призвал к тишине.

"Люди Дании и Йомсборга, - медленно произнес он своим глубоким голосом, и свет блеснул на его смуглом, сильном лице и черных глазах, - я тоже хочу дать клятву, и не легкую. Как вы все знаете, ярл Хакон, язычник и вдвойне предатель, правит Норвегией, в то время как законный король, сын Трюггви, скитается или, возможно, мертв. Вот мой обет: я отправлюсь в Норвегию, пока не пройдет три зимы, возьму власть из рук ярла Хакона и изгоню его из страны".

Сигвальд уселся на свое место в мертвой тишине изумления, но ее нарушил крик молодого Вагна Акисона.

"Скоал, ярл Сигвальд, скоал!"

И тут поднялось ликование! Не успели они стихнуть, как брат Сигвальда, Торкель Высокий, вскочил на ноги и поклялся следовать за ярлом; к нему присоединился Буй Толстый, и среди новых возгласов Вагн с другого конца зала воскликнул:

"Я тоже! И прежде чем я вернусь, я убью Торкеля Лейра, злодея, который предал моего отца на смерть!"

"Скоал!" - взволнованно крикнул Сигурд, - "Я с тобой, Вагн!"

Когда шум утих, королева с грустью посмотрела на Вагна и Сигурда. "Вы опрометчивые мальчишки, вы двое! Понимаете ли вы, какой крови и слез будут стоить эти клятвы?"

Сигурд ответил ей почтительно. "Благородная Гунхильд, возможно, это и так; но ярл Хакон - злой человек и язычник, как и Торкель. Во всяком случае, теперь мне не придется испытывать свой новый меч на дереве!" Его острые серые глаза сверкнули.

Однако королева ничего не ответила и сидела, глядя на короля Свейна, а Астрид прошептала:

"По-моему, это было великолепно! Хотела бы я тоже пойти!"

Вагн рассмеялся. "Ты была бы прекрасна! Первый же боевой рог заставил бы тебя трепетать!"

"И это не так!" - возмущенно возразила девушка. "Я умею стрелять лучше, чем ты или Сигурд, любой из вас!"

"Отлично! Завтра я вызываю тебя на поединок", - воскликнул Сигурд. "Мы пойдем на берег за гаванью, где никто не помешает, и если ты победишь любого из нас, я подарю тебе своего обученного сокола из Франции!"

"Тогда берегись, - рассмеялась Астрид, - потому что завтра утром я выиграю эту птицу!"

С этими словами она встала и последовала за уходящей королевой. Двое мальчиков, не желая присоединяться к веселью, которое большинство викингов затеяли на большую часть ночи, тоже покинули зал и направились в свой шатер.

"Что ты думаешь об этих клятвах, Сигурд?" - спросил Вагн, когда они шли рядом.

"Ну, теперь, когда мы остыли, все выглядит совсем иначе", - задумчиво ответил Сигурд.

"Одно дело, когда король Свейн завоевывает Англию, имея в своем распоряжении ресурсы целого королевства, и совсем другое - когда Сигвальд покоряет Норвегию, имея за спиной лишь брата из Йомсборга".

"Но не забывай, Фэрхейр, что мы - христиане, а Хакон - язычник и предатель; это, несомненно, что-то изменит! Моя собственная клятва не была поспешной; я должен отомстить за смерть отца, иначе буду опозорен навеки".

Сигурд задумчиво кивнул, ибо прекрасно понимал, что свирепые викинги не окажут особого повиновения человеку, который, как оказалось, не способен отомстить за предательство своего отца. Когда они свернули к своему шатру, к ним подбежал человек, и Вагн узнал в лунном свете одного из людей Буй.

"Здравствуй, Эгиль, в чем дело?"

"Вас с Сигурдом ждут на совете в большом шатре ярла Сигвальда", - пропыхтел мужчина.

Без промедления мальчики последовали за ним в большой шатер ярла. Там они нашли всех вождей Йомсборга в сборе и заняли свои места рядом с Бум Борнхольмским, который говорил, когда они вошли.

"Это была опрометчивая клятва, Сигвальд, но мы не можем отступить, и вполне возможно, что мы завоюем большую честь в этом походе, выиграем мы или проиграем. Наши викинги - лучшие воины в мире на сегодняшний день, и мы, по крайней мере, дадим тяжелый бой Хакону и его сыну Эйрику".

По шатру пронесся ропот согласия, и Сигвальд поднялся.

"Братья, я слишком поторопился с клятвой, но ничего не поделаешь. Вот мой совет: раз уж попытка должна быть предпринята, сделаем ее без промедления, пошлем за остальными нашими людьми и без промедления ударим по столице Норвегии. Что скажете?"

Вагн шагнул вперед. "Я отвечу за корабли и людей моего отца. Давайте нанесем удар прежде, чем Хакон сможет нас встретить; у нас здесь все наши люди и большинство кораблей. Мы можем уйти отсюда в конце недели, дожидаться в Лимафьорде остальных наших людей, а затем двинуться в Трандхейм".

"Молодец, Вагн!" - воскликнул его дядя. "Люди говорят, что я несколько тучен, но мои друзья никогда не жалуются на мой вес в бою!" Все засмеялись, ибо, хотя Буй и заслужил свое прозвище, он был одним из величайших воинов того времени. "Я отпущу с тобой Сигурда, если он тебе нужен", - продолжил он, и сердце мальчика запрыгало от радости, ведь он действительно этого хотел.

Ярл Сигвальд улыбнулся. "Тогда решено, что мы отправимся отсюда в Лимафьорд на четвертый день?"

"Да!" Ответ сопровождался лязгом оружия: вожди ударили мечом и копьем по щиту, и совет был окончен, хотя большинство вождей остались, чтобы обговорить детали и немедленно отправить гонца в Йомсборг.

Однако мальчики вернулись в свой шатер, и, когда они засыпали, до них доносились крики "Skoal! Skoal!" доносились до них из города, и они знали, что викинги и датчане все еще дают клятвы, в некоторых из которых им предстоит горько раскаяться утром.

ГЛАВА II.

СТРЕЛКОВЫЙ ПОЕДИНОК.

Рано утром следующего дня парни были на ногах и, наскоро позавтракав у костра, взяли свои луки и колчаны и отправились в город.

Астрид жила с королевой Гунхильд в Королевском зале, и они направились туда. Рано утром здесь было полно слуг, которые укладывали в зале свежий камыш и наводили порядок. Увидев проходящего мимо карла с подстриженными волосами и золотым воротником, Сигурд окликнул его и послал спросить, готова ли леди Астрид.

Через пять минут появилась сама Астрид с луком и колчаном и обратилась к ним с радостным приветствием: "Доброе утро, мои викинги! Остыла ли еще ваша опрометчивая решимость?"

"Мало шансов на это", - ответил Вагн, его полупрезрительные, полунасмешливые глаза загорелись в быстрой улыбке.

"Мой сокол готов сменить хозяина, - добавил Сигурд, - но сегодня, конечно, шансов на это нет".

"О, действительно!" Темные глаза Астрид весело вспыхнули. "Это еще предстоит увидеть, мой господин из Йомсборга и Борнхольма!"

Болтая и смеясь, они отправились в путь, оставив город позади и пересекая поля, к гавани. Поднявшись на вершину холма, они остановились. Далеко внизу лежал огромный флот - шестьдесят кораблей Йомсборга и собравшихся датских лордов; их щиты сверкали в лучах утреннего солнца, их драконьи стрелы и высокие резные кормы были позолочены или раскрашены в яркие цвета.

У Астрид перехватило дыхание от восхищения. "О, как прекрасно быть викингом! Как бы я хотела быть мальчиком!"

Двое других рассмеялись. "Это не так уж и чудесно, - улыбнулся Сигурд. "По-моему, это тяжелая работа. Каждое утро учения и тренировки в обращении с оружием, оружие, которое нужно натирать, и гребля! У меня спина болит даже при мысли об этих низких, тяжелых веслах!"

"Вон наш корабль с позолоченным носом, - указал Вагн на большое длинное судно, стоящее в стороне от остальных. "Сигурд много говорит о работе, но мечом и щитом он не уступает никому во флоте, кроме своего отца или ярла..."

"Или тебя самого", - быстро вмешался его кузен. "Однако пойдете дальше, мне не терпится решить судьбу моего сокола".

Они сошли с дороги и, пройдя две-три мили, вышли на одинокий берег, дикий и скалистый. Вагн захватил с собой старый деревянный щит и установил его в качестве мишени на большом камне в ста футах от берега.

"Стреляй первым, - приказала Астрид. "Я буду следующей, потом Вагн".

Сигурд кивнул и выбрал стрелу. Натянув тетиву, он поднес древко к уху и натянул тетиву. Тванг! Стрела вонзилась глубоко в щит, чуть выше центрального железного босса.

"Вагн бросился вперед, но Астрид лишь улыбнулась и подняла лук. Тетива натянулась, и в ответ раздалось эхо, когда стрела отскочила и щит упал назад.

"Ура!" - воскликнул Вагн, подхватывая его. "Полный вперед, железный босс! Но больше ты так не сможешь!"

Сигурд тоже побежал вперед, чтобы посмотреть, и когда они осматривали щит, их испугал внезапный крик. Повернувшись, они увидели, что Астрид борется с тремя мужчинами, а из-за угла скалы показались еще несколько.

"Норсмены и шпионы!" - воскликнул Сигурд и, не раздумывая ни мгновения, подхватил стрелу Астрид и побежал вперед, прилаживая ее к своему луку.

"Твой меч!" - позвал Вагн, на бегу срывая мирные ленты со своего оружия. В ответ раздался крик, и норманн бросился вперед, навстречу Сигурду. Копье просвистело у него над головой, и он ослабил лук.

Викинг с носовой мачты упал с грохотом, а Сигурд, пока остальные стояли на месте, сорвал со своего меча мирную ленту. В следующее мгновение его окружили, с ним боролись, наносили удары, и он понял, что из-за скалы появляются все новые и новые люди.

Вот уже рядом с ним блеснул клинок, и голос Вагна прозвучал в его ухе. Один человек был повержен - двое; но на их место пришли другие, и над Сигурдом занесен тяжелый топор. Когда топор опустился, мальчик метнулся под удар, и его меч опустился на плечо викинга; но в тот же миг что-то разбилось о его легкую стальную шапочку, и он больше ничего не знал.

Очнувшись от тупой боли в голове, Сигурд обнаружил, что его руки крепко связаны, а полуденное солнце палит на него. Подняв голову, Фэрхайр увидел, что лежит на форштевне небольшого корабля, а рядом с ним - Вагн, раненный в плечо и потерявший сознание.

Астрид он не видел, и его охватила жгучая жажда; с усилием он поднялся и осмотрелся. Они были в море, и земля лежала далеко позади; на корме и по пояс в корабле находилось пятнадцать или двадцать норманнов.

"Нехило я тебя приложил, парень, но стальной колпак спас твой череп", - раздался голос, и Сигурд обернулся. Позади него стоял смуглый человек с неприятным лицом и волосами цвета соломы; очевидно, это был вождь, так как он только что вышел из каюты.

Сигурд попытался заговорить, но язык у него пересох, и мужчина рассмеялся. "Вот, Торд, - позвал он, - принеси рог с водой".

Один из мужчин в талии взял рог и наполнил его из бочки у мачты, передав вождю, который поднес его к губам мальчика. Сигурд жадно выпил, а затем другой человек плеснул несколько капель на Вагна, который открыл глаза.

Он с трудом поднялся на ноги и резко крикнул.

"Торкель Лейра! I-" Но усилия оказались слишком велики для него, и он снова упал. Их похититель ехидно улыбнулся.

"Он не в состоянии выполнить свою клятву, да?" Это был человек, которого Вагн поклялся убить, предатель его отца! Когда он понял это, голова Сигурда прояснилась.

"Почему ты напал на нас? Кто ты такой?" - возмущенно спросил он.

Торкель снова рассмеялся. "Вагн, похоже, знает меня в лицо! Вы двое и девушка, которую я принимаю за племянницу Гунхильд, станете хорошим подарком ярлу Хакону! Великие хвастуны, великие хвастуны!"

Сигурд покраснел. Когда он смотрел на викинга, сердце его внезапно забилося, ибо в дверном проеме хижины позади он увидел лицо Астрид, приложившей палец к губам. Не подавая никаких знаков, он спокойно ответил вождю.

"В таком случае оставь нас в покое, пока мы не доберемся до Трандхейма". Сказав это, Сигурд снова лег, повернувшись спиной к Торкелю. Тот усмехнулся и шагнул к краю форштевня, выше пояса корабля. Сигурд открыл глаза и увидел Астрид, которая делала знаки и держала в руке его меч.

Сигурд мгновенно понял замысел. Он молча поднялся на ноги и собрался с силами; Торкель отдавал приказы в нескольких шагах от него и не обращал на него внимания. Юноша медленно поднялся на одно колено; он увидел, как Астрид бежит к нему, и в тот же миг бросился головой вперед на Торкеля, нанеся ему сильный удар в поясницу.

Викинг с криком повалился вперед и неподвижно лежал на палубе. Сигурд перемахнул бы за ним через низкие перила, но рука, схватившая его за связанные руки, остановила его; затем он почувствовал, что узлы разрезаны и в его руку вонзился меч.

"Держи лестницу, - задыхалась девушка, - пока я разбужу Вагна".

Сигурд вскочил на вершину узкой лестницы, ведущей с палубы вниз, как раз в тот момент, когда удивленные люди схватились за оружие. Стрела пронзила его волосы; за ней последовала другая, но Сигурд парировал ее своим клинком, а за ней еще одна. Это было старое упражнение викингов, и мальчик не испытывал страха; но с криком ужаса Астрид побежала в каюту и быстро вернулась со щитом.

"Вот, это тебе поможет!" Сигурд схватил его как раз вовремя, чтобы отразить удар копья, и вот уже первый человек оказался на лестнице. Он поднял щит над головой, но Сигурд взмахнул мечом и обрушил его со всей силы. Острое оружие рассекло крепкую бычью шкуру, и человек упал среди своих товарищей.

Торд, принесший воду, бросился наутек, поднимаясь по лестнице по три ступени за раз и опираясь на топор. Когда он достиг вершины, Сигурд метнул меч, но слишком поздно: топор обрушился на его щит и повалил его на колени. Оружие снова взвилось над ним, и Торд с хриплым криком попятился назад, свалив при этом лестницу.

Вскочив на ноги, Сигурд увидел позади себя Астрид с луком в руке, а Вагн, бледный, но решительный, шагнул к нему. Те, кто был внизу, отступили назад, и мальчики увидели, как они оживляют Торкеля, оглушенного падением. Сигурд оперся на меч.

"Смотри, Вагн, мы не можем продолжать это весь день; один-два хороших ливня стрел нас прикончат".

Вагн указал на хижину. "Мы сможем противостоять им всем, а Астрид говорит, что еда и вода внутри".

Сигурд рассмеялся. "Ты похожа на валькирию, Астрид! Я тоже должен благодарить тебя за свою жизнь - но что задумал Торкель?"

"Назад, в каюту!" - крикнула Астрид. "Они лезут на нос, чтобы захватить нас сзади!"

Оглянувшись, они увидели, что полдюжины мужчин пробираются через нос под головой дракона к носу. Пытаться удержать всю носовую палубу было бесполезно, поэтому двое мальчиков и Астрид побежали в каюту, закрыли тяжелую дверь и надежно заперли ее на засов. Окон не было, и только одна или две высокие петли-отверстия давали свежий воздух тем, кто находился внутри.

"Какой у нас шанс на спасение?" - спросила Астрид, усаживаясь на кучу мехов.

"Мало", - угрюмо ответил Вагн, а Сигурд опустился рядом с ней. "Никто не знает, куда мы отправились, и нас не хватятся до полудня. Сейчас, наверное, уже часа три прошло".

Поняв тщетность попыток проникнуть внутрь, норманны не подавали никаких знаков, а полдень медленно уходил. Корабль шел на север под полным парусом, и все трое пленников понимали, что это лишь вопрос времени, когда им придется сдаться.

Очевидно, норманны шпионили за датчанами. Вагн был сбит с ног легким ударом, и всех троих отнесли на корабль, который сразу же отчалил от берега. Астрид оставили без привязи, и она воспользовалась случаем, как только Сигурд пришел в себя.

Ближе к вечеру раздался стук в дверь, и голос Торкеля позвал их:

"Вагн Акисон! Ты меня слышишь?"

ГЛАВА III.

ЯРЛ ХАКОН НОРВЕЖСКИЙ.

"Хорошо, - ответил Вагн, - в чем дело?"

"Полагаю, ты видишь, что не сможешь продержаться вечно; но моим людям не стоит беспокоиться, если они будут выбивать дверь. Завтра мы встретимся с ярлом Хаконом, и если вы сдадитесь с миром, я не стану вас связывать".

"Что же нам делать?" - прошептал Вагн. "Это правда, что нам здесь не удержаться".

"Делать!" - воскликнула Астрид. "Неужели ты доверишься предателю своего отца? Подожди, пока мы встретимся с Хаконом, и тогда мы сдадимся!"

Вагн повысил голос. "Мы не хотим иметь ничего общего с предателями, Торкель. Пусть ярл Хакон поговорит с нами; до тех пор мы будем ждать".

Торкель ничего не ответил, и они услышали, как он удалился. Трое пленников съели кое-что из еды, выпили немного несвежей воды, а с наступлением ночи мальчики заступили на вахту, оставив единственную кушетку Астрид.

Ближе к утру, однако, та проснулась и настояла на своей доле дежурства, так что Сигурд, смертельно уставший, уступил свою вахту и заснул. Мальчики теперь страдали от ран, но они не позволили Астрид перевязать их, так как это было строго против законов йомсвикингов.

Эти свирепые люди обучались с особой строгостью, и за малейшее нарушение их законов полагалась смерть. Раны можно было не перевязывать и не жаловаться на боль, ибо страдания были лишь частью долгого обучения, сделавшего йомсборгское братство самыми страшными бойцами в мире.

Обоих мальчиков разбудил толчок, сотрясший корабль, и они обнаружили, что солнце уже взошло. "Что это за толчок?" - закричали они в тревоге.

"Другой корабль", - ответила Астрид. "Я ничего не вижу, но слышу шум весел и голоса".

Прильнув к бойницам, они обнаружили, что ничего не видят, но до них донеслись звуки возбужденного разговора, и через несколько мгновений к двери быстро приблизились шаги.

"Хо, Вагн Акисон! Астрид Вендландская! Открой!"

Астрид схватила Вагна за руку. "Это ярл Хакон! Я хорошо знаю его голос!"

Не раздумывая, Сигурд, убрав меч в ножны, распахнул дверь. В солнечном свете стоял человек высокого роста, великолепно вооруженный, с бородой и волосами, такими же солнечными, как у Сигурда; но лицо его было мрачным, а глаза быстрыми и немигающими.

"Уступаешь ли ты мне?" - тихо спросил он.

Астрид рассмеялась. "Значит, ты воюешь против девушек, ярл? Что ж, полагаю, я должна сдаться!"

Ярл улыбнулся и провел рукой по ее волосам. "Держи поклон, дитя; ты поступила благородно и хорошо. Идемте на мой корабль".

Когда они спустились за ним по трапу и перелезли через борт, Сигурд увидел, что волосы Хакона покрылись сединой, а сам он ходит скованно, как от старых ран. Рядом с кораблем Торкеля стоял другой, великолепный военный корабль, и, когда они перелезли через фальшборт, оба судна оказались отброшены друг от друга. Хакон провел их в свою каюту и ласково сказал:

"Садитесь и не бойтесь. Торкель рассказал мне историю о клятвах, особенно о твоей, Вагн Акисон. Клянусь молотом Тора, твоим товарищам придется несладко, если они вздумают отнять у меня Норвегию!" Он мрачно улыбнулся.

"Ярл, - воскликнула Астрид, - это по твоему приказу на нас напали? Не забывай, что Свейн - мой дядя!"

Хакон кивнул. "Мне очень жаль, что вас похитили; позже вы вернетесь невредимыми, с той добычей, которую Свейн сочтет нужной. Но кто ты, Фэйрхайр?"

Сигурд рассмеялся. "Меня действительно так называют люди, ярл; мое имя - Сигурд Буиссон".

Хакон удивленно присвистнул. "Так! Значит, у меня есть два хороших заложника! Тем лучше; я возьму вас с собой в Трандхейм, но не бойтесь, ибо с вами будут хорошо обращаться - по крайней мере, пока".

С этими словами Хакон вышел из каюты, предоставив ее в их распоряжение, и плавание началось. С мальчиками действительно обращались хорошо, оружие им оставили, и если бы не сопутствующие обстоятельства, они бы получили огромное удовольствие.

В ту ночь они достигли южной оконечности Норвегии, и корабль понесся вперед со всей скоростью, как паруса, так и весел. Ярл Хакон теперь мчался за своим королевством и не жалел сил, чтобы как можно скорее достичь Трандхейма, столицы Норвегии.

На следующее утро они высадились в Хаусе, и Хакон быстро отправил гонцов на север через горы к своему сыну ярлу Эйрику, который находился в Раумарике, и, разделив боевые стрелы, разослал их всем вождям поблизости в знак того, чтобы они немедленно собирали людей. Затем, набрав свежих гребцов, корабль поспешил дальше, как не спешил никогда прежде, ибо на карту было поставлено королевство Норвегия.

Вечером следующего дня они остановились в Раумсдейле, чтобы отправить боевую стрелу и набрать новых гребцов; но они быстро продвигались вперед и на третий день, проскочив Трандхеймский лиман, достигли города сразу после захода солнца.

Их встретила огромная толпа, ибо весть разнеслась быстро, и они высадились на берег под громкие крики и звон оружия. Ярл Хакон оставил мальчиков при себе, а Астрид отправил в королевскую ратушу, где ее ждали женщины и заботились о ней, как подобало ее рангу. Затем, не заходя туда сам, он свернул в сторону, за ним последовала вся толпа, и направился к большому храму Тора, бога войны.

Ярл Хакон был язычником и твердо верил в старых богов Норвегии, как и большинство его подданных. Храм в Трандхейме был самым большим в стране, а ярл Хакон, как правитель страны, был его верховным жрецом.

Когда они проходили под огромными каменными дверями, Сигурд Фэйрхайр вздрогнул, и Вагн прошептал ему: "Крепись, Сигурд, держись крепче!"

Сигурд сжал его руку в ответ. Увидев, куда они идут, юноши решили не участвовать в поклонении языческим богам, ибо оба были христианами. Храм был высоким и мрачным, факелы освещали его очень слабо, но по бокам виднелись статуи Одина Одноглазого, Фрейи Прекрасной и других богов. В конце, напротив дверного проема, стоял высокий алтарь перед золотой статуей Тора, и Хакон медленно поднялся по ступеням.

При его появлении викинги, бонды и горожане опустились на колени, а за алтарем Сигурд заметил, как жрецы привели белого быка для жертвоприношения. Оглядевшись по сторонам, он увидел, что стоят только они с Вагном; другие тоже заметили это, и по огромному зданию пронесся гневный ропот, похожий на негромкое клочотание бури.

Оба мальчика побледнели, но стояли твердо и прямо, пока ярл Хакон произносил короткую молитву богу войны. Когда его голос затих, бормотание позади него переросло в рев, и раздались яростные крики "На колени!". "На колени!" "Смерть христианам!"

Хакон повернулся и поднял руку, и рев сразу же утих. Когда он увидел причину беспорядков, его лицо потемнело.

"На колени, на колени! Неужели вы оскорбите Тора в его собственном храме?"

"Мы не преклоним колени ни перед кем, кроме Белого Христа", - смело заявил Сигурд, хотя сердце его учащенно билось.

Рука Хакона метнулась к мечу, и толпа подалась вперед; тогда ярл опустил руку и обратился к одному из своих людей.

"Харальд, отведи этих двоих в королевский зал и проследи, чтобы им не причинили вреда, под страхом твоей жизни. Идите!"

Не говоря ни слова, мальчики последовали за мужчиной, который вел их к выходу, высоко подняв головы и положив руки на мечи. Норсмены, бормоча угрозы, уступали им дорогу, но, выбравшись на открытое пространство, их проводник повел их по темным улицам и через несколько минут остановился у Зала.

Их провели в комнату и заперли дверь на засов. При грохоте засова Вагн нарушил молчание.

"Ну и ну! Вот это мы попали впросак, старина! Я до смерти перепугался, когда ты ответил Хакону!"

"Я тоже", - признался Сигурд, улыбаясь. "Но мы слишком ценны как заложники, так что храбрости нам не занимать. Видишь ли, мы останемся с Хаконем?"

"Нет, если мы можем помочь", - рассмеялся Вагн. "Полагаю, за нами будут внимательно следить, и тогда нам придется присматривать за Астрид".

Сигурд кивнул. "Что ж, мы увидим ее утром. В любом случае, сейчас ей ничего не угрожает".

Однако Сигурд ошибся: они не виделись с Астрид целую неделю. Они были тесно заперты в своей комнате, и только на шестой день им разрешили ее покинуть. Их надзирателем был тот же самый человек, который вывел их из храма в первую ночь. Войдя на шестой день утром, он оставил дверь открытой и сказал:

"Вы свободны от города, но не покидайте его. Ярл Хакон уехал, и вам лучше быть начеку, ведь я отвечаю за вас".

"Куда ушел Хакон? А леди Астрид здесь?" - спросил Вагн.

"Я ничего не знаю ни о какой леди Астрид, но ярл Хакон отправился на юг, в Мор, чтобы собрать людей, и, возможно, вернется, чтобы встретиться с ярлом Эйриком".

Мальчики не стали ждать, пока они узнают больше, а поспешили в большой зал, где нашли женщину, которая направила их в комнату Астрид. Когда они дошли до нее, Астрид с радостным криком бросилась к двери.

"О, я думала, ты умер! Я однажды видела ярла Хакона, но он был ужасно занят и ничего мне не сказал. Где ты был?"

Вагн вкратце описал их приключение в храме и в нескольких словах рассказал о последующем заточении.

"Я бы никогда не решилась на такое!" - воскликнула Астрид, когда он закончил. "Отважиться на такой поступок со всеми этими людьми! Но подойдите к этому окну и говорите потише; в соседней комнате есть женщины".

Убедившись, что дверь заперта, Сигурд и Вагн присоединились к ней у окна.

"Прошлой ночью я услышала разговор двух мужчин в коридоре и прислушалась. Ярл Эйрик собрал большое войско из Раумадейла, Халогаланда и Трандхейма и с величайшей поспешностью снаряжает огромный флот. Хакон собирает людей в Северном и Южном Море. Две ночи назад, перед самым отъездом Хакона, от Эйрика пришел гонец.

"Вот их план. Когда Хакон соберет всех людей, которых сможет, он отправится на север, чтобы встретиться с Эйриком, который движется на юг. Они рассчитывают, что у них будет не менее 150 лонгшипов, когда они объединят силы, и намерены дожидаться вашего флота в заливе Хиорунга и взять его в ловушку".

"Ловушка!" - вскричал Сигурд. "С такими большими силами?"

"Да, потому что они боятся людей из Йомсборга, даже при численности три к одному. Крестьяне должны сказать ярлу Сигвальду, что Хакон находится в бухте Хиорунга с одним или двумя кораблями, а Сигвальд и Буй поспешат захватить его, и таким образом попадут в окружение всего флота. Понимаешь?"

Глаза Сигурда вспыхнули. "Значит, Хакон все же предатель! Это ужасно, Вагн; в такой ловушке никто не спасется!"

"Боюсь, что нет, Фэйрхайр, - печально покачал головой Вагн. "Сигвальд попадет в нее, ибо он порывист и тороплив, как и твой отец. Я вижу только одно, что можно сделать".

"Что именно?" - воскликнули остальные, когда он сделал паузу.

"Ты, Сигурд, и я должны украсть лодку здесь, в гавани, и отплыть на юг. У нас почти нет шансов добраться до Сигвальда вовремя. Эйрик уже добрался до Трандхейма?" Он повернулся к Астрид.

"Пока нет, но его ждут в любое время".

"Значит, мы можем успеть!" - взволнованно вскричал Сигурд.

Тут Астрид взяла себя в руки и сказала решительным голосом: "Подождите! Если ты уйдешь, я тоже уйду; не думай, что сможешь меня бросить!"

ГЛАВА IV.

СПАСЕНИЕ В БУХТЕ.

"Не стоит", - ответил Вагн. "Нас может унести в море или захватить Эйрик или Хакон - неизвестно. Здесь ты в безопасности".

Глаза Астрид вспыхнули, и она гневно воскликнула: "Я говорю, я пойду! Если нас схватят, я буду в такой же безопасности; а вы вдвоем справитесь с маленькой лодкой в любом море".

"Но, Астрид, - в ужасе возразил Сигурд, - в лучшем случае это займет у нас три дня, и..."

"Тем более нужен еще один человек. А теперь не говори больше". Она решительно поджала губы, и возражения Вагна исчезли в грохоте смеха.

"Пойдемте, - весело воскликнул он, - я скорее сражусь с дюжиной норманнов, чем попытаюсь противостоять вам! Сейчас мы спустимся в гавань и попробуем найти лодку".

"Похоже, ты думаешь, что это не более чем вопрос выбора лодки и поднятия паруса", - рассмеялся Сигурд, когда они вышли из зала.

"Нет, - ответил Вагн, - но бесполезно думать о препятствиях до того, как они появятся".

Улицы были заполнены людьми из окрестных деревень, а оружейники, похоже, занимались процветающим бизнесом. На троих никто не обращал внимания, и вскоре они добрались до берега воды.

Когда они медленно шли, разглядывая корабли в гавани, Сигурд вдруг остановился.

"Ура! Кажется, у меня есть план получше!" - воскликнул он. "Видите вон тот корабль с желтыми глазами, нарисованными на носу?"

"А что с ним?" - спросил Вагн.

"Разве ты не помнишь? Она была в Йомсборге месяц назад, и ее капитан - старый друг ярла Сигвальда. Почему бы нам не попросить его отвезти нас в бухту Хиорунга, чтобы встретить флот?"

"Самое то!" Астрид в восторге захлопала в ладоши. "Признаюсь, мне казалось почти безнадежным проделать путь на маленькой лодке, не попав в плен или не унесшись далеко в море. Но если предположить, что он не возьмет нас?"

"Возьмет, - ответил Вагн, - я помню его имя - Ульф Рингссон, и он будет рад помочь Сигвальду. Как мы его увидим?"

"Ты отведи Астрид в зал, а я поплыву на маленькой лодке", - ответил Сигурд. "Если за нами кто-то наблюдает, мы отгоним их в ту сторону".

Астрид и Вагн повернули назад, а Сигурд некоторое время прогуливался, как бы наблюдая за судоходством. Вскоре он подошел к лодочнику.

"Одолжи мне свою лодку на час-другой, друг мой, - сказал он, протягивая ему монету.

"Охотно, - ответил тот, вытаскивая свое судно и вставляя в него весла. "Дела нынче идут неважно; боюсь, мне придется отправиться с ярлом Эйриком, если я хочу заработать денег!"

"Лучше не надо", - рассмеялся Сигурд, - "ты можешь встретить сталь Йомсборга, и это будет плохой приметой".

Мужчина захихикал, отпихивая Сигурда. "Никакой опасности, милорд! Если меня не будет здесь, когда вы вернетесь, просто поднимите лодку и покиньте ее".

Сигурд кивнул и медленно отплыл от берега. Он не сразу направился к кораблю, а сначала посетил другие суда, задавая вопросы их экипажам и делая вид, что ему просто любопытно. Через некоторое время он добрался до борта корабля Ульфа и, проскользнув под противоположным от берега бортом, перелез через поручни.

Как только он ступил на палубу, перед ним встал высокий мужчина. "Кто ты и что тебе нужно?"

Сигурд улыбнулся и снял меховую шапку. "Мне нужен Ульф Рингссон, а я - Сигурд Буиссон из Борнхольма".

Ульф с удивлением схватил его за руку и повел в каюту.

"Команда на берегу, но лучше не рисковать. Что ты здесь делаешь? Я слышал, что тебя забрал Хакон".

Мальчик быстро рассказал о своих приключениях, поведал о ловушке, которую собирались устроить для флота Йомсборга, и попросил Ульфа помочь им.

"Конечно, Сигурд, конечно! Я могу удобно разместить вас двоих и леди Астрид, но если нас перебьют... Ну, мои люди не бойцы, ты же знаешь!"

"Мы воспользуемся этим шансом", - ответил Сигурд, горячо поблагодарив его за помощь. "Когда же вы сможете отплыть? Каждая минута на счету".

"Знаю, но я не могу отплыть раньше утра третьего дня. Скажем, в полночь второй ночи после этого. Мой груз еще не весь, да и вообще это будет выглядеть слишком подозрительно. Но "Выдра" - быстроходный корабль, и мы доберемся до побережья гораздо быстрее, чем Эйрик со своими военными кораблями".

"Тогда жди нас", - сказал Сигурд. "Вы встретите нас на берегу?"

"Так будет лучше", - ответил Ульф. Я отгоню "Выдру" подальше до наступления ночи и буду ждать вас здесь, напротив, с небольшой лодкой".

Сигурд, пожав на прощание руку, снова перевалился через борт и медленно поплыл по судоходному пути. Когда он проходил мимо большого корабля, то увидел, что матросы неуклюже пытаются поднять парус. Судя по их виду, он принял их за новобранцев из деревни, направляющихся на службу к Хакону, поскольку корабль был военным. Он на мгновение замолчал, с улыбкой наблюдая за ними; затем улыбка угасла, когда он увидел офицера, повернувшегося к нему спиной и стоявшего прямо под тяжелым лонжероном, который поднимали люди.

"Ему лучше быть начеку, - подумал Сигурд, - если эти парни потеряют хватку за канат - ах, я так и думал!"

Но даже когда эта мысль промелькнула в его голове, канат выскользнул из рук людей, и верфь упала, нанеся офицеру сильнейший удар и опрокинув его за борт.

С криком Сигурд бросил весла в воду и достиг места, где упал человек, прежде чем растерянные люди на корабле успели спустить лодку. Он ничего не мог разглядеть, поэтому, быстро сбросив меховую шапку и плащ и отстегнув ремень с мечом, Сигурд сделал длинный вдох и нырнул с борта лодки.

На мгновение ледяная вода парализовала его, а затем, открыв глаза, юноша поразился. Прямо под ним лежало бесчувственное лицо Торкеля Лейра!

Сигурд приостановил свой удар. Почему бы не оставить этого предателя и злодея на произвол судьбы, столь заслуженной им? Зачем рисковать собственной жизнью ради такого ничтожества, как Торкель? Но он колебался лишь мгновение; поспешно ухватившись за волосы мужчины, он вынырнул на поверхность.

Хотя Сигурд был хорошим пловцом, он поднялся на поверхность со вздохом облегчения: он пробыл под водой почти минуту, и вода была слишком холодной для комфорта. Торкель был лишен чувств и не оказывал никакого сопротивления.

Когда он вынырнул, до его слуха донесся крик, и рядом с ним оказалась небольшая лодка. Его собственный ялик был недалеко, и после того, как люди с его стороны подняли Торкеля,

он направился к своей лодке. Сигурд прекрасно понимал, что не хочет, чтобы его допрашивали, ведь любая оплошность сейчас разрушит их планы побега, поэтому, не обращая внимания на крики норманнов, он перелез на корму своего судна, поспешно надел меховой плащ и направился к берегу.

Он вытащил лодку и сразу же отчалил. Его промокшая одежда уже успела замерзнуть, а плащ скрыл большую ее часть, так что он без вопросов вернулся в зал. Когда он вошел в свою комнату, Вагн встретил его возгласом изумления, когда он сбросил плащ.

"Что за..." - начал он, но Сигурд со смехом прервал его.

"Скорее, вода, Вагн. Помоги мне сначала снять эти мокрые вещи".

Ярл Хакон прислал им изрядный запас одежды, и когда Сигурд переоделся в сухое, он рассказал о приключении своему кузену.

"Молодец, старик!" - воскликнул Вагн, когда тот закончил. "Не думаю, что я устоял бы перед соблазном дать ему утонуть и избавиться от этого негодяя. Кто-нибудь узнал тебя?"

Сигурд покачал головой. "Я убежал слишком быстро, и Торкель потерял сознание. Дворф ударил его по плечу, так что, полагаю, он не очень сильно пострадал. Не говори ничего об этом Астрид".

"Почему?" - удивленно спросил Вагн.

"Ну, - засомневался Сигурд, - она бы подняла из-за этого шум, и... я бы очень хотел, чтобы ты этого не делал, старина!"

Видя, что Сигурд действительно этого хочет, Вагн согласился, и они отправились в комнату Астрид, чтобы рассказать ей о своих планах с Ульфом.

Астрид встретила их со смехом. "Ты быстро изменился, Сигурд, - сказала она.

"Почему, что ты имеешь в виду?" Оба мальчика уставились на нее.

"О, одна из моих служанок только что прибежала и рассказала, как какой-то желтоволосый незнакомец спас нашего старого друга Торкеля в гавани и сбежал, прежде чем они смогли выяснить, кто он такой. И я поняла, что это, должно быть, Фэрхайр!"

"Так оно и было, Астрид!" - вскричал Вагн. "Если бы я был там, я бы дал этому негодяю утонуть!"

"Нет, Вагн, ты бы так не поступил, - возразил Сигурд. "Ты мог бы убить его в честном бою, но ты не позволил бы ему утонуть, не попытавшись спасти его!"

"Неважно, - сказала Астрид, глядя на Сигурда, - это был благородный поступок, Фэрхайр, и я горжусь тобой за него".

Сигурд густо покраснел и поспешил свернуть разговор, рассказав о своей встрече с Ульфом.

"Кстати, - добавил Вагн, - я кое-что узнал. На ночь наши двери запираются, и человек спит снаружи, в коридоре, перед ними. Должно быть, Хакон считает, что нас стоит оставить!"

Сигурд задумался. "Единственный выход, который я вижу, - это заманить нашего стражника внутрь и связать его, а потом пойти в комнату Астрид и схватить ее стражника, пока он не

успел закричать. В любом случае, Астрид, будь готова на вторую ночь после этого, около полуночи, и мы как-нибудь тебя достанем".

"В это время нам лучше не показываться вместе, - предостерегла девушка, - иначе кто-нибудь может что-то заподозрить".

Вагн кивнул. "Верно. Тогда мы не увидим тебя, пока не придем за тобой!"

"Хорошо", - рассмеялась Астрид, когда они уходили. "До свидания!"

ГЛАВА V.

ПОБЕГ ИЗ ТРАНДХЕЙМА.

В ту ночь мальчики наблюдали за происходящим и обнаружили, что в полночь сменяется караул, и решили предпринять попытку сразу же после смены караула, так как в этом случае у них будет больше времени, чтобы благополучно скрыться.

Два последующих дня прошли медленно, и мальчики провели их в блужданиях по городу. Они не привлекали к себе внимания, поскольку в гавани стояли один или два датских корабля, судно из Англии и еще одно из Исландии, причем оба они были торговыми судами, зимовавшими в Норвегии. Сигурд не смог подавить дрожь, когда однажды они проходили мимо мрачного храма Тора.

"Когда же эти люди станут христианами?" - спросил он своего кузена, глядя на массивный каменный портал. "Если мы действительно завоюем Норвегию, пусть первым нашим делом будет снос этого запятнанного кровью старого места и возведение на его месте храма Христа!"

"Да", - поправил Вагн. "Если! Клятву легко дать, Фэрхейр, но трудно ее выполнить. В Норвегии много вождей, столь же благородных, как ярл Хакон, и ни одна страна не может быть завоевана против ее воли, пока есть тот, кто поведет народ против захватчика. Король Свейн или его сын Канут вполне могут захватить Англию, ибо Этельред - жестокий и ненавистный король; но я сомневаюсь, что мы когда-нибудь придем в Трандхейм завоевателями".

На второй вечер, когда Харальд пришел запереть их в комнате, он ворчал: "Если бы не вы двое, я бы сейчас был с ярлами. Скоро все будет кончено с вашими йомсборгцами!"

"Что ты имеешь в виду?" - воскликнул Вагн. "Эйрик еще не пришел сюда!"

"И не придет", - ответил Харальд, пристреливая болт. "Сегодня он прошел за Ферт с шестьюдесятью кораблями и присоединится к своему отцу завтра вечером в Море".

"Сколько кораблей будет у обоих ярлов?" - спросил Сигурд.

Мужчина остановился в коридоре. "Почти двести, потому что Хакон взял с собой на юг семьдесят четыре, и еще столько же он соберет на юге".

Когда шаги мужчины стихли, оба мальчика в угрюмом молчании уставились друг на друга.

"Слишком поздно, Сигурд!" прозвучал голос Вагна.

"Еще нет", - возразил Сигурд. Ульф сказал, что "Выдра" достаточно быстра, чтобы обойти Эйрика, а кроме того, наш собственный флот, возможно, еще не зашел так далеко на север. Никогда не сдавайся!"

"Это верно, - согласился Вагн, - ведь люди наверняка захотят высадиться и пограбить. Ну что ж, может, еще есть надежда".

Они стояли на страже до полуночи, а потом, когда облегченная стража удалилась, Вагн подтолкнул Сигурда, и тот издал протяжный, угрюмый стон.

На второй стон человек снаружи зашевелился, на третий - отстегнул засов и сказал: "Ну, что с тобой? Ты болен?"

Сигурд снова застонал, что-то пробормотал, и человек вошел. Как только он вошел, Вагн набросил ему на голову плащ, а Сигурд бросился на него. На мгновение он стал яростно сопротивляться, но плащ сковал его, и вскоре он уже лежал связанный на полу, а мальчики скрылись в коридоре.

В молчании они спустились в женские покои, никого не встретив. Мужчина, стоявший перед дверью Астрид, был полусонным, и они связали его с небольшим трудом. В этот момент дверь открылась, и из нее вышла девушка в темном плаще, накинутом поверх юбки.

"Отлично!" - прошептала она, увидев связанного мужчину. "Я готова".

Они без помех перешли улицу и, не встретив ни одного человека, на огромной скорости помчались вниз по холму к гавани. Прибыв на берег, они обнаружили, что их ждет лодка "Выдра", а сам Ульф стоит на берегу, закутавшись в плащ.

Пока они гребли к кораблю, Вагн рассказал Ульфу, как им удалось спастись, а когда они добрались до "Выдры", Ульф выскочил на палубу и негромко крикнул: "Всем приготовиться, люди! Спустить трос и выпустить весла".

Весла, уже заглушенные, были спущены, и вскоре "Выдра" уже бодро неслась по воде, а слабый свет звезд помогал им ориентироваться в судоходстве. Чуть позже они вышли в открытый Ферт, и огромный квадратный парус был поднят. Наконец-то они отправились домой!

"Ну, это последний раз, когда я вижу Трандхейм на много дней", - заявил Ульф, глядя на проплывающие мимо берега. "Впрочем, это не имеет большого значения. Торговля из этой страны мало что дает, и в следующее плавание я, пожалуй, отправлюсь в Англию или Фландрию. А теперь не хочешь ли ты пойти спать? Я приготовил каюту для леди Астрид, а вы, как и я, можете пойти к мужчинам".

К утру они уже были далеко от берега, и, поскольку "Выдра" была очень быстрым судном, Ульф не опасался погони. Весь день они плыли на юг, а вечером нос корабля был выведен в море.

"Флот Эйрика прошел здесь вчера днем, - объяснил Ульф, - и мы не хотим с ними столкнуться. Если ветер будет попутным, к утру мы окажемся почти напротив Хьорунга-Фирта, и тогда повернем к берегу".

Проснувшись утром, мальчики увидели, что "Выдра" действительно идет на восток, но над морем стоял густой туман, ветер стих, и "Выдра" двигалась на веслах.

"Мы находимся недалеко от берега, - сказал Ульф, - и, поскольку солнце, должно быть, только встает, туман скоро рассеется".

Вдруг, когда они медленно продвигались вперед, рулевой окликнул Ульфа, который выскочил на корму.

"Идите сюда, друзья, - обратился он к мальчикам, указывая вперед, - что это там?"

Казалось, что там, впереди, сквозь туман тускло горит множество огней. Несколько минут они смотрели, недоумевая, а потом Вагн крикнул.

"Поверни нос, быстро!" - крикнул он рулевому. "Это вовсе не костры! Это флот, и туман там, где они находятся, должно быть, рассеялся, так что солнце освещает позолоченные драконьи стрелы! Вот что мы видим!"

Но было уже поздно: через несколько минут туман вокруг них рассеялся, и в миле от них показались высокие скалы Норвегии, а еще дальше сверкали белые паруса огромного флота кораблей.

"Что это за флот?" - воскликнул Сигурд, и сердце его забилося.

"Не знаю", - ответил Ульф. "Мы должны бежать и использовать свой шанс. Если случится худшее, мы сможем обогнать их, ведь ветер крепчает. А теперь позавтракаем".

Они торопливо поели, а "Выдра" быстро неслась по волнам. По истечении часа Вагн, наблюдавший за происходящим с форштевня, радостно вскрикнул. "Это наш собственный флот! Я вижу парус с красным крестом!"

"Это лиман Хиорунга, там, на севере", - объявил Ульф, когда Астрид присоединилась к ним на носу. "Видите, флот направляется к нему, и мы, возможно, еще успеем, ведь через полчаса мы будем у них на носу".

За это время они приблизились настолько, что могли различить отдельные корабли, а поскольку все они знали корабль ярла Сигвальда в лицо, Ульф взял курс на это подразделение.

As they all knew Jarl Sigvald's ship by sight, Ulf steered toward that division.

Все они знали корабль ярла Сигвальда в лицо,
Ульф направился к нему.

Какое это было зрелище! Корабль за кораблем, с ярко раскрашенными парусами и сверкающими носами, в форме птиц и зверей, все они были заполнены вооруженными людьми, а далеко впереди сверкали паруса еще большего количества кораблей.

"Это выглядит странно, Вагн, - с тревогой сказал Сигурд. "Я не вижу ни одного из кораблей моего отца; должно быть, он пробился вперед и может попасть в ловушку Сигвальда!"

Через несколько минут их окликнул ближайший корабль, и когда йомсвикинги узнали Вагна и Сигурда, раздался мощный крик, который перекатывался с корабля на корабль, пока новость распространялась по флоту, и среди рева военных рогов и лязга оружия "Выдра" подплыла к кораблю ярла Сигвальда, поспешно натянула весла, и Вагн вскочил на борт, а за ним последовал Сигурд.

Сигвальд очень обрадовался их побегу, но сейчас не было времени рассказывать об этом. Вагн быстро рассказал о заговоре ярла Хакона, и люди, столпившиеся вокруг, разразились гневными криками. Рулевой выкрикнул новость, и ее подхватили остальные корабли.

"Нам нельзя терять времени, - вскричал Сигвальд, - ведь Буи ушел вперед и высадил людей для грабежа". Он повернулся к "Выдре". "Ульф, - крикнул он, - держи леди Астрид на борту и жди три дня у самой середины Херейских островов, в миле или двух к югу. Если к тому времени ты не услышишь о нас никаких вестей, лети со всей скоростью к королю Свейну".

Ульф махнул рукой, и с последним прощанием мальчики расстались с Астрид, когда корабли разошлись.

"Я посажу тебя на корабль, - воскликнул Сигвальд, обращаясь к Вагну, - пока мы будем плыть. Поднять парус! На весла!" Он схватил свой большой боевой рог и мощно затрубил. Люди бросились на свои места, и, проходя через весь флот, они радостно приветствовали отважных мальчишек, принесших весть. Пospешно подняли паруса, и клинки вспыхнули в лучах утреннего солнца, ведь Буи, высадившийся впереди флота у острова Ход, должен был быть немедленно предупрежден.

Они приблизились к кораблю Вагна, и двое мальчиков вскочили на борт. Люди Вагна, не раз сопровождавшие его отца и деда в тяжелых боях, пришли в ярость при виде юноши и не менее сердечно приветствовали Сигурда. Но Фэрхайр беспокоился за отца, который, как он знал, был слишком опрометчив, и вдруг он услышал, как рулевой издал испуганный крик, и увидел, как он размахивает руками.

"Что такое?" - закричал он, взбегая по трапу, за ним последовал Вагн. Но в словах не было нужды. Там, стремительно огибая оконечность острова Ход в сторону бухты Хиорунга, в безумной спешке неслась дивизия Буи. Он попал в ловушку!

ГЛАВА VI.

БУХТА ХИОРУНГА.

"Вперед!" протрубил боевой рог ярла Сигвальда, и флот двинулся в путь, чтобы поддержать своего опрометчивого вождя. Сигурд издал стон ужаса, но Вагн подбодрил его.

"Его не возьмут, Фэрхайр, но он вернется, когда увидит ловушку. Тем не менее, мы попали в нее, ибо Сигвальд не может с честью отступить; мы должны идти вперед и сражаться, как люди Йомсборга!"

Корабли Буи исчезли за северной оконечностью острова Ход; затем, когда Сигвальд привел свой флот в боевой порядок, с каждой полудюжиной кораблей, сцепленных бок о бок, они снова появились в поле зрения, с опущенными парусами и веслами, взбивающими брызги на воде.

Первым к флоту подошел корабль Буи, и когда он стоял на форштевне и кричал о своем открытии, Сигвальд остановил его и приказал выстроиться в боевую линию позади флота. Буй проплыл мимо корабля Вагна, и в этот момент Сигурд с криком вскочил на поручни.

Останавливаться было некогда, поэтому отец лишь махнул рукой, пропуская его, и воскликнул с радостью и удивлением: "Скоал, Сигурд! Используй сегодня свое лучшее оружие!" Это был последний разговор Сигурда со своим отцом, Буи из Борнхольма.

По мере того как флот медленно продвигался вперед, один за другим корабли Буи отступали назад и формировались за линией Сигвальда. Йомсборгцы могли бы и дальше бежать, но они не решались этого делать - это противоречило их законам. День клонился к вечеру, и когда они свернули с мыса в бухту, ветер внезапно переменялся и подул против них - и там, двигаясь на них, лежал норвежский флот!

Раскинувшись огромным полумесяцем, сверкая веслами и сталью, флот Хакона двинулся вперед, а Сигвальд разбил свое войско на три части. Вагн Акисон, благодаря месту своего отца и собственной славе, командовал третьей частью кораблей; рядом с его судами стояли суда Буи, а Сигвальд командовал последними двадцатью.

"Смотри, Вагн!" - крикнул Сигурд, наблюдая за норманнами, все еще находившимися в полумиле, - "они тоже расходятся!"

"Да, - с горечью ответил Вагн, - но там должно быть около двухсот кораблей, переполненных людьми. Значит, шестьдесят или семьдесят против каждого из двадцати наших дивизионов!"

Затем, вскочив на пояс, Вагн раздал байрни, или рубахи из сплетенных стальных колец, и открыл несколько сундуков с мечами и топорами, чтобы люди могли достать их. Они с Сигурдом были полностью вооружены, и оставалось только ждать нападения.

Оно не заставило себя ждать. Знамена ярла Хакона внезапно поднялись, раздался громкий звук боевых рогов, и на корабли йомсборгцев посыпались камни и стрелы. Сигвальд тоже поднял знамя, и его люди ответили ему, но преимущество было на стороне норманнов, так как ветер был попутным и быстро поднимался до штормового. Тем не менее, йомсвикинги хорошо стреляли и внесли большое смятение в ряды своих врагов, так как их длинные острые копыя пробивали щит, байрни и тело.

Когда оба флота сблизились, большая часть луков была отброшена в сторону, а копыя опустели. Сигурд и Вагн, стоявшие на высоком форштевне со своими отборными людьми, быстро орудовали своим оружием, но через минуту с треском, едва не повалившим их на палубу, флоты сошлись.

"Сосредоточьтесь на корабле против нас!" - крикнул Сигурд, и град копий обрушился на большой корабль, чей нос столкнулся с носом корабля Вагна. Норсмены попытались высадиться, но их встретил страшный залп оружия, и через мгновение Сигурд издал радостный крик.

"Ура! Мы еще победим!" Вагн вторил ему, потому что нападавший медленно отступал.

"Бросьте в них грапнель!" - приказал Вагн, и, когда корабль норвежцев был закреплен, он прыгнул в него, а за ним последовали Сигурд и его люди на форштевне. Норсманны уступили, но когда йомсвикинги стали наступать, раздался новый залп рогов, и в прессинг влилась дюжина новых кораблей.

"Назад!" - крикнул Сигурд, видя, как толпа врагов вливается на борт. "Назад к нашему кораблю!"

Они не могли видеть ничего из битвы с обеих сторон, так как были окружены норвежскими кораблями; но когда они поднялись на палубу своего судна, то услышали дикий крик с кораблей Буи, и снова строй норвежцев попятился назад. Оглянувшись, Сигурд увидел корабль ярла Хакона прямо за их кораблем.

"Смотри туда, Вагн! Прикажи людям повернуть копья на Хакона!"

Вагн так и сделал, и на корабль ярла обрушился шквал копий и стрел. Он гордо стоял на носу, и на мгновение дождь оружия почти скрыл его; затем он снова появился, улыбаясь, но его доспехи были разорваны в клочья, и он отряхнулся от них.

Теперь на отряд Вагна обрушился новый шквал врагов, и только высокие борта кораблей викингов спасли их. Люди падали быстро, но пока викинги страдали не так сильно, как враг. Бой еще не перешел в рукопашную, и в густой толпе норвежских кораблей ни одно йомсборгское копьё не ушло в цель, а тренированное мастерство викингов сильно проигрывало неумелой дружине Хакона.

Внезапно Сигурд рассмеялся и зашатался. "Что значит этот смех, Фэйрхайр?" - позвал Вагн, который вел своих людей за талию.

"Стрела, но только в руку", - ответил Сигурд. Древко пронзило его руку чуть выше локтя, но он отщелкнул колючку, просунул ее в рану и продолжил бой. Однако в следующее мгновение мимо его головы пролетела еще одна стрела и вонзилась в рельс позади него; за ней последовала третья, сверкнув в шлеме.

Сигурд понял, что кто-то упорно целится в него, и, отметив направление, откуда прилетели стрелы, увидел лицо Торкеля Лейра на одном из кораблей внизу. Тот как раз целился в четвертую стрелу, наполовину прикрытую щитом одного из последователей.

Поймав стрелу на свой щит, Сигурд со всей силы метнул копьё в ответ. Оружие ударило в щит, прикрывавший Торкеля, пробило его, и Торкель отшатнулся назад. Однако новая атака привлекла внимание Сигурда, и когда он снова стал искать Торкеля, его корабль уже удалился. И тут произошло странное и страшное событие.

День становился все мрачнее, ветер усиливался. Вдруг в небе сверкнула молния, и на всеобщее обозрение предстал корабль ярла Хакона, объятый ярким пламенем, а сам ярл триумфально стоял на корме, держа в руках молот, подобный молоту Тора.

Йомсвикинги закричали от ужаса, приняв фигуру за бога войны; за молнией последовал густой град, камни размером с яйцо, которые сыпались в лица йомсборгцев.

"Тор с нами! Боги сражаются за нас!" Ликующий крик поднялся ввысь от воинства норвежцев, которые с новой силой устремились вперед. И тут же у Вагна вырвался крик, гневный и тревожный.

"Сигурд! Посмотри туда!"

Там, позади них, ярл Сигвальд оборвал крепления своих кораблей и бежал! Йомсборгцы словно обезумели от ужаса, ибо теперь они думали, что Хакон прав, что Тор и Один на самом деле сражаются за него, и пали духом.

Корабль Сигвальда пробился сквозь толщу за кораблем Вагна, и, когда он проплывал мимо, мальчик крикнул:

"Сигвальд! Повернись и сражайся! Поворачивай и сражайся!"

Но Сигвальд лишь побуждал своих людей к еще большим усилиям, и парус был поднят. В этот момент Вагн схватил с палубы копье и с проклятием метнул его в убегающего ярла. Копье не попало в него, но сбило рулевого с ног, и через мгновение корабль скрылся из виду.

Все громче и громче звучали боевые рога Хакона, когда корабль за кораблем следовал за Сигвальдом в его бегстве. Люди Вагна издали один гневный вопль, а затем молча сражались дальше. Вскоре нападавшие отступили, чтобы перевести дух, и тут мальчики увидели, что корабли Буи уже совсем близко.

Буй был лишен надежды, но он был верен своей клятве и стойко сражался. Корабли норвежцев сдались перед его натиском, и с триумфальным криком люди Буи оборвали свои ремешки, чтобы преследовать их. Это было роковой ошибкой, так как в этот момент свежие корабли норвежцев обрушились на них, прорвали их сплошной фронт, окружили и начали наседавать на них.

Сигурд, беспомощно наблюдая за происходящим, видел, как норвежцы поднимаются на борт и медленно очищают палубу; Буй с несколькими своими людьми отступил на форштевень, но теперь он был окружен, и враги наседали на него. Старый воин стойко сражался; Сигурд увидел, как его отец в одиночку сражается с огромным норманном, орудовавшим топором. Буй поскользнулся, топор пронесся над ним и упал на шлем, нанеся ему страшную рану; но, оправившись, Буй зарубил врага, а затем вскочил на поручень.

"За борт, все люди Буи!" - громко прозвучал его голос. В этот момент Вагна вновь настиг бой, но Сигурд успел заметить вспышку доспехов и понял, что его отец погиб, как и положено викингу, под волнами.

Корабли Йомсборга разделились, и каждый из них отчаянно сражался до последнего. Один за другим их брали на abordаж и очищали от людей, и наконец дошла очередь до корабля Вагна.

Тогда, когда норманны перемахнули через борт, викинги впервые пустили в ход мечи и топоры, а во главе их встали мальчики. Раз за разом поток переливался через фальшборт, и раз за разом сталь Йомсборга сдерживала прилив и отгоняла его назад. Наконец позади раздался дикий вопль, и оставшиеся на корабле медленно отступили к форштевню, отчаянно сражаясь.

Очень красивый мужчина высокого роста вместе со своими людьми перемахнул через нос и пробил себе путь к Вагну. Между ними произошла стычка, и высокий мужчина, очевидно, известный вождь, упал под ударами Вагна; однако он снова поднялся, и его люди стремительно окружили Вагна. Сигурд издал крик ярости и бросился на помощь своему другу, но слишком поздно.

Море свирепых лиц обрушилось на него, но он отшатнулся перед топорами йомсборгцев. Вагн лежал без движения, а Сигурд, опираясь на его тело, стоял перед красавцем вождем с топором в руке. Меч другого вспыхнул, и Сигурд на мгновение напрягся, чтобы отразить шквал ударов; затем его топор обрушился на шлем другого, и тот попятился назад. Не успел Сигурд воспользоваться своим преимуществом, как поскользнулся в луже крови, увидел пронесшийся над ним меч, еще раз издал боевой клич и опустил на тело Вагна.

С падением Вагна и Сигурда битва была окончена. Тридцать пять кораблей бежали с Сигвальдом, двадцать пять остались с Буюм и Вагном. Один за другим их брали на abordаж и очищали, ибо ярл Хакон не давал покоя; один за другим они выплывали из водоворота, пустые, но с мертвыми и умирающими. Викинги погибали под мечом и копьем или, следуя примеру Буи, погружались в волны, а вдалеке сверкали белые паруса Сигвальда, а затем исчезали на юге.

ГЛАВА VII.

КАК ВАГН СДЕРЖАЛ СВОЮ КЛЯТВУ.

"Вот и все, я думаю; их двадцать. Нет, этот немного пошатывается. Вот, подними его".

Сигурд открыл глаза. Над ним склонились двое мужчин: один - его красивый противник, другой - Торкель Лейра. Мальчик с трудом поднялся на ноги, и первый помог ему.

Была только середина дня, шторм прошел, и вокруг кораблей Йомсборга лежал норвежский флот. Оглядевшись по сторонам, Сигурд увидел, что палубы завалены мертвецами, а в глубине корабля стоит небольшая группа йомсвикингов со связанными руками. Затем он вспомнил о Вагне.

Торкель Лейра подносил к губам Вагна рог с водой, и Сигурд, слабый и ошеломленный, стоял на коленях возле своего друга, недоумевая, почему Торкель так помогает своему смертельному врагу. Вскоре ему предстояло это узнать.

Вагн поднял голову. Увидев Торкеля, он отбросил рог в сторону и изо всех сил вцепился в руку Сигурда. Но прежде чем он успел заговорить, подошла группа мужчин и по приказу красавца вождя связала мальчикам руки. Затем их завели на талию корабля и присоединили к остальным.

Мужчины издали радостный ропот. "Это была знатная битва, а, Вагн?" - пробормотал старый викинг, Биорн из Бретланда, или Уэльса. "Я двадцать лет сражался под началом твоего отца Аки и твоего деда Пальнатоки, и никогда не видел более великой битвы, чем эта".

"Это печально для братства, Биорн, - слабо ответил Вагн, - когда сам ярл повернул хвост и бежал".

По группе пробежал гневный ропот, затем Сигурд спросил: "Кто этот высокий человек и что они с нами сделают?"

Биорн кивнул в сторону небольших лодок неподалеку. "Они везут нас на берег, но я не знаю, зачем. И человека этого я не знаю".

Подошла группа норманнов, и пленников повели к лодкам, которые быстро подплыли к берегу. Здесь, на длинном поваленном дереве, сидели люди из Йомсборга, ноги их были связаны длинной веревкой, но руки оставались свободными.

Норсмены окружили их, перевязывая раны, обмениваясь грубыми шутками о битве и с благоговением и удивлением рассматривая викингов, чье имя было столь знаменито и кто так стойко сражался с такими большими трудностями.

Вскоре высокий мужчина и Торкель Лейра спустились на землю. "Я нашел его, Сигурд!" - воскликнул Вагн. "Этот красавец, должно быть, ярл Эйрик, сын Хакона!"

В тот же миг красавец подошел к пленникам.

"Вы хорошо и стойко сражались, йомсвикинги, - сказал он, - и мне, по правде говоря, жаль, что ярл Хакон приказал не давать четверти, ибо я хотел бы пощадить ваши жизни, если бы мог".

"Такова военная судьба", - ответил Вагн, храбро улыбаясь. "Если бы мы победили, не думаю, что Сигвальд пощадил бы и Хакона, но у христиан более милосердные обычаи, чем у вас, последователей Тора и Одина".

Другой слегка покраснел и повернулся к Торкелю. "Не в моем вкусе, Торкель, так убивать этих беспомощных людей".

Торкель улыбнулся своей хитрой, жестокой улыбкой. "А мне по вкусу, ярл, убить Вагна Акисона!"

На это Вагн воскликнул: "И все же ты побоялся предстать передо мной в бою, Торкель! Скажи, освободишь ли ты мои узы и встретишь ли меня сейчас с мечом или топором?"

Ропот согласия раздался среди стоявших вокруг норманнов, но Торкель покачал головой, сжимая в руке большой топор.

Когда Торкель отошел, чтобы поговорить с красивой женщиной, старый Биорн наклонился к Сигурду и взволнованно прошептал: "Это всего лишь шанс, Фэрхайр, так что попробуй".

Сигурд кивнул, когда Торкель вернулся. "Лучше всего начать с вождей, Торкель", - воскликнул он, хотя сердце его бешено колотилось: если план Биорна не сработает, ничто не спасет ему жизнь. Торкель прошел вперед и встал перед ним.

"Раз уж ты спешишь умереть, пусть так и будет".

"Подожди!" - воскликнул Сигурд, когда тот взмахнул топором. "Пусть кто-нибудь поддержит мои волосы, чтобы они не были осквернены и испачканы".

Норсман, восхитившись храбростью юноши, шагнул вперед, собрал в руки его длинные светлые волосы, и топор взметнулся.

Когда топор опускался, Сигурд так сильно дернулся в одну сторону, что топор зарылся в землю, а Торкель потерял равновесие и упал вперед. Толпа разразилась хохотом, когда разгневанный мужчина поднялся, но красавец вождь выступил вперед и схватил его за руку.

"Кто ты, красавчик?"

"Меня зовут Сигурд, я сын Буи", - ответил Сигурд, глядя в глаза собеседника, которые встретились с его глазами в восхищении. "Люди Йомсборга еще не все умерли!"

"Воистину ты сын Буи!" - воскликнул другой. "Неужели ты отнимешь у меня жизнь и мир?"

"Если в твоей власти дать их", - ответил Сигурд.

Мужчина поднялся на ноги. "Тот, кто может дать, - ярл Эйрик Хаконсон".

"Спасибо, ярл, - ответил Сигурд со вздохом облегчения, - я приму его". Шепот старого Биорна оказался правдой.

Торкель, мрачно нахмурившись, поднял топор и гневно воскликнул: "Хоть ты пощади всех этих людей, Эйрик, Вагн не уйдет от меня!"

С этими словами он поднял топор. Когда оружие взвизгнуло, Биорн с размаху ударил Торкеля по коленям. Тот споткнулся, топор упал, и Вагн, мгновенно вскочив на ноги, схватил его и исполнил свою клятву.

Раздался громкий крик аплодисментов, ибо больше всего на свете норманны любят смелые поступки. Вокруг собрались восхищенные люди, и ярл Эйрик с улыбкой сказал: "Ты тоже возьмешь жизнь, Вагн?"

"Да, - ответил Вагн, - если ты дашь ее и моим людям".

"Освободи их от веревки", - приказал ярл, и это было сделано.

К этому времени наступил вечер, и норманны поспешно разбили лагерь на берегу; ярл Хакон расположился на противоположной стороне залива. Мужчины сидели у костров и негромко переговаривались, и вскоре к костру ярла позвали двух мальчиков.

Эйрик встретил их приветливой улыбкой. "Садитесь и ешьте, друзья, ибо мне нужно кое-что обдумать. Мой отец отдал прямой приказ не щадить ни одного йомсвика; почему я дал вам жизнь, я не знаю, но вы были мальчишками и полны отваги. Так куда же вы пойдете?"

Вагн посмотрел на Сигурда. Тот кивнул, и Вагн рассказал Эйрику историю Ульфа и Астрид, которые ждали его в нескольких милях отсюда. Когда он закончил, ярл на мгновение задумался.

"Вот мой совет. Если я отправлю вас обоих вместе, мой отец пошлет за вами корабль, чтобы убить вас, а я не хочу, чтобы мое обещание было нарушено. Отсюда я отправляюсь домой по суше в горы, а оттуда - в свое графство. Я бы посоветовал тебе, Вагн, отправиться со мной, ибо я смогу защитить тебя, а Сигурд пусть присоединится к Ульфу с восемнадцатью оставшимися йомсвиками. Я отправлю тебя домой, Вагн, не позже чем через месяц".

"Это хороший план", - воскликнул Вагн. "Разве ты так не считаешь, Фэйрхайр?"

Сигурд согласился, хотя ему не хотелось расставаться с кузеном; но ничего не поделаешь, и решение было принято.

Рано утром следующего дня люди из Йомсборга и Сигурд высадили три маленькие лодки и простились с Вагном. Эйрик хорошо вооружил их и сделал им много подарков, а когда они отчалили, Вагн стоял на берегу и прощально махал рукой.

"Увидимся в Йомсборге в следующем месяце", - сказал Сигурд. "Прощайте!"

Под попутным ветром три лодки быстро пронесли по заливу, обогнули оконечность острова Ход и через час прибыли к Херейским островам. Держась между самым большим и самым маленьким, они вошли в бухту, и там перед ними лежала "Выдра".

До них донеслись приветственные крики, и, когда они подъехали к борту, Ульф Рингссон вскочил на поручни.

"Что слышно о битве? Кто победил?"

Сигурд указал на своих людей, все они были ранены. "Это все, что осталось от йомсвикингов", - ответил он. Раздался вопль ужаса, и Ульф попятился назад.

"Невозможно! Где твой отец Буй, ярл Сигвальд, Вагн Акисон, Аслак Хольмскалле? Они не могут быть мертвы!"

"Некоторым еще хуже", - ответил Сигурд, устало поднимаясь по перилам. "Вагн в безопасности, мой отец погиб вместе с Аслаком, а Сигвальд и его люди снова бежали домой".

Пока Астрид приветствовала Сигурда, а его раненые и изможденные люди забирались на борт, Ульф оставался ошеломленным от изумления. "Беглец! Сбежал!" - пробормотал он. "Сам ярл изменил своей клятве!"

Он не мог в это поверить, ибо священный закон Йомсборга гласил, что ни один викинг не должен поворачиваться спиной к врагу. Сигурд рассказал о схватке, пока взволнованные моряки расспрашивали его людей, и когда он закончил, Астрид выскочила вперед.

"Ты ранен, Сигурд! Видишь, твоя рука вся красная, а голова в крови!"

"Да, перевяжи ее, - горько рассмеялся Сигурд, - ибо правила Йомсборга разрушены вместе с братством навсегда!" Тогда он покачнулся и упал бы, если бы не сильная рука Ульфа.

Они отнесли его в хижину, и пока люди отплывали, Ульф, искусный в пиявках, извлек сломанный наконечник стрелы и перевязал рану. Другая, на голове, оказалась неопасной, и Сигурд вскоре погрузился в глубокий сон, не просыпаясь до полудня.

Качание корабля подсказало ему, что они в море, и он поспешил на палубу; к его удивлению, земли не было видно, и дул сильный шторм.

"Значит, ты проснулся!" - воскликнула Астрид. "Как ты себя чувствуешь?"

"Готов к новой битве", - рассмеялся Сигурд, а затем его лоб омрачился, когда он подумал об отце. Астрид, угадав его мысли, на мгновение замолчала, а затем сменила тему.

"Мы не успели отплыть от берега, как на нас обрушился этот шторм, и Ульф говорит, что он усиливается с каждой минутой".

Сигурд огляделся. Действительно, шторм был сильным, и теперь он заметил, что парус закрыт, а все вещи убраны, кроме трех лодок, на которых он приехал на "Выдру", надежно закрепленных в укрытии на высокой корме.

"Привет, я рад видеть тебя так скоро!" - радостно воскликнул Ульф, и мальчик в благодарность схватил его за руку.

"Если бы ярл Хакон был здесь, Ульф, он бы сказал, что Ран, королева океана, пытается завершить дело, начатое Тором и Одином в бухте Хиорунга".

Сигурд улыбнулся Астрид, но капитан тревожно оглядывался по сторонам.

"Нас ждет тяжелый удар, Сигурд. Хорошо, что "Выдра" держится на носу, ведь, по правде говоря, мы уже далеко от курса на Данию, и вполне может случиться, что нас занесет еще дальше".

ГЛАВА VIII.

"СКОАЛЬ, К КОРОЛЮ ОЛАФУ!"

Сигурд и Астрид, как ни любили они резкий ветер и брызги, вскоре были вынуждены покинуть свой пост на носу "Выдры", потому что море стало сильно накатывать, и они были вынуждены искать убежище в каюте. Все люди, кроме вахтенных, были уложены внизу, и, поскольку "Выдра" была крепким судном, а Ульф - хорошим капитаном, Сигурд не опасался, что они благополучно переживут шторм.

"Как странно все это выглядит!" - заметила Астрид вечером. "Всего несколько недель назад мы были все вместе на пиру в честь наследника моего дяди, а теперь власть Йомсборга расшатана, Вагн далеко в Норвегии, а мы едем неизвестно куда, за море! Интересно, что стало с твоим соколом!"

Сигурд рассмеялся. "Интересно, что! Неважно, скоро мы снова вернемся к доброй королеве Гунхильд. Привет! Как дела, Ульф?"

"Never mind, we will soon be back again with good Queen Gunhild."

"Неважно, скоро мы вернемся
к доброй королеве Гунхильд".

Вошел капитан, обливаясь рассолом, и покачал головой. "Плохо, Сигурд. Это самый страшный шторм, который я когда-либо видел, и я был глупцом, что вышел в море в это время года. Однако мы должны уповать на Бога и сделать все возможное, чтобы пережить его".

Так в течение пяти дней "Выдра" бороздила просторы шторма, совершенно беспомощная. Однако работы хватало всем: гигантские волны то и дело захлестывали низкий корпус судна, и все были заняты тем, что с утра до ночи вытаскивали из воды черпаки. Повезло еще, что восемнадцать йомсвикингов поднялись на борт вместе с Сигурдом, потому что все они были

настолько измотаны постоянным трудом, что работали механически, а в конце каждой вахты привязывались к фальшбортам и сразу же засыпали.

На пятый вечер Сигурд сидел в каюте и разговаривал с Астрид, когда их напугал громкий треск, за которым последовали крики и вопли. Сигурд выбежал на палубу.

"Мачта!" - крикнул ему в ухо Ульф. Сигурд повернулся и увидел лишь ветхий обрубок. Ульф позвал его внутрь, потому что шторм унес все слова, и, закрыв дверь, в отчаянии закричал.

"Сигурд, я сделал все, что мог! Если бы мачта выдержала, мы были бы в безопасности, потому что шторм, кажется, стихает; но час назад я увидел землю на западе, и теперь мы не можем от нее оторваться".

"Знаешь ли ты, что это была за земля?" - спросила Астрид. Ульф удрученно покачал головой.

"Насколько я знаю, это может быть Шотландия, или Фейри, или Оркнейские острова, или даже тот Винланд, который, как говорят исландцы, открыл Эйрик Рыжий. Я заблудился, и мы в руках Господа".

Вскоре Ульф снова вышел на берег, и ему удалось прикрепить к обрубку мачты достаточно парусины, чтобы держать "Выдру" под ветром. Так они ехали всю ночь, и с рассветом впереди показалась длинная линия скал, до которой оставалось всего несколько миль.

Астрид потянула Сигурда за руку. Почему мы не можем спастись в этих лодках, когда "Выдра" пристанет к берегу?" - крикнула она ему на ухо, указывая на три лодки, привязанные на корме. Сигурду и Ульфу это не пришло в голову, потому что корабли викингов были настолько малы, что редко брали с собой лодки, так как их можно было легко вытащить на берег.

"Ура! Хорошая идея, Астрид!" Сигурд поспешил к Ульфу, но тот лишь пожал плечами.

"С какой целью? Мы лишь на несколько минут отсрочим смерть; стоит нам въехать на эти скалы, и все будет кончено".

Тем не менее, по настоянию Сигурда лодки были готовы, так как, несмотря на бурю, они быстро приближались к берегу. В каждую лодку положили оружие и еду, хорошо закрепив их.

"Мы должны уйти до того, как она разразится, - крикнул Ульф, - иначе море сметет лодки и все остальное".

Сигурд кивнул и вернулся к Астрид. До утесов оставалось не более мили, и они могли видеть белые брызги, взлетающие с темных скал. Ульф махнул им рукой, и они спустились на борт корабля, присоединившись к толпе у лодок. Сигурд взял на себя командование одной, Ульф - другой, а Биорн из Бретланда - третьей; затем все стали ждать сигнала. "Выдра" уже опустилась на воду, и спустить лодки на воду через ее борт не составило бы большого труда.

Вскоре Ульф резко скомандовал. "Выход!" Шесть человек, назначенных на каждую лодку, подняли ее, на мгновение закрепили на поручнях, а затем, когда гигантский гребень вспенился, три лодки вместе вынесли на берег. Один человек запрыгнул в каждую и отбивался копьём от борта "Выдры", а остальные поспешно высаживались.

Прощай, старая "Выдра!" - крикнул Ульф, уходящий последним, и, отплывая от судна, они увидели, как оно вдруг резко накренилось и пошло вразнос.

"Как раз вовремя!" - сказал Сигурд Астрид, которая была в его лодке. "Она ударилась, но перевернулась; в следующий раз..."

Пока он говорил, корабль накренился на бок, вздымая тучи пены; но они не могли наблюдать за ним дальше, так как теперь боролись за свою жизнь. Сигурд стоял у румпеля и внимательно следил за Ульфом, а люди упорно гребли. Море занесло их под скалы, и Ульф вдруг поднял руку и взмахнул ею. Лодка швырнула его прямо на высокие стены, и Сигурд увидел перед собой небольшой участок пляжа.

Последним взмахом руки мужчины подтолкнули лодки, затем выпрыгнули и затащили их наверх. Сигурд вынес Астрид на берег и огляделся. Теперь скалы не казались такими крутыми, и Сигурд понял, что они смогут взобраться на них, как и Ульф, присоединившийся к нему. Капитан теперь был в более обнадеживающем настроении.

"Ваш план, конечно, спас нас, леди, - воскликнул он, обращаясь к Астрид. "Странно, что я сам не подумал об этих лодках. Но мы так редко пользуемся маленькими лодками, что я даже не задумывался о них. Итак, Фэрхайр, что нам лучше всего делать?"

Сигурд посмотрел в море, где корпус "Выдры" быстро разрушался под ударами волн. "Думаю, нам лучше взять оружие и еду из лодок, подняться на скалы и посмотреть, где мы находимся. У нас больше десятка хорошо вооруженных людей, и люди, кем бы они ни были, не станут приставать к нам".

Ульф повернулся и отдал необходимые распоряжения, после чего, сопровождаемый Биорном и остальными, они направились к скалам. Они, как и предвидел Сигурд, не представляли особых трудностей для норвежцев, привыкших лазать по родным фьордам, и уже через полчаса они стояли на вершине и озирались.

Перед ними лежала густо заросшая лесом страна, испещренная небольшими холмами и долинами, но без малейших признаков жилья. Шторм уже почти закончился, и, хотя море все еще катилось под горами, солнце только-только пробилось сквозь тучи, и вдали показалась река. Люди приветствовали солнце восторженным криком, а Ульф указал на реку.

"Сигурд, давайте доберемся до нее, там мы сможем набрать свежей воды и поесть. После этого мы сможем решить, что делать".

Так, удаляясь от моря, они вошли в лес. Был уже конец осени, и, хотя листья со многих деревьев опали, лес состоял в основном из сосен, свежих и зеленых. Даже Биорн выглядел озадаченным, пытаясь разглядеть страну.

"Не думаю, что это Шотландия, - сказал он, - и уж точно это не Фейри и не Оркнейские острова. Это не моя родная земля Уэльс, потому что она находится далеко от нашего курса; возможно, это Ирландия, но я никогда не был в этой стране".

"Ирландия!" - воскликнула Астрид. "Разве не там, как говорят люди, король Олаф Трюггвесон?"

"Так и есть, - ответил Сигурд, - но это, должно быть, обширная земля, и у нас мало надежды найти здесь северян".

"Что ж, - заметил Ульф, - нам остается только смело двигаться вперед. Если мы действительно в Ирландии, то нам повезло, ибо люди говорят, что в этой стране самая лучшая цивилизация в Европе..."

"Была, Ульф, - прорычал старый Биорн, - как и в Уэльсе, моей родной земле; но языческие викинги почти все уничтожили".

Вскоре они вышли на берег широкой и вялой реки, и с радостными криками мужчины бросились к берегу и окунулись в воду, жадно напиваясь и смывая с себя соленый рассол. Сигурд наполнил рог для Астрид, но как только она вернула его, из Биорна раздался крик:

"Назад! Назад! Вынимайте мечи, люди!"

В тот же миг среди людей полетели стрелы, сразив двух матросов, а с деревьев донесся дикий вопль. Йомсвикинги, защищенные байранами и шлемами, поспешно вскарабкались на берег и выстроились в линию вокруг вождей, остальные стали позади них.

Среди деревьев мелькнули темные фигуры, и Сигурд крикнул: "Щит к щиту, люди! Держите копыя наготове".

Луки викингов были бесполезны - тетивы намокли, и они беспомощно ждали. Стрелы сыпались густо, но Сигурд прикрывал Астрид своим щитом, и они не причиняли вреда. Затем из леса с криком вырвалась толпа мужчин, одетых в шерстяные туники, несколько человек были в доспехах, но все держали копыя и топоры. Когда они бросились в атаку, Сигурд подал команду.

Тяжелые копыя йомсборгцев повергли полдюжины нападавших на землю, но тут позади них зазвучал боевой рог и раздался голос на норвежском: "На них, люди! За Крест!"

По лесным полянам пронесся отряд закованных в сталь людей, обращая остальных в стремительное бегство. Когда преследователи и преследуемые скрылись за деревьями, их предводитель подошел к маленькой группе потерпевших кораблекрушение людей.

Хотя Сигурд был высок ростом, он с удивлением отметил, что этот человек на голову и плечи выше его и шире в пропорциях. Черты его лица были откровенными и открытыми, глаза - голубыми и пронзительными, а волосы - красно-золотыми, развевающимися по золотым доспехам. На нем был синий плащ, золотой шлем и золотые байрни, а на щите - большой крест красного цвета.

"Вы христиане?" - спросил он, приблизившись и устремив взгляд на Сигурда.

"Да, это так", - радостно воскликнул тот. "Где мы? Кто вы такие, что спасли нас так вовремя?"

"Вы находитесь на побережье Ирландии, а мой город Дублин всего в трех милях от вас. Эти ирландцы никогда бы не осмелились подойти так близко, если бы не считали меня отсутствующим дома во время плавания. Я - Олаф, сын норвежского короля Трюгве".

Йомсвикинги с удивлением смотрели на красивого вождя, а затем старый Биорн протрубил в свой боевой рог:

"Скоал королю Олафу! Скоал!"

ГЛАВА IX.

КАК АСТРИД ОТПРАВИЛАСЬ В ПУТЬ.

"Спасибо, друзья!" - улыбнулся Олаф, и Сигурд подумал, что никогда в жизни он не видел такого красивого и царственного человека. "Кто ты, молодой господин? И кто эти люди? Воистину, мне редко доводилось видеть столь прекрасных воинов, пусть и раненых!"

"Я Сигурд Буиссон из Борнхольма, король, и со мной Астрид из Вендланда, племянница Гунхильд Датской. Это Ульф Рингссон, капитан нашего корабля, а что касается моих людей, то они - последние из йомсвикингов".

"Что!" Глаза Олафа распахнулись от изумления, и он бросил оружие. "Расскажи мне свою историю, да побыстрее! Я слышал о пире в честь восшествия Свейна на престол, но ничего не знал о том, что за этим последовало. Неужели Сигвальд завоевал Норвегию?"

Сигурд рассказал о битве у залива Хиорунга, и лицо Олафа потемнело. Как только он закончил, норвежцы Олафа вернулись, и все двинулись в поход на Дублин, причем люди Сигурда смешались с остальными.

Пока они шли, Олаф рассказывал им о том, как бежал на Русь, когда убили его отца, как стал викингом, странствуя по океану, и как принял крещение. Затем он приехал в Ирландию и завоевал королевство Дублин, управляя им вместе со своим шурином Олафом Квараном.

"Мы увидели ваш корабль из замка, - объяснил он, - и я вышел, чтобы помочь тем, кто может спастись. Что же вы намерены делать?"

"Что касается этого, - ответил Сигурд, - меня это мало волнует; но леди Астрид нужно вернуть домой".

"Так ты будешь моим человеком?" - спросил Олаф.

"Конечно!" Сигурд повернулся к своим людям и позвал: "Слушайте, йомсвикинги! Что вы скажете о том, чтобы поступить на службу к королю Олафу?"

"Да!" - раздался крик, послышался звон оружия, и Олаф улыбнулся. "Это радует меня, Сигурд, ибо несколько йомсборгских мужчин стоят сотни других. Что касается Астрид, то она должна использовать свой шанс; сейчас слишком поздний сезон для кораблей, и я боюсь, что она должна остаться с нами до весны. Впрочем, это может подождать; есть еще город".

Когда они выехали из долины, перед ними предстал Дублин, и люди Йомсборга вскрикнули от удивления, ибо город был очень красив и защищен такими крепкими стенами и башнями, каких им редко доводилось видеть. Вскоре они уже ехали по улицам, а мужчин разместили во дворце, где Олаф также выделил комнаты Ульфу, Сигурду и Астрид.

Олаф прислал всем свежие и новые одежды, и вскоре они собрались в большом зале на полуденную трапезу. Здесь Олаф представил им королеву Гиду, своего шурина и одного-двух своих главных людей, и вскоре все они уже весело болтали, забыв о своих прошлых бедах.

После трапезы Сигурд повел своих людей из Йомсборга в зал, к высокому креслу Олафа. Опустившись на колени, Сигурд положил свои руки между руками короля и поклялся повиноваться ему и быть его человеком. Один за другим остальные последовали его примеру, и когда церемония закончилась, Олаф вручил каждому по щиту, украшенному большим красным крестом; Сигурду же он подарил великолепный золотой шлем, на

вершине которого был изображен дракон из того же металла, с распростертыми крыльями, взметнувшимися далеко назад.

"Я выиграл этот шлем на Руси, - улыбнулся король, - так что смотри, чтобы дракон всегда был обращен лицом к моим врагам!"

Сигурд был несказанно рад подарку - шлем был достоин короля - и искренне поблагодарил Олафа. На следующий день он получил команду в придворных, или телохранителей, и приступил к своим новым обязанностям.

Через неделю выпал первый снег, но, поскольку Астрид уже потеряла всякую надежду добраться до дома до наступления весны, ее это не очень беспокоило. Двор Олафа был очень приятным, и Сигурд, и Астрид получили огромное удовольствие.

Королева Гида очень любила Астрид, которая всем нравилась своим солнечным нравом и веселым сердцем. Рана Сигурда вскоре затянулась, и к Юлетице оба освоились в новой обстановке.

Сигурд очень привязался к королю Олафу. Олаф был вспыльчив, но справедлив, а в воинских упражнениях с ним никто не мог сравниться. Часто он спускался в гавань, просил своих людей грести к военному кораблю, а затем, пока весла были на веслах, шел вдоль них. Не довольствуясь этим, он иногда жонглировал ножами или мячами, прекрасно сохраняя равновесие.

Он проявлял большой интерес к "Фейрхайру", ибо прозвище Сигурда нельзя было оставить без внимания, и сам пополнял запас приемов владения мечом, которым мальчик научился в школе в Йомсборге.

Прошел праздник, и через несколько недель в бухту вошел корабль, к всеобщему изумлению, ведь в те времена корабли нечасто отправлялись в плавание зимой. Новоприбывшие были из Норвегии, и это были торговцы.

Так случилось, что Ульф не слышал об этом корабле, и когда он сидел вечером за мясом, то внезапно вскочил на ноги.

"Что это за человек, который только что прошел мимо двери?" - воскликнул он. Король бросил быстрый, острый взгляд на капитана и ответил:

"Это Торир Клакке, который прибыл сегодня из Норвегии вместе со своим братом Кетилем, неся новости и товары для торговли".

"Тогда остерегайся его, Олаф, - заметил Ульф, - ибо я часто видел его в глубокой беседе с ярлом Хаконом. Думаю, он здесь не по доброй воле".

Вскоре после этого вошли Торир и его брат. Оба мужчины были невысокого роста, смуглые, хорошо одетые, но их глаза постоянно блуждали под опущенными бровями. Лицо Кетиля, в частности, было властным, но угрюмым.

Торир слегка вздрогнул при виде Сигурда, но Олаф приветливо поздоровался с ним, и тот молча сел, погрузившись в негромкую беседу со своим братом. В течение нескольких дней ничего не происходило, кроме частых бесед Торира с Олафом; но за каждым обедом Сигурд замечал, что взгляд Кетиля прикован к нему самому или к Астрид, но при этом он опускается до Сигурда. Это озадачивало его, ибо он не понимал, почему Кетиль должен быть

заинтересован в этом, и одновременно возмущало, ибо он видел, что Астрид это не нравится.

Через неделю или две после прибытия норманнов Олаф и Сигурд беседовали вместе, а Астрид и королева были заняты шитьем. Вдруг король резко воскликнул:

"Сигурд, как ты смотришь на то, чтобы посетить Норвегию следующим летом?"

Мальчик засуетился, с нетерпением встретив взгляд короля. "Ничего лучшего, милорд!"

Олаф улыбнулся. "Что ж, Торири призывает меня забрать королевство Норвегия у Хакона, как и положено. Он говорит, что бонды недовольны правлением ярла и что свергнуть его будет проще простого. Что скажешь ты?"

"Ну, - ответил Сигурд, - если ярл Хакон смог свергнуть могущество Йомсборга, то, думаю, это будет нелегко сделать и другим, кто покушается на его королевство".

Тут в разговор вмешалась Астрид, которая внимательно слушала: "Возможно, король Олаф, Хакон послал этого человека, чтобы привести тебя в свою власть!"

Олаф на мгновение уставился на Астрид, затем его голубые глаза загорелись яростным светом, а кулак опустился на стол. "Поскольку я христианин, то так тому и быть! Берегись, Торири Клакке! Если я отправлюсь в Норвегию, все будет не так, как ожидает твой господин!"

"У Хакона в подчинении шестнадцать ярлов, - заметила королева, - и некоторые из них к следующей осени могут оказаться не такими уж большими его друзьями. Если каждый из них будет командовать одним из округов королевства, ты, Олаф, сможешь найти для себя перспективу".

Король кивнул. "В любом случае я возьму с собой сильные войска. И когда я буду править Норвегией, я клянусь этим мечом, что искореню язычество в этой стране и приведу ее под Крест белого Христа! Молот Тора исчезнет с лица земли!"

На мгновение красивое лицо короля стало суровым и полным решимости; затем оно снова смягчилось, и он поднялся и пожелал Сигурду спокойной ночи.

Через несколько дней мальчик почувствовал, что поведение Кетиля становится невыносимым, и решил предупредить его, чтобы он не так нагло смотрел на Астрид. В ту ночь он дежурил на стенах, и когда он проходил по узким и темным улицам, на него из дверного проема выскочили трое мужчин. Застигнутый врасплох, Сигурд прижался спиной к стене и выхватил меч.

Его легкий щит трещал и ломался от яростных ударов, хотя мужчины могли нападать на Сигурда только поодиночке, так как дверной проем по обе стороны от него обеспечивал некоторую защиту. Зная, что его люди недалеко, Сигурд выкрикнул старый йомсборгский клич, и тогда трое нападавших удвоили свои усилия.

Сигурд поймал удар топора на свой щит, который срезал его с руки; но его меч обрушился на плечо другого, и с проклятием топор упал. Выскочив вперед, Сигурд одним быстрым ударом разрубил шлем второго, но в это же время получил мощный удар мечом третьего. Мальчик зашатался и упал на тело убитого им человека, а из-за угла раздался громкий крик, и факелы понеслись по переулку, обращая убийц в бегство.

Увидев лежащего на улице Сигурда, мужчины разразились гневными криками, но те успели убежать, а Биорн нежно поднял Сигурда. Тот, благодаря дару Олафа, остался невредим, но вмятина на боку шлема свидетельствовала о силе удара.

Биорн перевернул тело убитого, и люди воскликнули. "Это один из команды Торира Клакке! За короля!"

"Стойте!" - крикнул Сигурд, когда викинги бросились бежать. "Пусть это подождет до утра; им не убежать, а король не любит, когда его тревожат во сне."

Они уступили, хотя и неохотно, и Сигурд снова встал в дозор. Однако эта ночь должна была стать насыщенной событиями, так как через два часа после полуночи к нему подбежал один из стражников гавани и закричал:

"Сигурд, корабль Торира Клакке уходит и не отвечает на наши сигналы; иди скорее!"

Позвав Биорна, Сигурд побежал в гавань и в тусклом свете разглядел торговое судно, которое, не прижимаясь к берегу, медленно продвигалось к входу в гавань, ибо порт был слишком широк, чтобы замерзнуть далеко от берега.

Не теряя времени на оклики, Сигурд вскочил в легкий ялик, пришвартованный у кромки льда, посадил дюжину людей на весла и через пять минут был уже рядом с кораблем.

"Довольно, мужики, - сказал он, а затем повысил голос: - По какому делу вы покинули Дублин? Вернитесь и дайте отчет!"

В ответ на это весла взметнулись еще быстрее, и насмешливый голос произнес: "Что, правда, молодой петушок? Возвращайся в Йомсборг и..."

"На помощь, Сигурд! Помоги!" - раздался крик, - "Они..."

Снова наступила тишина, но тут что-то мелькнуло в воде рядом с лодкой Сигурда, и, подняв это, Биорн воскликнул:

"Это был голос Астрид! Вдоль борта, мужики!"

В ответ раздался лишь издевательский смех: квадратный парус поднялся, и корабль поплыл прочь. "Бесполезно, - сказал Биорн. "Лучше вернуться; видишь, я подобрал вот это". Он протянул что-то Сигурду.

Сигурд и Астрид знали тайну рунического письма, с которым были знакомы только жрецы и высшие вожди северян, и, взглянув на предмет, Сигурд увидел, что это кусок дерева, на котором что-то нацарапано. Свет был слишком тусклым, чтобы разглядеть что-то еще.

"Назад, на привал!" - крикнул Сигурд, и в сердце его зародился ужас. "Быстрее!"

Когда они причалили к берегу, он выпрыгнул наружу и поднес кусок дерева к свету факела.

ГЛАВА X.

ПРОЩАНИЕ С ДУБЛИНОМ.

Биорн и викинги столпились вокруг него, пока он расшифровывал царапины, ибо они не умели читать рунический язык, который больше походил на стенографию, чем на что-либо другое. Сигурд разразился воплем ужаса.

"Слушайте, люди! Кетиль везет меня в Англию! Спасайся, Сигурд! Идемте, люди, во дворец!"

"Во дворец! Во дворец!" Они повторили его слова, и страшный боевой клич Йомсборга потряс спящий город и донесся до замка.

"Приведите Торира Клакке, но не трогайте его, - приказал Сигурд, - пока я разбужу короля".

Олаф, однако, уже был на ногах, разбуженный шумом. С мечом в руке он вошел в большой зал как раз в тот момент, когда Сигурд ворвался с другой стороны.

"Что это за шум?" - прорычал Олаф, его глаза пылали гневом.

"Справедливость и месть, король!" - задыхался Сигурд, протягивая Олафу кусок дерева. Хмуро опустив оружие в ножны, Олаф взял предмет и при свете факелов прочитал послание.

"Что это значит?"

"Астрид из Вендланда похищена, Олаф, а на меня напали трое мужчин на улице. Одного я убил, и он был человеком Торира Клакке - стой, вот Торир сейчас".

Биорн и два викинга вошли в зал за Сигурдом, ведя за собой перепуганного Торира. Олаф, поняв всю ситуацию, подошел к купцу и прогрохотал ему на ухо:

"Что значит эта ночная работа? Где твой брат?"

Торир заикался: "Воистину, милорд, я не знаю. Разве он не в своих покоях?" Затем, набравшись смелости: "Разве я отвечаю за поступки Кетилия, Олаф? Что ты имеешь в виду?"

Олаф на мгновение заглянул ему в глаза, и под этим страшным взглядом Торир беспомощно скорчился, но не ослабел. "Ступайте в свои покои!" - презрительно сказал король и резко повернулся к Сигурду.

"А теперь расскажи мне эту историю полностью".

Сигурд в нескольких словах рассказал ему о нападении, о бегстве корабля и о крике Астрид. "Я послал людей в ее покои", - заключил он. "Вот они и пришли".

Вскоре после его слов в комнату вошли люди, а с ними королева Гида и несколько ее фрейлин. Королева Гида, узнавшая о причине беспорядков от викингов, рассказала, как за час до этого гонец вызвал Астрид, сообщив, что Сигурд ранен в драке, и как девушка поспешно выбежала.

"Пойдем со мной, быстро, - приказал король, и Сигурд последовал за ним на крепостные валы. Только-только забрезжил рассвет, и далеко в море они увидели белое пятнышко.

"С Ториром я разберусь позже, ибо против него у нас пока нет доказательств, - сказал король, - а вот тот человек вон там обесчестил меня и должен умереть. Фэрхайр, возьми себе людей из моих придворных и "Журавля", самый быстрый корабль в гавани. Кетиль взял

корабль своего брата, так что вы скоро подойдете к нему. "Журавль" уже на воде и хорошо снабжен провизией, так что поторопитесь - отплывете в течение часа".

"Спасибо, Олаф!" - ответил Сигурд. "Я как раз собирался попросить тебя об этом. Я возьму своих людей и тридцать твоих. Спасибо за всю твою доброту, а главное - за дружбу, Олаф!"

Король грустно улыбнулся. "У меня мало друзей, Сигурд, и, пожалуй, ты самый верный из них, хотя и самый новый. Нет, ступай с Богом и не забывай его, ибо сейчас все еще сезон бурь".

Когда Сигурд собрался уходить, король остановил его внезапным порывом.

"Стой! Дай мне свои руки". Задумавшись, Сигурд положил свои руки между руками Олафа. "Теперь еще раз поклянись мне, ярл Сигурд!"

Юноша, ошеломленный неожиданным титулом и честью, запинаясь, произнес клятву и поднялся со слезами на глазах.

"Мне не нужна клятва, чтобы быть верным, король Олаф! Когда ты завоюешь Норвегию, титул друга - это все, что мне нужно".

На глаза Олафа тоже навернулись слезы, и, расстегнув пояс с мечом, он набросил его на плечи Сигурда со словами: "У меня еще нет графств, но вот мой ярл, мой друг. Прощай!"

Сигурд сжал руку короля, затем повернулся и побежал вниз по лестнице во двор. Наспех собрав своих людей и отобрав тридцать человек из последователей Олафа, он отправил их вниз к "Журавлю" вместе с Биорном, а сам через несколько минут последовал за ними, попрощавшись с Ульфом. Капитан должен был сопровождать его, но Олаф отправлял его с миссией к ирландскому королю в глубь страны.

На "Журавле", как сказал Олаф, было собрано все необходимое для путешествия, поэтому, отдав якорь, подняли парус и отправились в путь. Когда они покинули гавань, Сигурд рассказал своим людям о своем повышении, и это было встречено возгласами удовлетворения, ибо йомсвикинги гордились своим молодым вождем, а остальные мужчины слышали много историй о его храбрости. И хотя этот титул не давал никаких земель, каждый вождь хорошего происхождения стремился стать ярлом или графом, ведь ярлы были вторыми после короля.

Весла были пущены в ход, так как ветер был слабый, и "Журавль" на всей скорости понесся на юг. Корабль Кетиля был вне поля зрения, но его цель была известна, и Сигурд был уверен, что догонит другой корабль еще до ночи.

"Почему, думаешь ты, он направляется в Англию, а не в Норвегию?" - спросил Сигурд у старого Биорна. спросил Сигурд у старого Биорна.

Тот сделал небольшую паузу. "Ну, ярл Сигурд, мне кажется, что Кетиль - хитрый человек. Если он увезет Астрид в Норвегию, то ничего не заработает, но если увезет ее в Англию, то много. Король Этельред дорого бы заплатил за такую заложницу от датского короля Свейна".

"О, я вижу! Значит, ей не причинят вреда?"

"Уверен, что нет, ярл, по крайней мере, пока она не доберется до Англии, чего, я полагаю, никогда не случится. Этельред так же вероломен, как и сам Хакон, и если она попадет к нему в лапы, дело будет плохо".

К кораблю Кетиля они подошли не так скоро, как ожидал Сигурд: только в середине дня рулевой подал сигнал, и Сигурд, выбежав на форштевень, увидел далеко впереди белое пятно.

"Опустите парус, - приказал он, - и вытащите все весла, потому что до сих пор, чтобы сберечь силы людей, в ход шла только половина весел. "Мы не сможем подойти к ним сегодня, - объяснил он, - так что лучше пусть Кетиль считает себя в безопасности".

Парус был спущен, и "Журавль" шел под веслами до ночи, когда парус снова подняли, а весла взяли в руки. Ближе к полуночи ветер посвежел, и Сигурд передал вахту Биорну, а на рассвете его разбудил старый викинг.

"Вставай, ярл! На нас обрушился шквал с запада, а уже рассвело".

Сигурд последовал за ним на палубу. Там он обнаружил, что парус закрыт, а "Журавль" мечется под шквальным ветром и снегом. Однако ничего не оставалось делать, как ждать восхода солнца.

Когда наступил полный день, но темный и мрачный, с хлопьями снега, раздался крик, потому что в полумиле от него стоял корабль Кетиля, тоже идущий наперерез ветру.

"Вытряхивайте рифы, мужики! Мы можем рискнуть и убедиться в этом".

Однако Биорн остановил его и, указав вперед, показал Сигурду тусклую серую линию. "Англия, ярл, или, скорее, Уэльс! Бесполезно пытаться взять Кетиль на abordаж в этом тяжелом море; корабли будут разбиты на дрова".

Сигурд с неохотой признал правоту старого викинга и стал довольствоваться тем, что следовал за другим кораблем, в то время как с каждым часом впереди все отчетливее вырисовывался валлийский берег. Небо прояснилось, но море по-прежнему было слишком высоким, чтобы можно было попытаться высадиться на берег.

"Я знаю, где мы, ярл, - крикнул рулевой. "Ты помнишь тот большой мыс, Биорн?"

"Да, помню", - воскликнул викинг. "Видишь, Сигурд, как там обрывается берег? Это Уэльс, где живет мой народ, и мы входим в большой лиман, который уходит далеко вглубь страны, а справа находится саксонское королевство Уэссекс. Я хорошо помню его. Шесть лет назад мы плыли туда и разграбили город, который они называют Бристоль. Должно быть, Кетиль намеревается высадиться на саксонском побережье".

Сигурд с интересом смотрел на высокие скалы, но вскоре они повернули на последний мыс, и Кетиль направил свой корабль на восток. Сигурд увидел, что они действительно находятся в большом лимане; "Журавль" легко держался рядом с убегающим кораблем, но не приближался к нему.

"Если им удастся выбраться на берег, куда они повезут леди Астрид, как ты думаешь?" - спросил Сигурд.

"Несомненно, к королю Этельреду, - ответил Биорн, - в Лондон, на востоке. Однако теперь им от нас не скрыться".

"Вооружайтесь, люди!" - приказал Сигурд немного погодя, - "море быстро падает, и мы выберемся на берег".

Кетиль, однако, видел это и, очевидно, решил не рисковать, так как повернул к берегу, отчаянно работая веслами. Два корабля, находясь на расстоянии четверти мили друг от друга, причалили к берегу и понеслись вдоль низких берегов.

Внезапно Биорн издал вопль ярости. "Он еще сбежит от нас!" Корабль Кетилия, находившийся за мысом, был повернут к берегу. Рулевой повернул "Журавля", и парус был спущен, когда другой корабль исчез. Под всеми веслами "Журавль" рванулся вперед, и вот перед ними лежит корабль Кетилия, а команда выпрыгивает из него. Навстречу Кетилю выбежал отряд вооруженных людей из города, расположенного выше.

Сигурд не стал дожидаться встречи, а, когда "Журавль" заскрежетал по песку и льду, перепрыгнул через борт, за ним последовал Биорн, и вплавь добрался до берега. Сигурд увидел, как среди пирушки Кетилия мелькнуло платье, и, поняв, что искать другой корабль бесполезно, бросился вверх по склону. Вдруг на людей Сигурда посыпались стрелы, и раздался крик "Смерть морским волкам!".

Сигурд с Бьёрном и еще одним человеком был далеко впереди остальных и бежал с максимальной скоростью. В момент внезапного нападения несколько саксов выскочили из засады и окружили троих.

ГЛАВА XI.

ПРИ ДВОРЕ ЭТЕЛЬРЕДА.

Сигурд вскинул руку и убрал меч в ножны. Саксы приостановились, и один из них выступил вперед.

"Здесь вы получите мало добычи, викинги, и много тяжелых ударов, - сказал он, - так что лучше вам снова выйти в море".

"Мы не викинги и не морские волки", - ответил Сигурд. "Я ярл Сигурд Буиссон, один из людей короля Олафа из Дублина, и я преследую этих людей, которые бежали в город. Два дня назад они похитили знатную даму из замка самого Олафа, которую я хочу спасти".

Вождь саксов издал возглас изумления, и в этот момент к нему подбежали люди Сигурда. Саксы подняли луки, но вождь остановил их.

"Ты слишком молод для ярла, - заявил он, - но если твой рассказ правдив, то мы действительно поступили плохо". Предводитель тех людей сказал, что его преследовали морские разбойники и что он направлялся к королю Этельреду; поэтому, хотя он и был северянином, мы обеспечили ему безопасный путь. Какие у тебя есть доказательства твоего рассказа?"

Сигурд, пришедший в отчаяние от такой неожиданной проверки, понял, что необходимо переубедить саксонца. "Разве мой корабль похож на дракона викингов?" - спокойно сказал он. "Если бы мы были викингами, мы бы не были за границей в это время года. Видите, я ношу

крест, а мои люди - придворные Олафа, как вы можете видеть по их щитам и оружию. Мы все христиане, и не последователи Тора".

При этих словах саксонец поднялся и крепко пожал ему руку. "Прошу прощения, ярл, но я - страж побережья и должен делать все возможное, чтобы защитить его от морских разбойников. Я ярл Эдмунд, и теперь я припоминаю, что в другой партии была женщина, или, скорее, девушка".

"Она - знатная датчанка", - сказал Сигурд, не сочтя нужным рассказывать Астрид о ее настоящем положении. "Мы можем последовать за этими людьми в город?"

Ярл Эдмунд повернулся. "Конечно, но они сказали нам, что едут по делам короля, и я послал с ними человека, чтобы он сразу же дал им лошадей. Я очень сожалею об этом, ярл".

"Ты лишь исполнил свой долг, - ответил Сигурд, - и от этого никуда не деться". Он посмотрел на Биорна: "Что ты посоветуешь, старый друг?"

"Кетиль двинется к Лондону, - ответил Биорн, - и я думаю, что тебе лучше последовать за ним с людьми из Йомсборга и попытаться поймать его. Я же возьму остальных и "Журавля" и отправлюсь морем в Лондон".

"Хорошо!" Сигурд снова повернулся к Эдмунду. "Полагаю, мы можем купить лошадей в городе за горами?"

"Да, - ответил саксонец, желая исправить свою ошибку, - я сам поеду с тобой".

Сигурд выбрал своих старых людей из Йомсборга и, попрощавшись с Биорном, поспешил в город. Когда они вошли в город, Эдмунд послал несколько человек, один из которых вернулся с вестью, что отряд Кетилия ушел десять минут назад. При этом Эдмунд сделал жест, выражающий беспокойство.

"Боюсь, ты не догонишь их, ярл Сигурд, ведь они взяли самых лучших лошадей, которых только можно было найти. Однако мы посмотрим, что можно сделать".

Через полчаса Сигурд и его люди ехали на восток, Эдмунд предоставил им проводника. Они продвигались вперед много дней, но обнаружили, что Кетиль держится далеко впереди, захватывая на ходу лучших лошадей, ссылаясь на дела короля. В Мальмсбери и Вантедже Сигурд и его люди были удивлены размерами городов и великолепной цивилизацией, которая намного превосходила все, чем мог похвастаться север. Уэссекс и Сассекс не подвергались опустошению датчанами уже много лет, и страна поразила их своей красотой и плодородием.

"Если бы у этих саксов были такие короли, как у нас, - заметил Сигурд своим людям, - королю Свейну пришлось бы нелегко, прежде чем он смог бы занять трон Англии".

В Рединге они обнаружили, что Кетиль опережает их всего на полдня, и со всей скоростью помчались в Лондон, достигнув его к вечеру. На следующее утро Сигурд отправился во дворец.

Здесь он назвал свое имя и титул камергеру и был проведен в большой зал, по которому прокатился гул изумления при его появлении. Сигурд сильно пополнел за последние месяцы и был крупным для своего возраста; на нем был золотой шлем, синяя полотняная юбка и пояс, а также большой меч, подаренный ему Олафом, рукоять которого была отделана

золотом, а ножны - резной слоновой костью. Поднявшись в зал, он снял шлем и распустил по плечам длинные золотые волосы.

Камердинер подвел его к высокому креслу, и Сигурд на мгновение преклонил колени перед королем Этельредом, а затем поднялся. Король был бледным, хитрым человеком, и когда Сигурд огляделся вокруг, сердце его на мгновение упало, ибо среди придворных он увидел насмешливое лицо Кетиля.

После того как камергер объявил его имя и титул, король встал. "Приветствую тебя, ярл Сигурд! Люди короля Олафа всегда желанны при нашем дворе, и мы с нетерпением ждем нового визита от него самого. Я хорошо помню Олафа, который провел у нас год или два, и я хотел бы увидеть его снова. Ты выглядишь молодым, чтобы занимать ярлство при таком великом человеке!"

Сигурд ответил достойно, а затем сказал: "Милорд король, я прошу у вас помощи. Среди ваших людей я вижу некоего норманна Кетиля Гормсона, который не так давно похитил одну даму из замка короля Олафа. Я внимательно следил за ним, и раз он здесь, значит, леди Астрид недалеко".

Король Этельред выглядел удивленным. "Что это такое? Этот человек, Кетиль, - мирный торговец, и прибыл сюда только вчера. Он ничего не говорил мне ни о какой леди!"

"Тем не менее, - твердо ответил Сигурд, - она с ним, и король Олаф послал меня спасти ее. Я должен просить тебя о помощи, король Этельред".

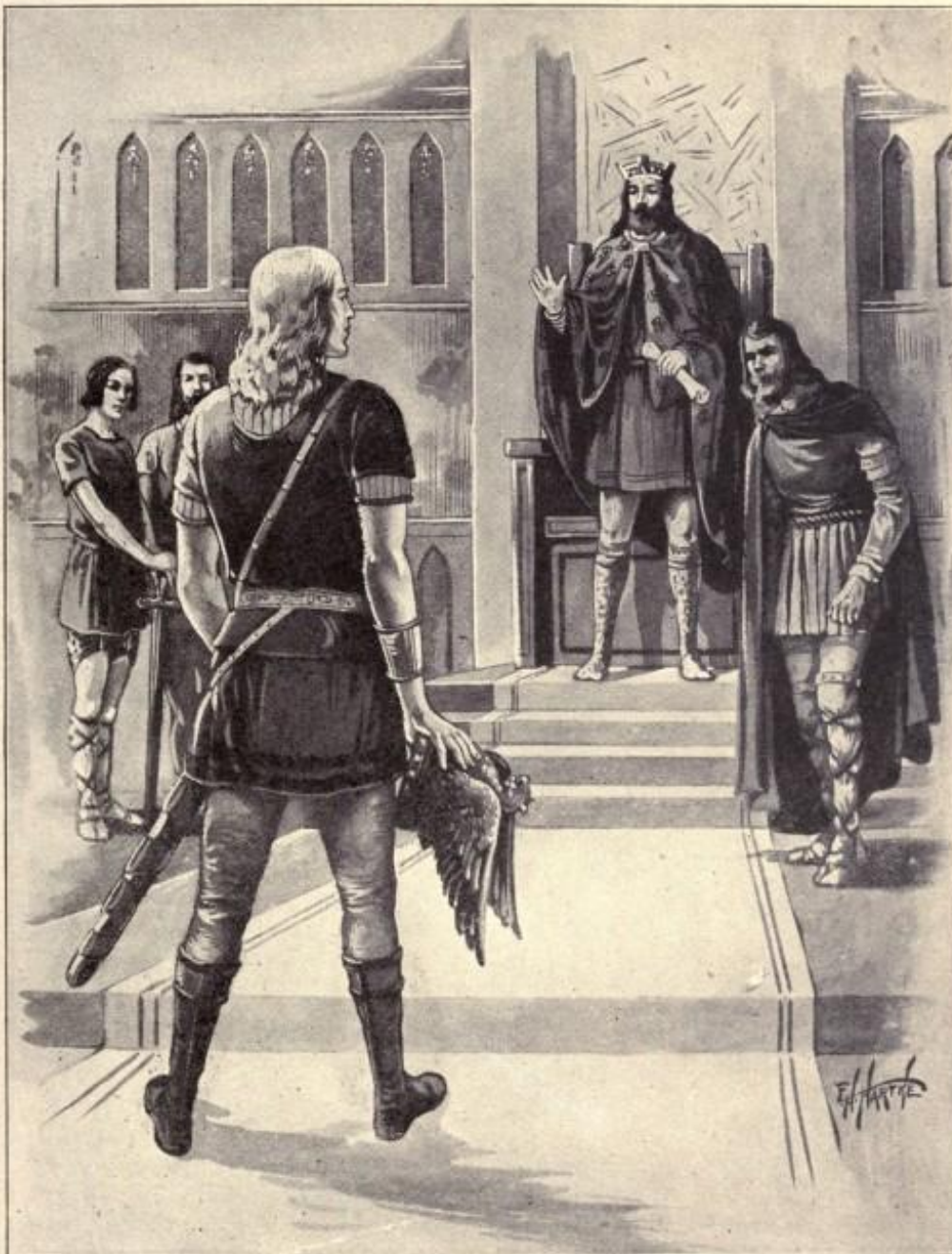
Король приказал Кетилю выйти вперед, что тот и сделал, лукаво улыбаясь. Этельред спросил его, что он знает о рассказе Сигурда.

"Ничего, мой господин; со мной нет женщины, и я только что прибыл медленным путем с западного побережья, где я торговал".

Этельред посмотрел на Сигурда, и тот понял, что над ним насмеются. Несомненно, король спрятал Астрид, намереваясь держать ее в качестве заложницы.

"Видишь ли, ярл Сигурд, - мягко сказал король, - ты, должно быть, ошибся в этом человеке, а он действительно добросердечный парень. Все, что я могу сделать, чтобы помочь тебе, будет сделано немедленно. Приведи своих людей во дворец, и тебе дадут здесь покой".

При этих словах и насмешливой улыбке Кетиля Сигурд вышел из себя. Сделав шаг вперед, он гневно воскликнул: "Нет никакой ошибки, король Этельред, и ты это прекрасно знаешь! Не думай, что тебе удастся избежать тяжелой руки Олафа, когда он услышит об этом. Что же касается тебя, Кетиль, - Сигурд повернулся к мужчине, который отшатнулся от его пылающих глаз, - то будь осторожен! Если я встречу тебя за пределами дворца, я прикончу тебя, как собаку!"

"As for you, Ketil, take heed to yourself!"

"Что касается тебя, Кетиль, берегись!"

"Ты забываешься, ярл Сигурд", - сурово произнес король. "Я обещал тебе помощь в этом деле, так что немедленно води своих людей во дворец, и мы прикажем разыскать госпожу".

Сигурд вернулся к своим людям с тревогой в сердце. Он прекрасно понимал, что приказ короля означает, что за ним будут пристально следить, и не видел возможности спасти Астрид. Когда он рассказал мужчинам о результатах своего визита ко двору, они были разгневаны не меньше его; но ничего не поделаешь, и после полудня они заняли свои покои во дворце.

Кетиль старался не попадаться Сигурду на глаза. Йомсвикинги свободно бродили по городу, с удивлением заглядывая в лавки, и Сигурд велел им внимательно следить за Астрид. Шли

дни, Этельред пытался успокоить гостей притворным осмотром города и ласковыми словами, но наконец Сигурд решил взять дело в свои руки. Была уже середина февраля, и Сигурду не терпелось вернуться к королю Олафу.

Собрав своих людей после вечерней трапезы, он сказал: "Люди, если мы хотим найти леди Астрид, мы должны сделать это сами. Я полагаю, что ее держат здесь, во дворце, в женском крыле; поэтому слоняйтесь в той стороне, делая вид, что заглядываете в лавки. Я сам сделаю то же самое, и, возможно, леди Астрид либо увидит нас, либо мы наткнемся на какую-нибудь зацепку".

Сигурда приняли с большим почетом, но когда он выезжал за город, то знал, что за ним пристально следят. На следующий день он посетил лавки возле женских покоев дворца, и когда он прогуливался по ним, к нему подошел один из его людей.

"Пойдем со мной, ярл, - прошептал он. Сигурд пошел с ним, разговаривая и смеясь, и тот сказал: "Посмотри на третье окно с конца".

Сигурд так и сделал, и сердце его забилося от радости. В углу окна висел клочок синей с золотом ткани, который, как он знал, был взят из шарфа Астрид. Когда он поднял голову, показалось лицо, но по его быстрому знаку оно исчезло.

"Ура! - воскликнул он, вернувшись в свою комнату, - мы нашли ее, точно нашли! А теперь надо ее спасать".

Вечером того же дня он услышал дикий крик своих людей в соседней комнате, а через мгновение в комнату вошел Биорн. Сигурд встретил его с безграничной радостью, а затем, увидев лицо Биорна, наполовину покрытое бинтами, воскликнул:

"Что это? Ранен, Биорн?"

Старый викинг улыбнулся. "Мы встретили датский корабль четыре дня назад, ярл, и она остановилась, чтобы поговорить с нами".

"Ты опять за свое, морской волк!" - рассмеялся Сигурд. "О чем вы говорили?"

"В основном о цене мечей", - ответил Скарде. Датчане в конце концов решили, что наши лучше, и мы отдали им старый торговый корабль Кетиля и взяли с собой датчан; он совсем новый и такой же быстрый, как "Журавль". Однако это была тяжелая работа, ведь у меня было всего тридцать человек, а у них вдвое больше. Мы потеряли десять человек убитыми, и половина из нас ранены, но это неважно. Теперь о твоём рассказе".

Сигурд быстро обрисовал положение себя и Астрид. Когда он закончил, Биорн некоторое время молчал.

"Нелегкое это дело, Сигурд, отваживать Этельреда; но я думаю, нам лучше унести леди Астрид. На борту "Журавля" мы будем в безопасности. Но как это сделать?"

"Только на корабле, Биорн. Астрид видела меня сегодня и знает, что мы здесь. Как передать ей сообщение?"

"Это очень просто. Пиши, а я сегодня же пущу стрелу в ее окно".

"Хорошо! Я никогда не думал об этом". Сигурд достал кусок пергамента, и через несколько минут послание было готово. "Я сказал ей, что завтра ночью мы будем ждать под ее окном.

Она должна придумать, как спуститься вниз, и если понадобится, мы проложим себе путь к "Журавлю". Она под мостом или над ним?"

"Ниже. Завтра я спущусь вниз и скажу, чтобы люди были готовы принять нас. Мы должны взять на борт немного свежей воды".

Через час Биорн вернулся. "Стрела летела прямо, ярл. Я подождал несколько минут и увидел, как свет трижды перекрестил ее затвор".

Сигурд кивнул. "Значит, она понимает. Завтра подготовь "Журавля" и возвращайся к ночи. Лодку или две лучше взять на набережной, в конце этой улицы".

"Поверь мне, ярл", - сказал старый викинг и вернулся на корабль.

ГЛАВА XII.

БЕГСТВО ИЗ ЛОНДОНА.

Возвращение Биорна и находка Астрид произошли так близко друг от друга, что Сигурд решил воспользоваться случаем. Он виделся с королем дважды в день, во время трапезы, и каждый раз Этельред усаживал его рядом с высоким креслом и вел с ним приятную беседу; но Сигурд чувствовал, что железная рука скрыта в шелковой перчатке и что король скоро найдет способ избавиться от этого хлопотливого северянина.

На следующий день после прибытия Биорна, во время полуденной трапезы, Этельред, как обычно, подозвал к себе Сигурда.

"Как продвигаются поиски, ярл? Есть ли какие-нибудь новости?"

Сигурд напустил на себя мрачный вид. "Хотел бы я иметь их, король Этельред. Мой корабль прибыл прошлой ночью, и, боюсь, я не смогу долго откладывать свое возвращение к королю Олафу".

Король выглядел явно успокоенным, и Сигурд решил, что его визит в лавки накануне не ускользнул от лазутчиков. Кетилия он не видел с того самого дня, но, поскольку всегда видел кого-то из его людей, когда покидал дворец, полагал, что норманн внимательно следит за ним.

В тот вечер Биорн вошел в его комнату вскоре после наступления темноты с мотком тонкой, но прочной веревки и легкой грапнелью.

"Журавль" в форме?" - нетерпеливо спросил Сигурд. "Лучше подождать часок-другой, чтобы улицы опустели".

"Да, все готово, и две большие лодки ждут у трапа. Мы находимся всего в трех улицах от реки, так что выход открыт".

"Я в этом не уверен", - с тревогой ответил Сигурд. "Если Кетиль обнаружит там лодки и будет следить за вами, что вполне вероятно, у нас еще могут быть проблемы. Впрочем, времени на это хватит, когда оно придет".

Через час на улицах было уже мало людей, Сигурд поднял своих людей и отправился в путь.

"Нам лучше не держаться вместе", - сказал он. "Трое из вас, вместе с Биорном, идут со мной, остальные ждут на углу здесь. Мы не задержимся".

И все четверо быстро направились к тому углу дворца, где находилось окно Астрид. Дворец окружала высокая стена, внутри которой был разбит сад; сам дворец был двухэтажным, и Астрид находилась на верхнем этаже.

Когда они подошли к стене, Биорн бросил вверх виноградную воронку, которая выдержала, и Сигурд полез по веревке, рука за рукой. Поменяв веревку на внутреннюю, он соскользнул вниз и встал под окном.

Сверху все было темно, но когда он подбросил камень к ставне, она открылась и что-то вылетело наружу. Поймав его, Сигурд увидел, что это веревка, сделанная из лоскутков занавесок; он крепко ухватился за нее, и через минуту Астрид сползла вниз и встала рядом с ним.

Сигурд молча сжал ее руку и повел к стене. Вздвигаясь на нее, он затащил Астрид на самый верх, и в следующую минуту оба стояли на улице. Старый Биорн сердечно приветствовал Астрид, накинул на ее платье темный плащ, и они без промедления отправились к реке.

Когда они встретили дюжину людей, оставленных Сигурдом, он послал их вперед с Биорном готовить лодки, а сам пошел за Астрид. Через десять минут они спустились по лестнице и отчалили, Астрид и Сигурд стояли на носу первой лодки.

"Ура! Наконец-то ты свободна, Астрид!" - негромко воскликнул Сигурд. В тот же миг девушка резко дернула его назад, и под его рукой просвистело копьё. Раздался крик, и темная масса перед ними превратилась в большую лодку, полную людей.

Сигурд отбросил все укрытия. "Тяните, люди, тяните!" - крикнул он. Один из мужчин попятился назад, пронзенный копьем, и тут же другая лодка врезалась в лодку Сигурда.

Стоя на носу, Сигурд рубил мечом самого старшего, а Биорн пытался отбиться от другого судна. В ушах Сигурда раздался издевательский смех Кетилия, и когда его удар без вреда упал на щит другого, лодочный крюк зацепил его за байрни и рывком выбросил за борт.

"У тебя крепкая кора, друг Сигурд, - воскликнул Кетиль, когда юноша зашатался. Сигурд тщетно пытался освободиться от крюка, но Кетиль тянул, и тогда он воскликнул:

"Возьми Астрид на борт и отплывай, Биорн!"

Вместо того чтобы сопротивляться крюку, Сигурд прыгнул вперед, на нос лодки Кетилия. Когда он это сделал, Биорн с криком Астрид отплыл в сторону и оставил Сигурда среди своих врагов.

Когда юноша вскочил на борт, Кетилия отбросило назад, и он зашатался. Сигурд срубил его одним ударом, отцепил крюк от стальной рубахи и огляделся. Он забыл про вторую лодку, а эта была совсем рядом. Сбив с ног второго человека, Сигурд бросился назад к своим товарищам.

"На "Журавля", люди! За Биорном!"

Людей не нужно было уговаривать, и вскоре они догнали первую лодку. Оглянувшись назад, Сигурд увидел, что их не преследуют, так как остальные были деморализованы потерей своего лидера.

"Все в порядке, Сигурд?" - крикнул Биорн, когда они подошли.

"Все в безопасности, - ответил мальчик, - и я думаю, что заплатил Кетилью за его злодейство. Во всяком случае, какое-то время он нас не побеспокоит. Гребите быстрее, ребята, прятаться уже бесполезно".

Позади раздались крики, и они увидели, что факелы то и дело вспыхивают. Вскоре они прошли под Лондонским мостом и через несколько минут оказались на борту "Журавля", а люди на борту радостно закричали.

Сигурд повел Астрид в каюту, а Биорн занялся кораблем, весла которого были уже убраны. "А теперь, Астрид, расскажи мне свою историю, - сказал Сигурд, когда они уселись.

"Около полуночи ко мне в комнату пришел Кетиль с запиской на руническом языке, в которой говорилось, что ты ранена и должна немедленно приехать. Мне показалось странным, что ты послал его, но я охотно пошел.

"Как только мы оказались за пределами дворца, его люди схватили меня и понесли на корабль. Там меня освободили, но заперли в каюте. Я нацарапала несколько слов на куске дерева, потому что слышала, как Кетиль сказал, что они едут в Англию, а потом услышала, как вы подошли к борту. Я выбросил деревяшку в окно и позвал, но Кетиль вбежал и набросил мне на голову плащ".

"После этого со мной обращались достаточно хорошо. Когда мы высадились на берег, Кетиль взял с меня обещание не сбежать, если он оставит меня на свободе; а когда мы добрались до Лондона, король Этельред был очень добр ко мне, дал мне женщин, чтобы они меня обслуживали, и много подарков".

"Злодей!" - гневно воскликнул Сигурд и пересказал Астрид все, что сказал король.

"Меня держали в моей комнате, - продолжала Астрид, - но мне не на что было жаловаться. Однажды я увидела тебя в лавке напротив, а дальше ты знаешь. Я разорвала несколько занавесок, чтобы сделать из них веревку, и вот я здесь".

Сигурд рассмеялся. "Ну что, останемся здесь или выйдем на палубу?"

"Конечно, на палубу. Но почему твои люди называют тебя ярлом?"

Сигурд рассказал ей о своей последней беседе с Олафом, и Астрид, опустив глаза, сказала: "Что ж, полагаю, после этого ты станешь считать меня настолько ниже себя, что..."

"Глупости, - взорвался Сигурд, смеясь, - иди на палубу и прекрати эти глупости!"

Астрид весело выбежала на палубу, и Сигурд последовал за ней. Они стремительно неслись вниз по Темзе, которая зимой редко замерзает, и все звуки преследования были потеряны. Поскольку в слабом звездном свете ничего не было видно, Астрид легла спать, а Сигурд уступил ей каюту, а сам занялся кораблем, через несколько часов его сменил Биорн.

На рассвете они были уже далеко в море, и, поскольку на борту было много мехов, мужчины тепло оделись. Вдруг Сигурд, оглянувшись назад, воскликнул:

"Смотри туда, Биорн! Что это за корабль?"

Старый викинг мрачно рассмеялся, и тут Сигурд вспомнил о корабле, на котором Биорн отправился в Лондон.

"На нем было всего пятнадцать человек, ярл, потому что я не мог взять больше с "Журавля"; но вчера я подобрал в Лондоне десяток норманнов, и, поскольку они были готовы пойти на службу к Олафу, они сейчас на борту. Она может пригодиться".

"Да, действительно, - согласился Сигурд, - и к тому же это красивый корабль. Где ты взял людей, Биорн?"

"О! - небрежно ответил тот, - они были пленниками Этельреда, и я пригласил их в плавание. За ними не следили, и вот они здесь!"

"Что ты наделал!" - в ужасе воскликнул Сигурд. "Разве ты не знаешь, что это обрушит на нас все саксонские силы?"

Биорн пожал плечами. "В воде лежали только два баркаса Этельреда, ярл, и, видя, что они лежат без присмотра, несколько человек прошлой ночью приплыли на них и снесло все мачты".

Сигурд схватил старого викинга за руку. "Прости, Биорн, я мог бы узнать тебя лучше. Это объясняет, почему за нами не следили; что же нам теперь делать?"

"Выходить в море в такую погоду - безумие, но ничего не поделаешь. Я бы предложил нам либо отправиться на север, в Мерсию или Нортумберленд, и перезимовать там, либо переправиться во Фландрию и по суше добраться до Дании. На севере Англии мы будем в полной безопасности, ведь там много викингов, а власть Этельреда, мягко говоря, слаба".

"Тогда давайте отправимся туда, соберем еще несколько человек, если возможно, и двинемся в Данию или Фландрию".

Так и было решено, ибо Сигурд хотел взять захваченный корабль с собой, но его людей было слишком мало, чтобы управлять обоими судами в случае опасности. Итак, они плыли вдоль берегов Восточной Англии, затем повернули на север, миновали Уош и вышли к реке Хамбер. По пути им не встретилось ни одного шторма, хотя погода была достаточно холодной.

Не доходя до Хамбера, "Журавль" остановился у небольшой речки, чтобы набрать свежей воды. Жилых домов не было видно, поэтому Сигурд и Астрид сошли на берег, пока наполняли бочки.

"Как хорошо снова оказаться на суше, Сигурд!" - воскликнула Астрид, взобравшись на вершину небольшого холма и обогнав его.

"Я так долго был в море, что не замечаю этого", - рассмеялся Сигурд, расстилая на снегу свой меховой плащ, чтобы Астрид могла на него сесть.

Когда они отдыхали, глядя на широкие снежные просторы, усеянные деревьями и лесами, простиравшимися вглубь острова, с кораблей донесся звонкий зов боевого рога.

"Ну же, Астрид!" - воскликнул Сигурд, поднимаясь, - "должно быть, на кораблях что-то не так!"

ГЛАВА XIII.

АЛЬФРЕД МЕРСИЙСКИЙ.

Они спустились с холма и через несколько минут оказались среди деревьев на берегу реки. Там они застали Биорна, который собирал своих людей.

"В чем дело, Биорн?"

"Я не уверен, ярл, но посмотри на лед вон там".

Он указал вверх по замерзшему руслу маленькой речки, и Сигурд увидел, что к ним бежит большой отряд вооруженных людей, тянущих за собой сани. Сигурд с минуту разглядывал их.

"Не думаю, что они хотят напасть на нас, Биорн, иначе у них не было бы этих саней. Они похожи на саксов, так что лучше быть наготове".

К этому времени с кораблей прибыло еще больше людей, и, когда саксы приблизились, Сигурд увидел, что в отряде было около пятидесяти человек. Увидев, что северяне ждут, они остановились, а один, одетый лучше остальных, в мантию из медвежьей шкуры и шлем, поспешил дальше.

Когда он приблизился, Астрид сказала: "Сигурд, он не старше тебя! А ты его боялся!"

Сигурд ничего не ответил, лишь улыбнулся, ибо сакс и впрямь был совсем юн, но выглядел благородно. Ростом он почти не уступал Сигурду, но был не так широк, а лицо его было откровенным и сразу же привлекло молодого ярла.

"Кто вы - датчане или норманны?" - спросил незнакомец.

"Норсмены", - ответил Сигурд, - "а вы, как я понимаю, саксы".

"Это точно", - рассмеялся юноша, оглянувшись через плечо. "Вы грабите страну?"

"Нет, - ответил Сигурд. "Мы христиане. Прикажи своим людям отойти, ибо наши стрелы свободно лежат на тетивах".

Мальчик снова рассмеялся, как будто это была хорошая шутка, и, повернувшись, махнул рукой своим людям, которые остановились.

"Позвольте мне объяснить", - сказал он. "Я - Альфред, сын ярла Альфрика Мерсийского, и со мной Сигрид, моя сестра. Короче говоря, мы бежим от людей короля Этельреда; можете ли вы нам?"

Сигурд, заподозрив ловушку, пристально посмотрел на юношу; но его взгляд был встречен прямо, и подозрения Сигурда исчезли. "Где твоя сестра и твои преследователи?" - спросил он.

Альфред указал на сани. "Моя сестра больна, и мы должны нести ее". Его лицо внезапно стало серьезным. "Поторопись с ответом, сэр норвежец, ради Бога! Люди короля не отстают ни на полмили, и их почти три десятка, а половина моих ранены или больны".

Сигурд вышел и схватил его за руку. "Не время для разговоров! Отведи свою сестру и всех больных и раненых на мои корабли, и пусть все твои бойцы присоединятся к моим. Возьми его под свою опеку, Астрид, и быстро используй лодки".

Юноша созвал своих людей, разделил их, как приказал Сигурд, и присоединил к норманнам двадцать саксов.

"Мы дадим людям Этельреда хороший урок, Биорн. Расставь людей так, как считаешь нужным".

В ста ярдах вверх по реке был изгиб, и, подбежав к нему, Биорн велел людям спрятаться за сухими кустами, росшими по берегам, а сам побежал вперед на разведку. Через минуту он вернулся на полной скорости.

"Вот они, - крикнул он. "Передайте, чтобы ждали, пока они подойдут, а потом пускали стрелы и били топорами".

Едва Биорн скрылся из виду, как показалась преследующая сторона - три десятка саксов с двумя вождями. "Отбейте вождей", - прошептал Сигурд, и когда отряд оказался между двумя группами норманнов, прозвучал рог Биорна, и в плотное тело саксов посыпались тучи стрел. В то же время викинги выхватили мечи и топоры и бросились вперед.

Саксы храбро сопротивлялись, но их предводители пали под первым же огнем, и после минуты острой рукопашной схватки они сломались и обратились в бегство.

Сигурд возглавил своих людей, сразив в одиночном бою высокого сакса. При первом же ударе тот тяжело ранил Сигурда в плечо; бросив щит, Сигурд схватил свой большой меч в обе руки и бросился на врага. От первого удара щитоносец противника онемел; от второго меч вылетел у него из руки, и он, поскользнувшись на льду, тяжело упал.

Видя, что враг сломлен, Сигурд приостановился и крикнул:

"Назад, люди, назад! Мы хотим лишь преподать им урок, а не убивать их!"

Его люди повиновались, но саксы Альфреда погнались за беглецами, и Сигурд вряд ли мог их винить. Тогда он повернулся к своему врагу: тот лежал, глядя вверх, ожидая смертельного удара.

"Вставай, - воскликнул Сигурд со смехом, - я не убийца!"

С изумленным выражением лица сакс медленно поднялся, а затем, взяв руку Сигурда в свою, опустился на колени и поцеловал ее. "Спасибо, господин, - сказал он, - ты первый, кто одолел Вульфа на мече, и если ты возьмешь его, он будет служить тебе верой и правдой!"

Сигурд улыбнулся, но слабо; Биорн успел как раз вовремя, чтобы подхватить его на руки. Из раненого плеча текла кровь, и он внезапно потерял сознание.

Пока Биорн держал его, а остальные мужчины толпились вокруг, Вульф сорвал с себя шерстяную тунику и ловко перевязал рану, а Биорн недоверчиво наблюдал за ним; затем, взяв Сигурда за ноги, пока Биорн нежно держал его тело, они вдвоем понесли его обратно к берегу.

Когда они приблизились, к ним подбежала Астрид.

"Сигурд! Сигурд ранен?"

"Ничего страшного, - ответил Биорн, - только рана в плече. Через десять минут он поправится".

Вульф, ранивший мальчика, теперь удивил Биорна своей нежностью. Положив мальчика спиной к ледяному торосу, он омыл его лицо снегом, и Сигурд открыл глаза.

"Молчи, - прорычал Биорн, с трудом поднимаясь, - я займусь погрузкой, а ты пока отдохни".

К тому времени, когда бочки с водой были подняты на борт, Альфред и саксы вернулись, и саксонский мальчик, казалось, искренне сожалел о том, что с его спасителем произошла такая неприятность. Затем все погрузились на корабль, и Биорн разделил людей между двумя судами.

На "Журавле" он взял йомсвикингов, придворных Олафа и дюжину саксов; пленные норвежцы и тридцать саксов отправились на другой корабль. Через час паруса были подняты, и корабли отчалили от суши, взяв курс на восток.

Сигурд сидел на форштевне "Журавля", рядом с ним - Астрид и двое саксов. "Теперь расскажите мне вашу историю, - сказал Сигурд, назвав свое имя и имя Астрид.

"Наш отец был ярлом Мерсии, - начал Альфред, - но король Этельред всегда завидовал его популярности и постоянно преследовал его. Три недели назад отряд вооруженных людей явился, чтобы схватить нашего отца, но он бежал к датскому кораблю на побережье, и она забрала его. Мой старший брат Альфгар был схвачен и ослеплен".

Астрид и Сигурд вскрикнули от ужаса, но Альфред печально улыбнулся. "Вы не знаете, на что способен Этельред, друзья мои. В его нынешнем состоянии Альфгар не может стать ярлом, а значит, по мнению короля, он все равно что мертв".

"Мой отец едва успел послать человека, чтобы предупредить нас в Линкольне, и мы бежали из дома как раз вовремя, чтобы добраться до болот и спастись. С нами бежало около четырехсот человек, все преданные слуги моего отца. Дважды на нас нападали люди Этельреда, и мы отбивали их, но раны и болезни истощили моих людей, и это все, что у меня осталось. На прошлой неделе Сигрид слегла с лихорадкой, и нам снова пришлось бежать; но на этот раз, благодаря вам, мы в безопасности. Мы никогда не забудем, что обязаны жизнью тебе, ярл Сигурд!"

Астрид сразу же взяла на себя заботу о больной девушке. Благодаря воздержанному образу жизни рана Сигурда обещала быстро затянуться, а человек Вульфа оказался бесценным помощником. Он получил образование в монастыре, был искусен в ловле пиявок и, казалось, был предан мальчику ярлу.

"Я думал, что меня убьют сразу", - сказал он вызвавшему его Сигурду. "Ты лучший мечник и единственный милосердный викинг, которого я когда-либо встречал. Моя жизнь - твоя, ярл, и если так, то ты получишь ее". Слова этого человека были настолько искренними, что Сигурд с радостью принял его предложение, ведь он был искусным мечником, а также пиявкой, умел читать и писать, что было немалым достижением.

Теперь на форштевне "Журавля" собрался совет, чтобы решить, каким курсом им следовать. В конце концов пришли к выводу, что нужно бежать на юг и пересечь Фландрию, где Альфред

и Сигрид, возможно, найдут своего отца. Как только этот курс был определен, Биорн взял на себя командование "Змеей", как было названо другое судно, и перешел на него вечером того же дня.

Хорошо, что он так поступил, потому что ночью с северо-востока налетел шторм и беспомощно понес их за собой. От саксов на "Змее", большинство из которых никогда раньше не выходили в море, было мало толку, и даже Альфред заболел, хотя Сигрид удалось спастись; но ничего не оставалось делать, как держать корабли под ветром. Было жутко холодно, но поскольку норманны не возражали против этого, а девушки были хорошо закутаны, никто сильно не страдал.

Сигурд не опасался за оба корабля, ибо оба были новыми и легко ходили по волнам. Корабли викингов могли ходить только при попутном или боковом ветре, и поскольку их занесет далеко за пределы Фландрии, если шторм не утихнет в ближайшее время, вечером в каюте "Журавля" все четверо обсуждали сложившуюся ситуацию.

"Уж штормов-то мы точно нахватаемся, - смеясь, сказал Сигурд Астрид, входя в дом и отряхиваясь от снега. "Может, рискнем и направимся к южной части Англии?"

"Нет!" - воскликнул Альфред. "А не направиться ли нам в Нормандию? Там много викингов, и она заселена норманнами".

Сигурд покачал головой. "Нет, если только ветер не переменится".

"Я вижу, - вмешалась Астрид, - что ты думаешь о том, как вернуть меня домой. Признаюсь, мне бы хотелось снова увидеть Вендланд, но почему бы тебе не пойти по самому простому пути, Сигурд: бежать до ветра, потом вокруг Англии и обратно к королю Олафу?"

"Звучит просто, - рассмеялся Сигурд, - и именно так я бы и поступил, если бы был один. Но с тобой и Сигрид на борту я не хочу идти на ненужный риск".

Сигрид рассмеялась, когда Альфред, мучимый морской болезнью, схватил свой плащ и вышел из каюты. "Не обращай на нас внимания, ярл; отправляйся в Ирландию во что бы то ни стало!"

"Что ж, - ответил Сигурд, - посмотрим, что будет утром. А сейчас я пойду спать".

ГЛАВА XIV.

В БРЕТЛАНДЕ.

Утро выдалось темным и мрачным, земли не было видно. Сигурд, решив, что их занесло ниже Темзы, если не ниже конца Англии, приказал рулевому взять курс на запад, и хотя ему не удалось связаться со "Змеем", он увидел, что Биорн сразу же последовал его примеру, и понял, что тот его понял.

Теперь шторм ослабел до устойчивого северо-восточного ветра, перемежаемого снежными хлопьями, и оба корабля уверенно шли под полуваннами.

Два дня они шли таким курсом, а затем Сигурд крикнул Биорну, что у них есть переговоры. Стало ясно, что их отнесло к югу от Англии, поэтому носы повернули на север, и на следующее утро показалась земля. Альфред к этому времени обрел морские ноги, а Сигрид быстро набиралась сил и красок от соленого морского воздуха, который изгнал из нее болотную лихорадку. Она была очень красивой девушкой с голубыми глазами и длинными льняными волосами, и они с Астрид с самого начала крепко подружились.

Вульф, который теперь был скорее другом, чем пленником, очень понравился всем на борту, даже саксам Альфреда. В то утро, когда показалась земля, он отозвал Сигурда в сторону.

"Ярл, мы должны немедленно получить свежую воду. Три бочонка расшатались во время шторма и вытекли; осталась только бочка или две эля".

Сигурд скривил лицо. "Что ж, это спасет нас от жажды, и мужчинам оно нравится, хотя мне оно не по вкусу; но, возможно, мы сможем набрать воды из какой-нибудь реки вдоль здешнего побережья или из "Змеи"".

Вульф не согласился. "Все ярлы и таны Этельреда будут искать нас, можешь быть уверен, и как только нас заметят, домочадцы высыплются на берег, где бы мы ни высадились".

Сигурд все обдумал и наконец подал сигнал "Змею". Биорн пристроился рядом, но когда Сигурд упомянул о нехватке воды, старый викинг вскрикнул от досады.

"Мы думали взять у тебя немного! Неважно, мы приближаемся к берегу, я высажусь и узнаю, где мы находимся. Мы не можем быть очень далеко от Южного Уэльса, и, как только мы туда попадем, все будет просто, потому что люди там моей расы, а я не забыл язык кимров".

Так они направились к высокому и скалистому берегу. После двух-трех часов плавания открылась большая бухта, наполовину замерзшая, с деревушкой, приютившейся на скалах.

"Скорее всего, это рыбаки, - сказал Альфред, - но здесь нет никаких признаков реки. Возможно, нам придется растопить часть этого льда!"

Корабль Биорна осторожно приблизился и прорвался сквозь тонкую внешнюю кромку льда. Когда "Змея" не могла идти дальше, Биорн выпрыгнул, проверив лед веслами, и дюжина человек последовала за ним к берегу. Они нашли деревню в большом смятении, опасаясь набегов пиратов, но Биорн вскоре успокоил их страхи, купив у них изрядное количество рыбы, и вернулся на корабль.

Змея" причалила к "Журавлю". "Нет пресной воды, ярл, - доложил Биорн. "Все быстро замерзает, и эти люди растапливают лед для своих нужд. Говорят, в полумиле вглубь острова есть река, но мы не смеем рисковать".

"Я бы посоветовал, по возможности, обогнуть Южный Уэльс и добраться до Северного королевства. Это всего лишь день разницы, и мы не найдем большой помощи среди людей на этом побережье. Мы могли бы взять с собой несколько ледяных пирожных, если вдруг эль закончится".

"Сколько времени нужно, чтобы добраться до Северного Уэльса?" - спросил Сигурд.

"Мы должны добраться туда завтра вечером или самое позднее на следующий день", - ответил Биорн, и Сигурд махнул рукой в знак согласия. Корабли подгребли ко льду и взяли на

борт по запасу; затем подняли паруса, выпустили половину весел и на полной скорости понеслись вдоль берега, ибо Сигурд твердо решил не попадать в новую бурю.

На следующее утро, однако, был достигнут Край Земли, и носы повернули на север. К ночи впереди показалась земля, а рано утром следующего дня они приблизились к берегу.

"Я знаю, где мы, - крикнул Биорн Сигурду. "Следуй за мной, ярл, и мы быстро приплывем к открытой реке, если я не сильно ошибаюсь".

И действительно, еще до полудня люди подняли радостный крик, ибо перед ними был залив, в который впадала открытая река. Правда, канал был узким и опасным для кораблей, так как льды почти встречались по обе стороны; но "Журавль" шел вплотную за "Змеем", и они вошли в канал. В полумиле от устья оно расширялось и резко поворачивало; когда "Змей" достиг излучины, Сигурд услышал боевой горн Биорна и увидел, как его люди поспешно вооружаются.

"К оружию, люди!" - крикнул он, - "и будьте готовы ко всему, что может случиться!" Альфред быстро облачился в доспехи и встал рядом с Сигурдом на носу. Зайдя за поворот, они увидели причину приготовлений Биорна: перед ними стояли два больших корабля, пришвартованные на зиму к берегу, и рядом с ними был разбит лагерь. Судя по их виду, это были датчане, а высоко вверху, на соседнем холме, виднелись крыши приличного по размерам города.

Когда "Журавль" подошел к "Змею", Сигурд увидел, что викинги на берегу тоже вооружаются и собираются вокруг двух кораблей.

"Это город Нит, ярл, - воскликнул Биорн, вскакивая на борт "Журавля", - и здесь я родился. Что это за корабли, я не знаю; может, нам приблизиться и окликнуть их?"

"Так будет лучше", - ответил Сигурд. "Несомненно, это викинги, которые зимуют здесь, но странно, что им позволено оставаться так близко от города, если только они не прибыли с мирным поручением".

Сигурд приказал людям грести как можно ближе к берегу. Корабль остановился в двух-трех сотнях ярдов от него, так как пробиться сквозь лед было невозможно, и Сигурд громко затрубил в мирный рог. В ответ из лагеря донесся один голос, и дюжина мужчин покинула оба корабля и направилась по льду к "Журавлю".

Когда они приблизились, Астрид издала слабый крик и схватила Сигурда за руку. "О, Фэйрхаир, посмотри на того здоровяка впереди! Это Хальфдан, брат королевы Гунхильд и мой родной дядя!"

Сигурд внимательно присмотрелся к человеку, он хорошо его помнил, потому что часто видел его, когда Йорнсборгцы были при дворе короля Свейна. Хальфдан остановился чуть поодаль от копия "Журавля".

"Кто вы, с миром или с войной?" - спросил он.

"Доброе утро!" - рассмеялся Сигурд, - "разве ты не знаешь своих друзей, ярл?"

Другой ярл остановился, пристально посмотрел на корабль и побежал вперед. "Конечно, это Сигурд Фэйрхайр!" - воскликнул он, приблизившись. "И клянусь Одином! Мне мерещится, или это Астрид?"

"Это Астрид, дядя!" - рассмеялась девушка, прыгивая на лед и бросаясь ему на шею. Ярл с трудом высвободился и в издевательском ужасе воскликнул:

"Помогите, помогите, вы хотите взять меня в плен? Отпустите! Уважайте мое достоинство!"

Сигурд последовал за Астрид на лед и вцепился в руку Хальфдана. "Будь осторожен, дядя, - рассмеялась Астрид, - Сигурд теперь равен тебе по достоинству!"

Сигурд кивнул, заметив удивленный взгляд датчанина. "Да, я теперь один из людей Олафа Трюгвесона, ярл, а недавно он сделал меня ярлом, хотя я еще слишком молод для такой чести".

"Глупости, глупости!" - ответил Хальфдан, его веселые глаза сияли от счастья, - "ты самый красивый ярл, которого я видел в своей жизни, честное слово! Но пойдем в лагерь".

"Подожди, - сказал Сигурд, поворачиваясь к своим кораблям. "Альфред, ты и Сигрид присоединяйтесь к нам. Вульф, вы с Биорном возьмите на себя управление кораблями и поставьте их на берегу, там, рядом с остальными. Мы с друзьями".

Когда Альфред и Сигрид спустились на лед, молодой ярл представил их Хальфдану, который сердечно приветствовал их.

"Я слышал о несчастье твоего отца, - воскликнул он, - и мне очень жаль, ведь я сражался с ним три или четыре года назад, и он был благородным противником. Однако сейчас он в безопасности во Фландрии и скоро вернется".

"Что вы имеете в виду?" - удивленно воскликнул Альфред.

"Пойдем в лагерь, и я тебе расскажу". Хальфдан повел его к берегу. "Слишком холодно, чтобы стоять здесь и разговаривать".

Когда они вошли в лагерь, разнеслась весть о том, что среди прибывших находится отряд йомсвикингов, и в рожках раздался громкий звук, а датчане встретили их радостными криками, ибо люди из Йомсборга были главными любимцами людей короля Свейна. Сигурд нашел нескольких знакомых, а Астрид встретили новыми приветствиями. Когда они вошли в большую хижину Хальфдана, ярл прогнал людей.

"Убирайтесь отсюда!" - крикнул он. "Спускайтесь вниз и помогите уложить корабли на землю рядом с нашими. Нам есть о чем поговорить здесь, и мы хотели бы остаться в мире".

С последним приветствием люди исчезли, а Хальфдан закрыл дверь.

"Вот еда и вода, друзья, если вы голодны".

"Еды у нас много, но выпить воды было бы не лишним", - ответил Сигурд. "А теперь скажите, как вы оказались здесь, в Уэльсе?"

"Сначала устройтесь поудобнее". Хальфдан сложил вдоль стены меха для Астрид и Сигрид, а сам с двумя мальчиками сел на длинную деревянную скамью. "Вы, конечно, помните клятву, которую дал Свейн в ту ночь? Он не торопился так, как вы, йомсвикинги, но готовился основательно. Он послал меня сюда сразу после того, как пришло известие о заливе Хиорунга, ибо рассчитывал, что ваши люди обрушатся на Этельреда с запада, а также из Нортумбрии, где он сам высадится весной или летом.

"Я прибыл сюда месяц или два назад и уладил дела с Идвалом ап Мейригом, королем Северного Уэльса. Какие варварские имена у этих валлийцев!"

"Наверное, они считают наши такими же плохими, - рассмеялась Сигрид, - ведь они ненавидят все саксонское; а что касается ваших норвежских имен, то я уверена, что они звучали грубо даже для нас!"

"Как бы то ни было, король Идваль живет в городе вон там, он согласился присоединиться к нам, и мы видимся с ним почти каждый день. А теперь расскажи мне что-нибудь о себе, Сигурд".

Когда Сигурд закончил свой рассказ, было уже поздно, и Хальфдан, который тем временем отдал распоряжения, проводил двух девушек в хижину, наспех оборудованную для них, а сам остался на ночь с мальчиками.

ГЛАВА XV.

В ЗИМНИХ КВАРТАЛАХ.

На следующее утро люди Хальфдана, объединив усилия с новоприбывшими, вытащили оба корабля на берег, разобрали и разгрузили их, а отряды людей поспешили в окрестные леса и вернулись с большим количеством дров и древесины, из которых были построены новые хижины.

К вечеру все было закончено, ведь у Хальфдана было сто пятьдесят человек, а многие руки делали легкую работу. Несколько дней норманны спокойно отдыхали, ведь у них было много раненых, а некоторые саксы все еще лежали в лихорадке. Сигрид, однако, была уже почти здорова, и веселая грубость Хальфдана забавляла ее и возвращала розовые краски на ее щеки.

Сигурд и Альфред хотели посетить вышеупомянутый город и, по возможности, расположиться там, но Хальфдан отговорил их от этого.

"Король Идваль зорко следит за нами, ведь он подозревает каждого северянина в радиусе ста миль. И винить его в этом нельзя: викинги страшно разорили бедный Бретланд, разрушая монастыри и города, сжигая и грабя. Пример тому - ваш человек Биорн; его унесли в молодости.

"Что касается посещения города, то оно того не стоит. Там нет ничего, кроме огромного замка и скопления грязных домишек, и в любом случае Идваль запретил нашим людям входить в город. Раз в неделю сюда съезжаются деревенские жители со своими рыночными товарами, и Идваль присылает нам эль по бочкам. Не бойтесь, он скоро приедет и сам увидит, что это за новые викинги".

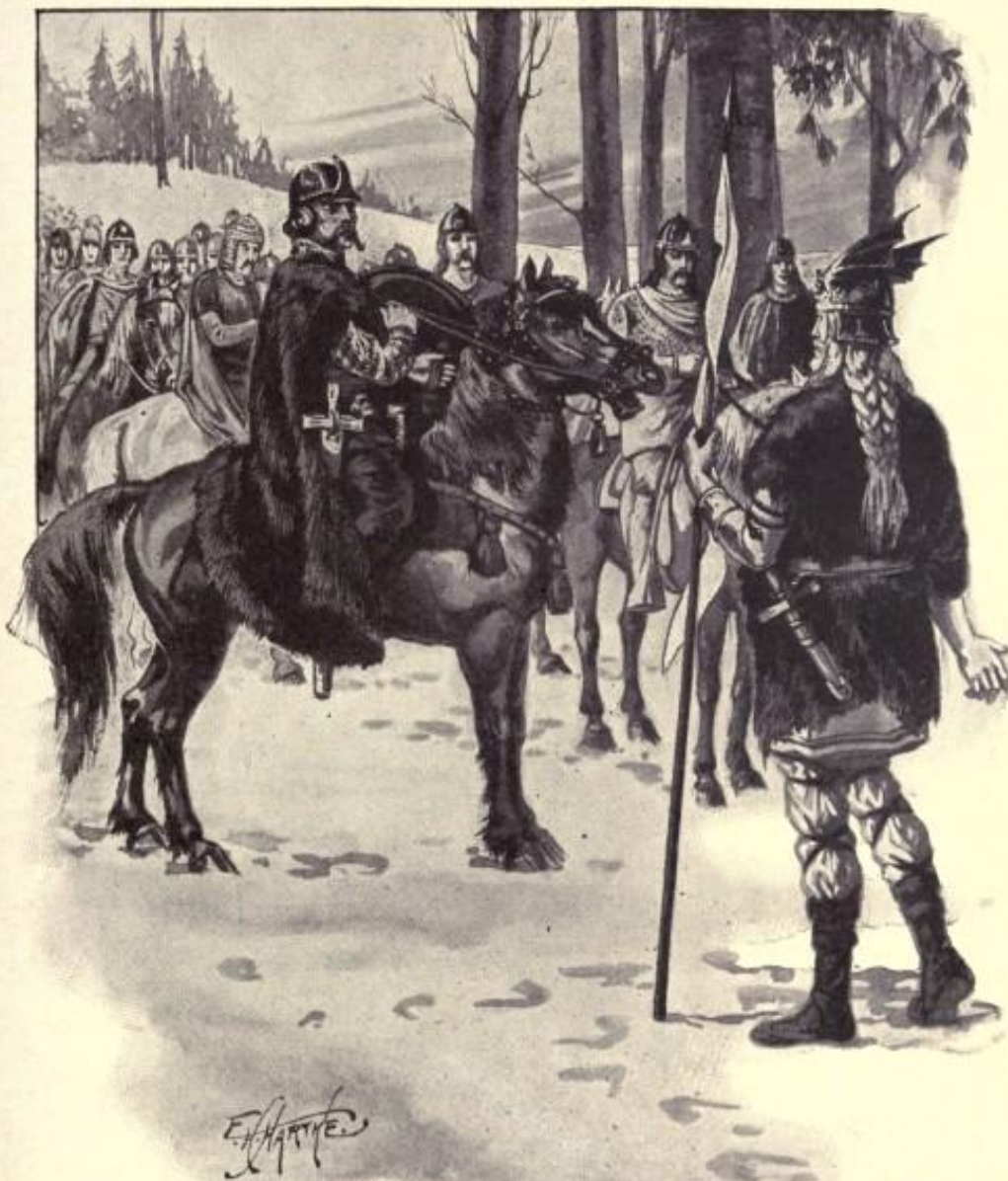
Две недели они оставались в лагере, ничего не видя о валлийском короле, но все очень интересовались людьми, которые раз в неделю приносили в лагерь свежее мясо и еду.

Лагерь викингов в это время действительно напоминал ярмарку, поскольку большинство мужчин изготавливали небольшие предметы, которые деревенские жители принимали в обмен, а многие торговцы устроили постоянные палатки внутри лагеря. Валлийцы были гораздо меньше норвежцев и датчан, а их яркие, быстрые глаза и черные прямые волосы странно контрастировали с северянами и саксами, большинство из которых были светлокожими.

Сигурд и Альфред поначалу опасались, что саксы и датчане, наследственные враги, не смогут хорошо ужиться друг с другом; но их опасения оказались беспочвенными. Хальфдан узнал от деревенских жителей, что в лесах на западе, всего в нескольких милях, волки - страшный бич, поэтому мужчины принялись за работу и смастерили себе лыжи, и даже Сигрид научилась пользоваться "снежными коньками", как саксы называли длинные деревянные полозья. На второй неделе своего пребывания здесь четверо молодых людей и Хальфдан взяли с собой несколько человек, оставив лагерь на попечение Биорна, и на три дня ушли в лес охотиться на волков.

По возвращении Биорн сообщил им, что за время их отсутствия пришло известие от короля Идваля, который намеревался посетить их на следующий день со всем своим двором. К его приему были сделаны большие приготовления. Из леса принесли сосновые ветки, которыми нарядно украсили хижины, а большую хижину Хальфдана увешали гобеленами и тканями, которые Сигурд нашел в грузе судна, захваченного Биорном.

Все мужчины начистили свои доспехи и оружие, и когда утром валлийцы показались на холме, войска были разделены на три части: датчане, норманны и саксы объединились под знаменами Хальфдана, Сигурда и Альфреда. Вскоре в долину, ведущую к лагерю, прибыли валлийцы, и их приход был встречен громкими ударами рогов викингов.

They were greeted by a loud burst from the horns of the vikings.

"Они были встречены громким криком из рогов викингов".

Впереди шел отряд лучников, а за ним, верхом на маленьких лохматых пони, ехали король и его двор. Идваль был крупнее большинства своих последователей, с острыми черными глазами и твердыми чертами лица, выбритый по датской моде, с двумя длинными усами. Когда он подъехал, Хальфдан вышел вперед и поприветствовал его.

"Добро пожаловать, милорд король! Мы рады оказать вам гостеприимство в вашем замке!"

Идваль улыбнулся. "Воистину, ярл, я рад, что эти твои люди не собираются вторгаться в мои пределы! Нам было бы нелегко отразить такую силу, как эта. Я слышал, что к вам

присоединился новый отряд викингов, и приехал, чтобы убедиться, что нам ничего не угрожает".

При этих словах Хальфдан велел Сигурду и его друзьям выйти вперед и представил их королю. Тот нахмурился, когда Альфред вышел вперед, и окинул взглядом отряд саксов.

"Много лет саксы не осмеливались искать гостеприимства у кимров, мой мальчик", - заметил он. Затем Альфред рассказал свою историю, и лицо короля прояснилось.

"Если честно, я не питаю особой любви к саксам, но раз уж вы враги Этельреда, то это другое дело. Скажи мне, если бы твой отец вернулся домой, а я объединился с королем Свейном, ты был бы за или против меня?"

Он пристально посмотрел на Альфреда, но юноша встретил его взгляд прямо, хотя и с улыбкой. "На это, милорд король, я могу лишь сказать, что буду сражаться за свою землю против захватчика, кем бы он ни был; но если мой отец сочтет нужным присоединиться к королю Свейну, как бы он ни поступил, я буду на его стороне".

Хальфдан со смехом вмешался. "Не бойся, государь, этого сакса еще долго не придется бояться! Смею сказать, что если вы предпримете вылазку против Этельреда этой весной, он будет так же стойко стоять на вашей стороне, как и любой из ваших дворян. Но идите в лагерь, милорд".

Викинги открыли проход между своими рядами, и Идваль повел своих людей через них. На открытом пространстве среди хижин Хальфдан расчистил снег и натянул большой парус на несколько длинных столов, а по обе стороны от них пылали дюжины больших костров.

"Воистину, - воскликнул король Идваль, - это поистине королевский прием, ярл! Пир под открытым небом мне гораздо больше по душе, чем в этих хижинах, а эти костры согреют целую армию!"

Сказав это, король откинул меховой плащ, и Сигурд увидел, что под ним надеты легкие доспехи. В королевской свите было около двух десятков вельмож и епископ, которому Хальфдан уделил почетное место. Среди валлийцев епископы и священники почитались даже выше короля, и епископ Дафидд показался им ученым, любезным и очень религиозным человеком, который сразу же заинтересовался Астрид и Вульфом, с обоими из которых он долго беседовал.

Хорошо еще, что Хальфдан три дня назад охотился, потому что его запасы оленины сильно истощились. Принесли огромную рыбу, только что выловленную из реки внизу, и, к восторгу валлийцев, перед королем поставили огромную голову кабана, выполненную в саксонском стиле. Викинги не пожалели сил, чтобы сделать пир заметным, и, к удовлетворению Сигурда, присутствие епископа Дафидда и его людей не позволило ему превратиться в дикое веселье, к которому были слишком склонны норманны.

Вечером, перед отъездом короля, по обычаю, состоялся обмен подарками. Биорн и ярл Хальфдан, искусные кузнецы, за неделю до этого сделали прекрасную байрни из сплетенных золотых колец, и ее преподнесли королю, который был в восторге от нее.

Хальфдану он подарил большую кабанью гончую, а Сигурду - плащ, отороченный мехом, алая ткань которого была расшита серебряной нитью. Поскольку ему сообщили о присутствии двух девушек, он предусмотрительно привез для них новые наряды, соответствующие их рангу.

Вечером Идваль вернулся в свой замок, и связь между ним и викингами была прочно закреплена. Он заверил ярла Хальфдана, что, как только король Свейн высадится на востоке, он нахлынет на западносаксонские графства, и Хальфдан не сомневался, что датский король выполнит клятву, данную им на пиру по случаю вступления в должность.

После этого лагерь успокоился на всю оставшуюся зиму. Каждую неделю охотничьи отряды на лыжах привозили из окрестных лесов свежее мясо, а кузнецы ремонтировали и дополняли оружие. Все вожди северян были искусными оружейниками, и работа в кузнице значительно прибавила Сигурду сил и расширила его плечи.

Две девушки проводили время с большим удовольствием, ведь каждый мужчина в лагере боготворил их. Они участвовали в охоте, и многие волки пали перед луком Астрид, а Сигрид, хотя и менее воинственная, принимала в ней участие с не меньшим рвением.

Время шло быстро, и в марте снега растаяли, а четыре корабля были выведены на берег и отремонтированы. Они были свежеструганы и обтесаны, мачты подняты, и наконец они встали на якорь, полностью готовые к выходу в море.

Король Идваль нанес лагерью второй визит, после чего вожди на несколько дней вернулись с ним в замок. Он прислал всевозможную провизию для кораблей, и в начале апреля Сигурд расстался с Хальфданом.

Вечером перед отплытием они собрались в хижине ярла.

"Теперь, ярл, - сказал Сигурд, - я полагаю, ты возьмешь Астрид с собой домой?"

"Это зависит от того, захочет ли она ехать, - недоуменно ответил Хальфдан, - или нет! Похоже, ей нравится скитаться по свету, когда рыцарь-избранник спасает ее и оберегает от бед!"

Астрид покраснела и воскликнула: "Это нечестно, дядя! Я поеду с вами домой, но послушайте! Почему бы тебе не поехать с нами к королю Олафу и не отправиться домой северным путем? Этот путь так же короток и гораздо менее опасен!"

Большой ярл вскочил на ноги. "Ура! Я даже не думал об этом; я думал отправиться домой по югу Англии, но, по правде говоря, этот путь так же короток, и я хотел бы увидеть этого короля Олафа, которого вы так высоко оцениваете".

Было решено, что Хальфдан не должен отплывать до следующей недели, поэтому он сразу же бросился к своим вождям и созвал их. Рассказав им о новом плане, люди принялись за работу при свете факелов, закончили погрузку двух кораблей, и к утру все было готово.

При попутном ветре они вышли в залив, а через три утра, пройдя вдоль ирландского берега, оказались в виду башен Дублина.

ГЛАВА XVI.

АМБУСКАДА.

Сигурд был принят королем Олафом с безграничной радостью, ибо его считали погибшим во время шторма, разразившегося на побережье незадолго до его отплытия. Хальфдан пробыл в Дублине неделю, а затем решил без промедления вернуться на родину.

Сигурд с грустью расставался с Астрид, ведь за время своих странствий они стали очень дороги друг другу, и хотя Альфред и Сигрид остались с ним, он знал, что будет сильно скучать по ней.

"Не бери в голову, - сказал он, когда они спускались к кораблям, - мы высадимся в Норвегии этим летом или осенью, и будь уверен, что вскоре после этого я появлюсь при датском дворе или в Вендланде".

"Я буду рада снова увидеть Вагна, когда вернусь домой", - сказала Астрид. "Это будет почти так же хорошо, как увидеть тебя". Хальфдан рассказал им о благополучном прибытии Вагна домой, так что ярл Эйрик, очевидно, был верен своему слову.

Сигурд и Альфред на "Журавле" сопровождали корабли Хальфдана на протяжении нескольких миль; затем, попрощавшись с Астрид, "Журавль" развернулся и снова взял курс на Дублин.

Обязанности Сигурда при дворе были невелики. Ирландское королевство Олафа не было разделено на округа, управляемые ярлами, как в Норвегии, так что Сигурду почти ничего не оставалось делать, кроме как командовать придворными. Альфред не оказывал почестей королю Олафу, ибо решил остаться верным своей земле; тем не менее король дал ему наказ, и Альфред хорошо справился с ним.

С началом лета Олаф вывел все свои военные корабли из воды, выскреб днища и подверг их тщательному ремонту. Торир Клакке все еще находился в Дублине, и Сигурд узнал, что он уговаривает короля как можно скорее отплыть в Норвегию, говоря, что по прибытии к нему стекутся кабальеры, так что ему не нужно брать с собой столь большие силы. Король Олаф, прекрасно понимавший его вероломство, не стал его обманывать; но Сигурду он сказал однажды вечером, после того как Торир покинул зал:

"Ярл, если кто и заслуживает повешения, так это он. Пока ты отсутствовал в Англии, два моих сводных брата были изгнаны из Норвегии ярлом Хаконом и пришли ко мне сюда. Торир попытался подкупить их, и, к счастью, они дали ему понять, что совпали с его планами, которые он полностью раскрыл.

Ярл Хакон, по правде говоря, послал его сюда". Торир попытается убить меня во время плавания, - мрачно улыбнулся король, - но если ему это не удастся, он должен доставить меня на берег в определенном месте, где Хакон будет держать людей в ожидании днем и ночью. Эти люди должны обрушиться на меня и убить".

Сигурд закричал от гнева, а священник, Тангбранд, прорычал: "Позволь мне заняться им, Олаф! Я ручаюсь, что он больше не побеспокоит тебя!"

Олаф от души рассмеялся. "Тангбранд, ты больше подходишь для викинга, чем для священника! Если я когда-нибудь завоюю Норвегию, я пошлю тебя в Исландию, чтобы ты обратил этот остров в веру Христову".

Лицо священника засияло. "Спасибо, мой король! Как жаль, что на таком прекрасном острове, как этот, на всем его протяжении нет церкви Христа! Возможно, я встречу там сопротивление, но, думаю, я смогу удержать свои позиции".

Сигурд рассмеялся над этой характерной речью. Тангбранд представлял собой странную смесь священника и воина. Изгнанный из дома за свой склочный нрав, он примкнул к Олафу; но на самом деле этот человек был глубоко религиозен, и он действительно идеально подходил для того, чтобы нести Крест в языческую Исландию. В те времена крест и меч шли рука об руку, и старые боги Норвегии знали немало мучеников за свою веру, прежде чем христианство утвердилось на этой земле в более поздние годы. Правильно это или нет, но таков был дух эпохи, ибо люди не обращали внимания на то, что Христово Евангелие - это Евангелие мира, и в своем энтузиазме и религиозном рвении распространяли его огнем и мечом.

В окрестностях Дублина происходило много нерегулярных боев, ведь ирландские короли постоянно стремились изгнать норманнов со своей земли. Они сражались храбро, но их люди были плохо вооружены по сравнению с викингами, и Олафу не составляло труда поддерживать порядок на многие мили вокруг города. Его шурин, Олаф Кваран, в это время находился в поездке в Исландию.

"Как ты смотришь на то, ярл, - сказал Олаф Сигурду однажды вечером, - чтобы навестить короля Бриана Бороймхе? Я хочу заключить с ним мир, ибо, отправляясь в Норвегию, я хочу покинуть Дублин в безопасности, а на моего брата нельзя полагаться. Твердый мир с королем Брайаном хотя бы на год был бы прекрасным решением".

"Я был бы рад, - ответил Сигурд, - ибо я так много слышал о внутренней части Ирландии, что хотел бы ее увидеть".

"Хорошо, я прикажу написать письма на ирландском языке, - сказал король, - а вы возьмите с собой людей и переводчика. Будьте готовы отправиться в путь в следующий понедельник, и я думаю, что вы найдете короля в Келлсе, большом месте в тридцати милях к западу. Впрочем, я обеспечу надежного проводника".

Священник Тангбранд, узнав о посольстве, с готовностью попросил разрешения сопровождать Сигурда, и Олаф охотно согласился. Итак, в следующий понедельник Сигурд, священник и несколько человек покинули Дублин. Все их оружие было в мирных повязках, а в качестве проводника и переводчика был взят ирландский пленник, обещавший в обмен на свою свободу привести их в Келлс.

Сигурд рассмеялся, когда к ним присоединился Тангбранд. Огромный священник носил под мантией байрни, на голове - легкую стальную шапочку, а у луки седла - щит и меч.

"Никто не знает, что может случиться, - твердо ответил он на смех мальчика, - нас могут сбить с пути эти ирландские разбойники, или этот проводник может сбить нас с пути, и лучше быть готовым ко всему".

До Келлса оставался всего один день пути, и они бодро двинулись в путь. После того как они достигли границ владений Олафа, дорога на протяжении дюжины миль пролегла через леса и болота, но ближе к вечеру они вышли на открытую равнину, частично возделанную, и увидели вдали шпили и башни большого города. Несколько раз их останавливали отряды ирландцев, но проводник служил им верой и правдой.

Сигурд был поражен, увидев Келлс. "Как это чудесно!" - сказал он. "Я и не подозревал, что так близко от Дублина есть такая цивилизация!"

Тангбранд улыбнулся. "Келлс редко разоряли викинги, уже много лет; это сильное место, с большим монастырем в городе. Я уже бывал здесь однажды и нашел, что в мирное время эти земли достаточно красивы, но в военное время добраться до города будет почти невозможно".

Сигурд убедился в этом, когда они подъехали к городу, ведь по обеим сторонам дороги стояли оборонительные сооружения и виднелось несколько каменных замков. На закате они въехали в городские ворота, и их проводник поскакал вперед, чтобы найти жилье для людей.

Проезжая по улицам, они встречали кислые взгляды и громкие проклятия ирландцев, которые люто ненавидели северян, и на то было много причин. Викинги разорили самые прекрасные долины Эрина, разрушили монастыри и великолепную цивилизацию и, если бы не твердая рука короля Бриана, полностью захватили бы страну. На эту ночь они остановились в большом трактире, а на следующее утро посетили двор.

Дворец короля превосходил все, что Сигурд когда-либо видел, даже в Лондоне. Он был выстроен из камня, а большой зал внутри него блистал оружием и гобеленами. Вельможи, толпившиеся в зале, были одеты так же, как и северяне, но их золотые браслеты и булавки для плащей были богато украшены, а драгоценного металла, похоже, было в избытке.

Сигурд провел своих людей к высокому сиденью и низко поклонился королю Бриану, знаменитому вождю. Это был мощный, суровый мужчина лет шестидесяти, он с хмурым видом вскрыл и прочитал письма Олафа, а затем передал их монаху, стоявшему рядом с ним.

"Сэр ярл, - сказал он, не вставая, устремив свои серые глаза на Сигурда, - я немедленно напишу ответ. Пока же вы и ваши люди разместитесь в моем дворце. Король Олаф - храбрый и достойный человек, и я рад заключить с ним годичное перемирие; если бы и другие северяне были такими же, как он, Эрин стал бы более счастливой землей".

Монах перевел слова короля, и, низко поклонившись, Сигурд удалился. Тангбранд сразу же посетил монастырь, взяв с собой Сигурда; и хотя добрые монахи были несколько удивлены воинственным видом священника, они хорошо приняли своего гостя и показали ему все постройки.

На следующее утро Сигурд снова имел аудиенцию у короля Бриана, который вручил ему пергамент для короля Олафа и подарил тяжелое золотое кольцо; после этого норманны сразу же покинули город и отправились в обратный путь.

Они ехали в хорошем темпе, а когда приблизились к границам владений Олафа, Сигурд и Тангбранд поехали немного впереди; Тангбранд, искусный в верховой езде, о которой молодой ярл знал немного, показывал Сигурду, как заставить его коня изгибаться и понукать, и таким образом они незаметно опередили остальных.

Они свернули за поворот дороги, пролегавшей под густыми деревьями, и в этот момент несколько человек бросились к лошадям, а другие набросились на Сигурда и Тангбранда, пытаясь вырвать их из седла. В тот же миг, прежде чем они успели схватиться за оружие, на них с ветвей сверху упали люди, и через минуту оба норманна, связанные по рукам и ногам, уже мчались прочь через лесную глубь.

ГЛАВА XVII.

КЕТИЛЬ ПОЯВЛЯЕТСЯ.

Далеко позади раздалось несколько слабых криков и звуков рога, когда люди достигли места, где два вождя сидели в засаде; затем они смолкли. Сигурд увидел, что их несет отряд из двух десятков ирландцев, которые спешат через лес на север. Он начал было говорить со священником, которого несли рядом с ним, но один из воинов грубо ударил его по губам, резко приказав по-ирландски, и он замолчал.

В сумерках отряд остановился у ручья, и Сигурд решил, что они прошли несколько миль от места захвата. Развели костер, на котором приготовили еду, а двух пленников бросили под большое дерево.

"Какие же мы дураки, что оставили проводника!" - прорычал Тангбранд в свою густую черную бороду. "Хоть бы они дали нам чего-нибудь поесть!"

Его желание было немедленно исполнено: подошел предводитель группы, разрезал веревки, связывавшие их руки, дал им хлеб и мясо, а также рог с водой из ручья. После этого их снова связали.

"Похоже, они кого-то ждут, - воскликнул Сигурд, - ты заметил, что предводитель разослал людей во все стороны?"

Это действительно было сделано, как только они прибыли, и через час раздался крик, и в свете костра появилось второе тело людей. Увидев их, Сигурд вскрикнул от изумления: во главе их стоял Кетиль Гормсон, которого он оставил в Лондоне зимой прошлого года!

Вновь прибывшие также были ирландцами, Кетиль был единственным иностранцем. Предводитель первой группы поприветствовал его, и Кетиль вложил ему в руку сумку, которая приятно звякнула. Затем он шагнул вперед, к Сигурду.

"Наконец-то ты у меня, милорд ярл!" - воскликнул он с лукавым огоньком в темных глазах. "Далековато от Лондона до Ирландии, но я терпеливо наблюдал и ждал".

"Жаль, что в ту ночь я не нанес более мощного удара!" - ответил Сигурд. "Какова твоя цель в этом нападении?"

Кетиль коротко рассмеялся. "Ты пойдешь со мной к ярлу Хакону, мой славный парень, а что касается этого последователя Белого Христа, то я думаю, что утром передам его моим добрым друзьям".

Сигурд побледнел, ибо знал, что любого норманна, попавшего в руки ирландцев, ждет неминуемая участь. Однако Тангбранд прорычал:

"Освободи мои руки, предатель, и встреть меня с занесенным клинком!"

"Так, - усмехнулся Кетиль, - а я-то думал, что священники вашего бога - кроткие и смиренные люди, готовые умереть за свою веру!"

Тангбранд покраснел от упрека и замолчал. Кетиль отвернулся, приставил к пленникам стражу, и через несколько минут они уже спали в своих плащах под деревьями.

Оружие у норманнов не отобрали, но, поскольку они были крепко связаны, оно было бесполезно. Сигурд, однако, увидел, что в спешном бегстве через лес с его меча сорвали мирные повязки.

Через час после этого он почувствовал, как руки Тангбранда коснулись его рук. Оба пленника лежали бок о бок, а их стражник сидел в нескольких футах от них и сонно дремал. Повернувшись, Сигурд посмотрел на священника и увидел, что тот делает движение в сторону развязанного меча.

Сигурд, очень медленно и осторожно, перевернулся на лицо, поднося оружие к Тангбранду, который в то же время повернулся спиной. Так его руки, после недолгих тщетных поисков, нащупали рукоять оружия и медленно потянули его вперед. Мгновение спустя их страж выпрямился и подошел к ним.

Сигурд лежал на лице, а Тангбранд быстрым движением просунул под него выхваченный клинок. Стражник, решив, что оба спят, отвернулся, напевая себе под нос, и Сигурд уловил слабый скрежещающий звук, когда лезвие меча разрезало путы священника.

Вскоре стражник вернулся и склонился над Сигурдом, который лежал ближе к нему, чтобы убедиться в правильности его уз. Пока он это делал, Тангбранд повалил его на землю, обхватив руками горло мужчины.

Борьба была короткой и бесшумной. Через несколько секунд мужчина расслабился, и священник быстро связал его и заткнул рот кляпом; затем он разрезал узы Сигурда, прошептав:

"Если бы мои руки не были такими жесткими, я бы сделал это лучше".

И действительно, Сигурд обнаружил, что его руки и ноги слишком затекли, чтобы двигаться, так как он был крепко связан. Они посидели немного, растирая конечности, потом поднялись.

"В какую сторону, ярл?"

"На запад, Тангбранд. Как только мы нападём на людей короля Бриана, все будет в порядке, потому что его браслет здесь будет известен, а ты тоже священник".

Не говоря больше ни слова, они двинулись прочь, каждый на ходу подбирая легкий щит со спящих людей. В лесу было темно, но, поскольку луна только взошла, Сигурд знал, что скоро их путь станет достаточно светлым, чтобы идти быстро.

Через полчаса они были уже далеко от лагеря, и оба перешли на быструю рысь, прокладывая себе путь среди деревьев и, насколько хватало сил, направляясь на запад. На севере деревья были покрыты грубой корой, и это немного их ориентировало, так как оба мужчины привыкли, живя в Норвегии, находить дорогу в лесу по таким признакам.

"Погоди, парень, - задыхался Тангбранд после часа бега.

Сигурд сбавил темп, так как земля была слишком неровной и грубой, чтобы держать его дольше, и некоторое время они быстро шли вперед.

"Моли небо, чтобы мы не наткнулись на болото или трясину, - сказал Тангбранд, - потому что если наткнемся, то пропадем".

"Интересно, будут ли нас преследовать?"

"Если да, то я не намерен попадать в их руки живыми", - твердо ответил священник. "Это, очевидно, какая-то бродячая банда, нанятая этим злодеем Кетилем. Я бы хотел, чтобы он оказался в пределах досягаемости моего меча!"

Они шли до рассвета, попеременно то шагая, то бегая. Когда серый свет пробился сквозь деревья, они обнаружили, что лес немного поредел, и Тангбранд присел на землю, чтобы немного отдохнуть.

"Думаю, мы приближаемся к возделанным полям на той широкой равнине, которую пересекли вчера, - предположил Сигурд. "Если нам удастся добраться до Бриана, он защитит нас, ибо я слышал, что никто не может быть более ревностным к своему слову, чем он".

Через десять минут они продолжили свой путь. Солнце только-только взошло, и когда они стояли на вершине небольшого холма, тщетно пытаясь разглядеть хоть какие-то признаки жилья, из леса позади них донесся слабый крик.

"Давай, Тангбранд, - воскликнул Сигурд, переходя на бег. "Теперь дело за скоростью".

Полчаса они шли бодрой рысью, но за спиной то и дело раздавались крики, каждый из которых был громче предыдущего. Наконец Тангбранд остановился.

"Иди, Фэрхайр. Я совсем выдохся, а твоя жизнь для Олафа стоит больше, чем моя. Иди, а я буду держать их здесь столько, сколько потребуется".

"Одна из клятв Йомсборга, - спокойно ответил Сигурд, - состоит в том, чтобы никогда не бросать товарища..."

"Прочь клятвы Йомсборга!" - прорычал Тангбранд. "Уходите, не теряйте времени!"

"Слушай!" - быстро закричал Сигурд. "Не рог ли это?"

Далеко на западе они услышали слабые звуки боевого рога, а сзади раздался громкий крик - это приближались их преследователи.

"Поспешь, Фэрхайр, - крикнул священник, вынимая меч. "Беги туда и приведи подмогу, пока я задерживаю их здесь!"

Сигурд улыбнулся и, оглядевшись по сторонам, обнажил свое оружие.

"Прекрати эти глупости", - сказал он, не без трепета подумав о великодушии большого человека. "Давайте встанем под этим большим дубом, где мы сможем размахивать мечами, не опасаясь ударов в спину".

Они заняли позиции по обе стороны большого дуба, и через пять минут появился первый из их преследователей. Увидев их, он остановился и поднял крик; когда его товарищи подошли, они рассредоточились, окружив дерево.

Кетиль, надо отдать ему должное, был достаточно храбр. Появившись, он повел дюжину воинов прямо на дерево, и через секунду между ними завязался яростный бой. Ирландцы столпились вокруг, нанося удары своими длинными ножами, но быстро отступали перед страшным размахом огромного меча Тангбранда и более учеными, но не менее смертоносными ударами молодого ярла. Когда они отступили, их вождь выкрикнул приказ, и стрелы со свистом пронесли мимо.

Первую Сигурд поймал щитом, вторую разрубил на две части, пока она летела. Когда Тангбранд проделал то же самое, ирландцы разразились изумленными криками, ибо, поскольку они не были знакомы с упражнениями и тренировками норманнов, это умение казалось им не более чем волшебным. Снова и снова повторяли они этот трюк, но невозможно было отразить более одного-двух ударов за раз, и вскоре и Тангбранд, и Сигурд были ранены. Внезапно Кетиль с нетерпением бросился на Сигурда.

Ирландцы кружили вокруг, с нетерпением наблюдая за схваткой, забыв обо всем на свете, а Тангбранд прикрывал спину Сигурда. Трижды сталь Кетилия встречалась со сталью Сигурда, затем, увидев просвет, последний нанес удар, но ноги его заскользили по мокрой от росы траве, и он упал головой вперед.

Тангбранд мгновенно оказался на его теле, лицом к лицу с Кетилем. В этот момент сзади него появились ирландцы, с нетерпением ожидая возможности пустить в ход свои длинные ножи, а священник скрестил мечи с Кетилем. Внезапно тот вскинул руки, когда что-то пролетело мимо Тангбранда, и упал, пронзенный копьем, под вопль ужаса, поднятый его группой.

Подняв Сигурда на ноги, Тангбранд увидел позади себя короля Бриана Бороимхе с мечом в руке, а его люди преследовали беглецов во всех направлениях, рубя их без пощады.

ГЛАВА XVIII.

МИССИЯ ДЛЯ КОРОЛЯ.

Король обратился к Тангбранду на латыни, которую священник понимал довольно хорошо.

"Как раз вовремя, друзья мои! Проводник, которого я послал с вами, вернулся вчера поздно вечером с вестью о вашем несчастье, и сегодня рано утром я разослал людей во все стороны, присоединившись к поискам, ибо я был очень разгневан тем, что моя конспиративная связь была нарушена таким образом".

"Мы обязаны вам жизнью, милорд", - с благодарностью ответил Тангбранд. "Эти люди были на службе у предателя, которого, к сожалению, твое копье убило прежде, чем я успел его схватить".

Старый король недобро улыбнулся. "Странные слова для человека Божьего, сэр священник! Но я вижу, что твой клинок сослужил добрую службу ярлу Сигурду, и, возможно, в наши времена священник тоже должен быть человеком мира". Король Бриан тяжело вздохнул, оглядываясь по сторонам, а затем сказал: "Спросите ярла, в безопасности ли мои письма".

Когда Тангбранд перевел, Сигурд протянул письма, печати которых были нерушимы; вернулись люди короля, и все сразу же отправились в Келлс. Здесь, поскольку Сигурд торопился вернуться в Дублин, король дал ему эскорт из пятидесяти человек, и они отправились в путь без промедления.

Достигнув территории Олафа, Сигурд отпустил ирландцев и двинулся вперед; но, приблизившись к городу, он в ужасе воскликнул. Вместо королевского штандарта над замком развевалось огромное черное знамя!

Сильно удивляясь, они галопом подъехали к городу и вошли в него. К их изумлению, все лавки были закрыты, а весь город носил траурный вид. Сигурд, не переставая задавать вопросы, оставил Тангбранда и поспешил в большой зал.

В зале было пусто, кроме Олафа, который сидел на высоком сиденье, склонив голову на руки. Сигурд вышел вперед и протянул письма.

"Здесь, милорд, ответ короля Бриана Бороимхе. Почему на замке черный штандарт и почему все лавки закрыты?"

Олаф поднял голову и посмотрел на Сигурда тяжелым взглядом.

"С возвращением, ярл, в недобрый час. Королева Гида умерла прошлой ночью".

Пока Сигурд смотрел на короля, тот медленно поднялся, спустился с высокого сиденья и, взяв руку Сигурда в свою, воскликнул:

"Сигурд, подойди и поговори со мной. Я одинок, и я самый несчастный из всех людей".

Они ходили вверх и вниз по залу, и Олаф рассказал Сигурду, как накануне вечером королеву постигла смертельная болезнь. Добрый епископ Сигурд, английский прелат, приехавший в Ирландию вместе с Олафом, сделал все, что мог, ибо был искусным пиявкой, но безрезультатно.

"Почему это зло обрушилось на меня именно сейчас?" - горько воскликнул король. Сигурд немного помолчал, давая возможность выплеснуть сдерживаемое горе короля, а затем тихо сказал:

"Такова воля Божья, Олаф, и, возможно, он поступил так к лучшему. Может быть, он хочет, чтобы ты всю свою жизнь посвятил распространению его Слова в языческой Норвегии, и послал тебе испытание бедой?"

"Может быть, - ответил король, - но это трудно. Он дал мне хорошую судьбу, и я должен терпеть плохую, если на то будет его воля; может быть, он и правда хочет, чтобы я посвятил себя, сердце и душу, несению его Евангелия моим соотечественникам".

Удар был ужасен для Олафа, и прошел не один месяц, прежде чем он вновь обрел былую легкость духа. Через два дня королеву похоронили, и после периода траура Олаф с лихорадочной энергией принялся за подготовку экспедиции.

Задача была не из легких. В гавани у Олафа стояла дюжина военных кораблей, но взять с собой столь крупные силы было невозможно, так как нужно было оставить людей для защиты Дублина. Олаф решил отдать свои ирландские земли, в случае успеха в Норвегии, своему шурина Олафу Кварану, но он не мог оставить его без людей.

Наконец, после долгих совещаний с Сигурдом и другими вождями, король решил взять с собой только пять самых больших кораблей, на каждом из которых должно было находиться около семидесяти пяти человек. Торир Клакке не подозревал, что Олаф знает о его предательстве, и посоветовал королю внезапно обрушиться на Норвегию и захватить ярла Хакона врасплох в Трандхейме, прежде чем удастся собрать людей. Торир, давая этот совет, полагал, что либо ему удастся убить Олафа предательством во время плавания, либо люди Хакона, размещенные в Агданессе в Норвегии, уберут Олафа до того, как план будет выполнен.

Пять кораблей были оснащены наилучшим образом. С их носов сняли головы драконов, а на их месте установили большие кресты, ибо Олаф знал, что только с помощью Божьей благосклонности он сможет завоевать королевство своего отца. На них погрузили все богатства, которые Олаф собрал в своих путешествиях по России, Константинополю и Англии, и наконец экспедиция была готова к отплытию.

Ярким августовским утром король поднялся на борт кораблей, за ним последовали все его люди. Перед этим он подозвал к себе Альфреда и Сигрид и спросил их, что они намерены делать. Альфред колебался, так как, хотя и хотел сопровождать Олафа, не забывал, что его отец находится во Фландрии, и не хотел разлучаться с сестрой. Наконец Олаф с улыбкой произнес:

"Вам обоим лучше пойти со мной. У меня есть план, который, как мне кажется, удовлетворит вас; позже я расскажу вам, в чем он заключается. Посади всех своих саксов на борт "Змея", Альфред - корабля, который старый Биорн захватил в Англии, - и плыви с нами. Сигурд будет командовать "Журавлем", а когда мы доберемся до Оркнейских островов, я расскажу тебе, что у меня на уме".

И вот, гадая, что имеет в виду король, "Змей" был добавлен к флоту, к великой радости Сигурда. Он боялся, что Альфред и его сестра останутся позади, и с немалым удовлетворением помогал снаряжать "Змея".

Когда все люди были посажены на корабль, епископ Сигурд, стоя на носу корабля короля Олафа, вознес торжественную молитву, прося помощи и благословения Божьего на их предприятие. Когда он закончил молитву, по морю от кораблей до берега прокатилось громкое "Аминь!", якоря были взвешены, и путешествие началось под звуки военных рожков и лязг оружия.

Пентландский ферт, судя по донесениям, доставленным Олафу, был непроходим, поэтому он направился к Оркнейским островам, как и хотел с самого начала. Эти острова давно были заселены норманнами, и правил ими ярл Сигурд Лодварсон, но сам ярл и его люди были язычниками, поскольку ни миссионерам, ни христианам не разрешалось селиться на островах. Олаф твердо намеревался нести Слово Божье повсюду, куда бы он ни отправился, и поскольку Оркнейские острова лежали на его пути, он решил навестить ярла Сигурда.

Это была опасная затея, поскольку ярл был могущественным и мог решить судьбу экспедиции в тот же момент; но все сложилось удачно для Олафа. Шесть его кораблей встали на якорь в бухте Асмундара на острове Рогнвальд, и в бухте они обнаружили единственный корабль, стоявший на якоре.

Олаф, увидев, что это прекрасный корабль и очень красиво обставлен, послал Сигурда Фэйрхейра взять его командира на борт своего корабля, надеясь получить новости о

Норвегии. К его удивлению, оказалось, что этим командиром был не кто иной, как сам ярл Сигурд Лодварсон!

Олаф встретил его с улыбкой. "Воистину, похоже, что у нас здесь в избытке Сигурдов! Ты сам, мой ярл Сигурд Фэйрхейр, добрый епископ Сигурд из Англии и, возможно, несколько моих людей, все с одинаковыми именами".

Ярл, не зная, куда направляется король Олаф со своим флотом, несколько опасался за свою безопасность, и когда Олаф призвал его принять крещение, он отказался, сказав, что вера его отцов достаточно хороша для него. Тогда король Олаф встал, держа в одной руке меч, в другой - крест.

"Ярл, ты владеешь, как ярл Оркнейских островов, частью моего наследства, ибо я претендую на все земли, которыми владели короли Норвегии. Поскольку по воле Божьей ты оказался в моей власти, перед тобой открыты два пути. Первый - вы принимаете истинную веру и креститесь вместе со всеми своими подданными. Вы можете рассчитывать на то, что под моим началом будет находиться Джарлдом, которым вы сейчас владеете, и, что еще важнее, вы можете надеяться на то, что будете вечно царствовать в более благородном королевстве, чем это.

"Другой вариант, очень жалкий, заключается в том, что ты умрешь; а после твоей смерти я пройду по островам и приведу народ к вере в истинного Бога. Теперь выбирай, ярл, какой путь ты выберешь".

Ярл заколебался; затем медленно протянул руку и взял крест у Олафа. Этот поступок был встречен радостными криками дружинников, и без промедления епископ Сигурд крестил ярла Сигурда.

Затем он принес клятву верности королю Олафу и передал в руки короля своего сына Хунди, который также был крещен и сопровождал Олафа в Норвегию в качестве заложника.

На следующий день Олаф взошел на борт "Журавля".

"Сигурд, - сказал он, - готов ли ты взять на себя еще одну миссию для меня? Ты, кажется, всегда справляешься, что бы ни случилось, а поскольку это задание имеет определенную важность, я не могу найти никого лучше для его выполнения".

Сигурд улыбнулся. "Если я и продирался через трудные места, Олаф, то не по своей воле! Мне повезло найти друзей, а в остальном меня хранил Бог. А теперь расскажи мне, в чем заключается эта миссия".

ГЛАВА XIX.

ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ СВЕЙНА.

Астрид и Хальфдан благополучно и спокойно доплыли до Дании, но когда они прибыли туда, то обнаружили, что за зиму в стране произошло много перемен. Бледная, тихая, религиозная

королева Гунхильд умерла, и, поскольку только она сдерживала дикие и воинственные порывы короля Свейна, тот собирал большие силы для похода на Англию.

Астрид, как и прежде, поселилась в замке, но жизнь ее была одинокой. Ее родители умерли, когда она была еще ребенком, и рядом с ней был только ее дядя Хальфдан. Она недолюбливала короля Свейна, который, хотя и относился к ней всегда хорошо и по-доброму, был угрюмым и раздражительным человеком, не думающим ни о чем, кроме своих эгоистичных амбиций. Вскоре после возвращения Астрид он отдал на ее попечение двух своих сыновей, Харальда и Канута, и она с большим интересом занялась воспитанием и уходом за двумя одинокими мальчиками, не думая о том, что впоследствии младший станет великим и достойным королем Англии, благодаря ее ранним наставлениям.

Так прошло лето, пока собирались люди и отправлялись в датские поселения на севере Англии, чтобы ждать прибытия Свейна осенью. Ярл Хальфдан был послан командовать одним из этих отрядов, и после его отъезда Астрид как никогда остро ощутила свое одиночество.

Однажды король Свейн послал за ней. Удивившись такому вызову, Астрид отправилась в зал, где застала короля в окружении его вождей.

"Леди Астрид, - резко сказал он, - приготовь свои вещи к путешествию. Твоей руки попросил сын русского короля Владимира, и не стоит говорить, что я принял предложение, ведь помимо большой чести, это принесет моей армии несколько кораблей из России".

Астрид была ошеломлена, но смело ответила королю. "Ты не имеешь права так распоряжаться моей рукой, король Свейн! Это несправедливо по отношению ко мне, ибо я не твой вассал. Мои земли лежат в Вендланде, и если понадобится, я обращусь к королю Бурислафу за защитой от этого бесчинства!"

Лицо короля потемнело. "Ты сделаешь то, что я прикажу!" - гневно воскликнул он. "Король Бурислаф тоже сделает все, что я ему прикажу, и это неслыханное дело - чтобы девушка сама решала вопрос о своем замужестве!"

Ропот согласия поднялся среди вождей, и Астрид безнадежно обвела взглядом круг свирепых лиц, не находя в них никакой надежды. Как же ей хотелось, чтобы рядом с ней стоял ее добрый дядя! Но, как сказал король, в те времена девушка редко могла выйти замуж за того, кто ей нравился; родители или опекуны решали этот вопрос, не советуясь с ней, и Астрид чувствовала свою беспомощность. "Это благородный брак, - продолжал король уже спокойнее, - так что позвольте мне больше не слышать этих протестов. Через две недели ты отправишься отсюда в Гардарику, столицу Владимира, с достойным эскортом".

С этими словами девушка удалилась в свои апартаменты. Юный Канут, узнав о случившемся, попытался утешить ее, но мальчик, конечно, был так же беспомощен, как и она. И хотя Астрид решила, что брак никогда не состоится, даже если ей придется улететь из дома, сбор вещей продолжался.

Через неделю, когда она сидела за шитьем в саду, со стороны гавани послышался сильный шум, крики и военные рожки смешались с лязгом оружия. Она послала Канута посмотреть, в чем дело, и вскоре мальчик прибежал обратно с яркими глазами и раскрасневшимися от волнения щеками.

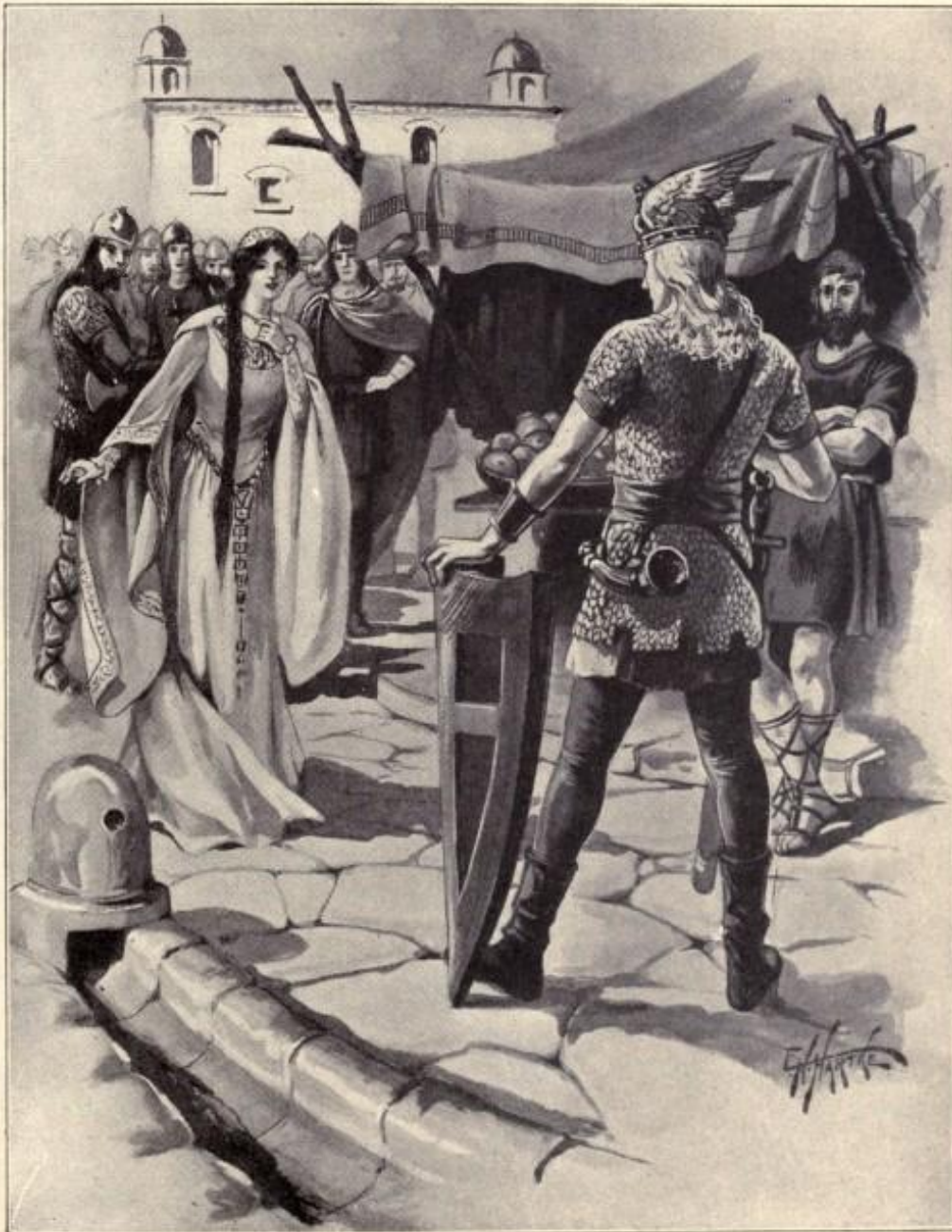
"О, Астрид! - воскликнул он, - у нас гости! В гавань только что зашли два огромных корабля, приплывших из-за моря - самые странные корабли! На носу у них не было никакого дракона,

а вместо него - большой позолоченный крест! У всех мужчин на борту были щиты с красными крестами, и я видел их, когда они высаживались на берег, - все они были великими воинами!"

Щеки Астрид внезапно побледнели. Что это были за корабли, плывущие под Крестом, если только...? Канут поспешно продолжил: "И, Астрид, ты бы видела их вождей! Там есть один старый викинг, такой свирепый и храбрый, и прекрасная девушка с ярко-желтыми волосами, и мальчик, который, должно быть, ее брат; но больше всех - юноша с волосами, как солнечный свет, рассыпавшимися по плечам, и в огромном золотом шлеме..."

Астрид не стала дожидаться продолжения. Бросив работу, она побежала в свои покои, сердце ее бешено колотилось. Быстро позвав своих женщин, она оделась и спустилась в зал, который был пуст. Она поспешно вышла и, покинув замок, спустилась в гавань.

Там все горожане и люди из замка столпились на рыночной площади, и, когда они почтительно уступали ей дорогу, Астрид увидела короля Свейна, беседующего с несколькими людьми, которых она не могла разглядеть из-за толпы. Когда она пробиралась сквозь толпу, до ее слуха донесся знакомый голос, а затем, покрасневшись, она оказалась лицом к лицу с Сигурдом Фэйрхайром!

She found herself face to face with Sigurd Fairhair.

Она оказалась лицом к лицу с Сигурдом Фэрхейром.

Увидев ее, он издал возглас восторга и до боли стиснул ее руки.

"Астрид!"

"Сигурд! - ответила она, заметив, как он вырос, - какой ты уже большой мужчина! Как я рада тебя видеть - и как ты мне нужен!" - добавила она уже более низким тоном.

Сигурд бросил на нее быстрый, тревожный взгляд, затем повернулся. "Сюда, Альфред, Сигрид!" - крикнул он, и в следующую минуту обе девушки оказались в объятиях друг друга, а толпа изумленно смотрела на них. Сигурд рассказал королю Свейну кое-что из их истории, после чего король приказал всем следовать за ним в замок.

"Там мы сможем спокойно поговорить, - сказал он. "Поднимайтесь немедленно. Мои люди займутся вашими кораблями, а воинов сведите на берег и пусть их развлекают в казармах".

Сигурд поручил это Биорну, и четверо молодых людей последовали за Свейном в замок, где расположились в зале, под высоким сиденьем.

"Как ты оказался здесь, да еще в таком месте?" - спросил король Свейн, который хорошо помнил Сигурда. В ответ Сигурд рассказал ему о спасении Альфреда и Сигрида. Свейн кивнул.

"Я знаю эту историю. Ярл Альфвик сейчас с моим войском в Англии. Продолжай."

"Король Олаф, - продолжал Сигурд, - послал к тебе Альфреда и его сестру с просьбой взять их с собой к отцу, а если ты не сможешь этого сделать, то позаботиться о том, чтобы им дали лоцмана, который доставил бы их в целости и сохранности во Фландрию. Однако, поскольку вы и сами скоро отправитесь в Англию, вопрос решен".

"Я буду очень рад, - ответил король, - если со мной будет сын ярла Альфвича. Они будут доставлены к ярлу в целости и сохранности, не бойся".

"Что же касается меня самого, - сказал Сигурд, - то это уже другое дело. Король Олаф отплыл в Норвегию, чтобы отнять королевство у ярла Хакона, и..."

Его прервал возглас изумления датчан.

"Что вы говорите?" - вскричал Свейн, вскакивая на ноги, - "Король Олаф отплыл в Норвегию? Скоал! Скоал!" Вожди в округе поддержали его.

"Он послал меня к тебе, король Свейн, просить, чтобы ты, если возможно, прислал ему корабли и людей; а если ты не можешь этого сделать, то хотя бы не помогал ярлу Хакону и ярлу Эйрику".

"Что касается первой просьбы, то я не могу ее выполнить, - ответил Свейн, - ибо мне нужны все люди, которых я могу собрать. Однако будь уверен, что Олафу не нужно бояться нападения с моей стороны; я буду очень рад, когда предатель Хакон будет изгнан из Норвегии!"

"Это будет хорошей новостью для Олафа, - ответил Сигурд, - потому что нападение с тыла будет гибельным. У него всего пять кораблей, из которых мой - один, и его успех будет полностью зависеть от того, сумеет ли он застать Хакона врасплох".

Затем Сигурд рассказал о том, как Олаф принял христианство на Оркнейских островах, и как он сразу же отправил его в это путешествие. Олаф должен был пробыть на островах три недели, крестя людей, и договорился встретиться с Сигурдом на Мостере, острове на западном побережье Норвегии, куда Олаф и направит свой путь.

До вечера Сигурд не имел возможности поговорить с Астрид, и ее утренние слова привели его в недоумение. Только когда вечером Альфред, Сигрид и он пришли к ней на квартиру, он получил объяснение. Тогда Астрид рассказала им о планах Свейна относительно ее замужества.

"Это позор!" - воскликнула Сигрид. "В Англии девушка должна подчиняться желаниям отца, но здесь ее не заставляют выходить замуж таким образом!"

Сигурд молчал, сведя брови. "Я в плохом положении", - сказал он наконец. Конечно, самым простым выходом было бы, чтобы ты поднялся на борт "Журавля", а мы присоединились к королю Олафу; но у меня здесь есть миссия, которой я не должен пренебрегать. Я не могу злить Свейна против Олафа, так как подобный поступок может привести к гибели моего короля; не то чтобы я заботился о себе, но это может означать гибель для моего короля".

Альфред согласился с ним. "Да, ты должен подумать о своем долге перед Олафом; и все же есть две стороны..."

"Нет, - вмешался Сигурд, - нет. Любой ценой нужно держать палец Свейна подальше от пирога Олафа, потому что Свейн может отказаться от своего английского похода и в порыве гнева направить все свои силы против Норвегии. Это было бы смертельно опасно для Олафа в настоящее время".

"Кажется, у меня есть план", - заметила Сигрид через мгновение. "Если ты не будешь фигурировать в побеге Астрид, все будет в порядке, не так ли?"

Сигурд кивнул.

Тогда дай Вульффу несколько человек и тот катер, что на "Змее", пусть они возьмут Астрид на борт и ждут тебя в каком-нибудь месте на побережье. Завтра или на следующий день ты должен уехать, чтобы вернуться к Олафу, так что ты сможешь подобрать их по пути, и король Свейн подумает, что Астрид сбежала по своей воле".

"Хорошо!" - воскликнул Сигурд. "Что ты скажешь об этом плане, Астрид?"

"Я тоже думаю, что он хорош, - ответила девушка, ее темные глаза сверкали, - но все мои вещи собраны, и я не хочу встретить короля Олафа в таком виде!"

Она покраснела, когда остальные разразились хохотом.

"Не бери в голову, Астрид, - рассмеялась Сигрид, - я сегодня же поставлю сундук на борт "Журавля"; мои вещи тебе вполне подойдут, а король Олаф подарил мне целый корабль платьев".

"Лучше положить его в куттер, - сказал Альфред, - потому что, когда Свейн обнаружит, что его подопечный исчез, он первым делом обыщет наши корабли".

Так и было решено, что на следующую ночь Вульф, крепко привязавшийся к молодому ярлу, должен ждать на пристани Астрид, которая настаивала на том, чтобы спуститься в гавань одной.

ГЛАВА XX.

КОРОЛЬ И ПОЛОТЕНЦЕ.

На следующее утро Вульфа проинструктировали на предмет его роли. Он крепко привязался к молодому ярлу и охотно взялся за дело; они с Биорном не раз оказывались мудрыми советчиками.

После обеда Сигурд и Альфред отправились на охоту с королем Свейном, и вернулись только после наступления темноты. Когда они добрались до замка, то увидели, что во дворе горят факелы.

"Что это? Что за суматоха?" - прорычал король, поспешно снимаясь с коня и устремляясь вперед.

Его встретил Ульф, седоголовый старый сенешаль. "Леди Астрид из Вендланда исчезла, мой господин, и мы не можем найти ее следов во всем замке и городе!"

На мгновение ярость короля стала ужасной, и он повернулся к Сигурду, его лицо исказилось от ярости.

"Это твоих рук дело, ярл! Ты принял мое гостеприимство, предатель, и..."

"Ты забываешься, мой господин", - спокойно прервал его Сигурд. "Я был с тобой весь день и ничего не мог знать об этом деле. Я не очень виню девушку, но ты можешь отчитаться за мои поступки".

"Верно, - ответил Свейн, его гнев остыл под влиянием ответа Сигурда, - прошу простить меня, ярл, за мою поспешность. Позволишь ли ты моим людям обыскать твои корабли? Возможно, девушка скрылась на борту одного из них, ища убежища у леди Сигрид".

"Охотно, король", - ответил Сигурд, и Альфред присоединился к нему.

Король сразу же разослал во все стороны конных и пеших людей, но когда Сигурд отошел на ночь, Астрид так и не нашли.

Утром Сигурд покинул короля Свейна, который, озабоченный бегством Астрид, не препятствовал его отъезду, преподнеся ему множество подарков, которые Сигурд, впрочем, вернул сполна.

Его отъезд стал поводом для гораздо более искреннего и ласкового прощания между ним и молодыми саксами. Альфред и Сигрид до последнего момента стояли на палубе "Журавля", и их глаза были влажными, когда они прощались.

"Обязательно приезжайте к нам в Англию в следующем году", - таковы были прощальные слова Альфреда. "Мы будем искать вас летом в Линкольне!"

Сигурд пообещал приехать по возможности, и так трое друзей расстались. Когда "Журавль" отплывал из гавани, Сигурд в последний раз увидел Сигрид, стоящую на носу "Змея" и прощально машущую платком.

"Где мы должны забрать Вульфа и Астрид?" спросил Сигурд у Биорна, когда они оставили землю позади.

"Примерно в двадцати милях к северу, ярл. Я послал с ним человека, который знает устье небольшой реки, где они могут спрятаться без опаски".

Вскоре после полудня Биорн, взяв штурвал, осторожно направил "Журавля" к суше, огибая берег, и через полчаса катер вынырнул, когда они проходили мимо.

"Ура!" - крикнул Сигурд, когда Астрид взобралась на борт. "Ты хорошо поработал, Вульф! Король Свейн был совершенно не в курсе, куда делся его подопечный!"

"А теперь - король Олаф!" - весело воскликнула Астрид, когда Вульф занес сундук Сигрид в каюту, и она исчезла.

Однако прошло много дней, прежде чем они увидели короля, потому что Мостер находился далеко на норвежском побережье. Сначала они добрались до высоких скал Агдира и поплыли вдоль побережья на север; по пути они миновали бухту Хиорунга, но не стали в нее заходить, ибо это место навевало на Сигурда грустные мысли.

"Ты не видела Вагна?" - спросил он Астрид, когда они смотрели на проплывающие мимо Херейские острова.

"О, да!" - воскликнула она. "Как мы могли забыть о нем раньше! Он приезжал ко мне прошлой весной, и только представь, Сигурд! Он женат!"

Сигурд издал возглас удивления, а Астрид продолжила.

"Да, он женился на девушке в Норвегии и привез ее в Данию. По возвращении он не захотел иметь ничего общего с ярлом Сигвальдом, назвав его трусом и предателем, и ярл держится поблизости, в Йомсборге. Сам Вагн находится на юге Дании, где его отец владел несколькими замками".

Сигурд был удивлен, узнав, что его кузен женат, и твердо решил навестить его, как только решится исход экспедиции Олафа. На следующее утро они прибыли в Мостер, а перед рыбацкой деревушкой обнаружили четыре корабля Олафа, прибывшие несколькими днями ранее.

Олаф встретил вернувшуюся Астрид с большим весельем. "Похоже, ты вернулась к своему другу Оли, - смеялся он, - и на этот раз Оли не позволит тебе уйти так скоро!"

Сигурд рассказал ему историю бегства Астрид, и король похвалил ярла за столь мудрый поступок. "Если бы Свейн пришел на нас сейчас, Фэйрхаир, все было бы кончено; а так ты поступил правильно, что увез служанку без проблем, и я от души рад, что ты так поступил".

Олаф остановился в Мостере на два дня, и поскольку он впервые высадился в Норвегии именно там, он выделил место на земле, дал Тангбранду много денег и материалов и оставил его там, чтобы тот построил первую церковь в стране.

После этого Олаф день и ночь плыл на север, когда ветер благоприятствовал ему, следуя за сушей, но держась открытого моря, за пределами островов, которые густо разбросаны вдоль побережья. Когда ветер был встречным, он бросал якорь у самых дальних островов и не касался материка, опасаясь, что ярл Хакон получит известие о его приезде. Наконец, уже под вечер, они достигли Агданесса, у входа в Ферт Трандхейма.

После того как корабли встали на якорь и подняли тенты, король Олаф посетил "Журавля".

"Теперь, Сигурд, - сказал он, - я хочу услышать твой совет. Торир Клакке находится на борту моего корабля, и ты знаешь, как его планы были раскрыты мне моими братьями, которых он пытался подкупить. Так вот, люди ярла Хакона спрятались в лесу вон там и, несомненно, ждут нас; Торир должен вывести меня на берег одного, как бы для того, чтобы обдумать план действий, и там меня убьют. Что же ты предлагаешь делать?"

Поразмыслив, Сигурд ответил: "Мне кажется, Олаф, что было бы уместно позволить предателю попасть в свою собственную ловушку. Высадим сегодня ночью на берег десяток человек, пусть они спрячутся неподалеку, а когда появятся люди Хакона, пусть наши люди нападут на них и обратят в бегство, после чего Торира следует казнить".

"Это хороший план", - ответил король. "Я не хочу лишать жизни, видит Бог, но такие преступники должны быть наказаны, и самое подходящее наказание для этого человека - смерть. Да будет так".

Рано утром следующего дня Сигурд, наблюдавший с "Журавля", увидел, как Торир и король вышли на берег одни. Они шли по берегу, затем Торир поднял перчатку, как бы подавая сигнал. В следующую минуту несколько человек сорвались с деревьев, но когда они это сделали, еще больше людей поднялись из зарослей на берегу и обратили их в бегство. Двое из них упали на Торира, пока король наблюдал за ними, и несчастный ископил свое вероломство жизнью.

После этого Олаф, спустившись к воде, крикнул Сигурду, чтобы тот вышел на берег, что молодой ярл и сделал.

"Пойдем, Фэйрхаир, пройдем вверх и посмотрим, не найдем ли мы ферму, где можно узнать новости о ярле Хаконе. Если он в Трандхейме, мы должны настигнуть его сегодня или самое позднее завтра, ибо эти люди принесут весть о нашем приезде".

Они пошли вверх по холму, оставив своих людей позади, и вскоре подошли к небольшому фермерскому дому, за которым находилось пастбище, где паслись коровы. Подойдя к двери, они увидели внутри старую женщину, и Олаф обратился к ней.

"Добрая госпожа, можно нам выпить свежего молока? Мы двое путешественников и заплатим за все, что возьмем".

"Добро пожаловать, друзья!" - ответила женщина. "Входите, а я принесу молока и хлеба".

Пока ее не было, Олаф и Сигурд вымыли руки у колодца рядом с домом, и, войдя в дом, король взял полотенце, лежавшее на столе, и высушил на нем руки. В этот момент вернулась женщина и выхватила полотенце у него из рук.

"Сразу видно, что тебя не очень хорошо воспитали и мало чему хорошему научили", - гневно воскликнула она. "Разве ты не знаешь, что мочить все полотенце сразу - это расточительство?"

Олаф трезво ответил: "Ну-ну, может быть, я еще поднимусь в мире так высоко, что смогу вытирать руки посреди полотенца!" Сигурд разразился хохотом, но при таком ответе не смог больше сдерживаться, и женщина яростно посмотрела на него.

Они выпили молока, и монета, которую Олаф протянул женщине, несколько успокоила ее. "Скажи мне, - спросил он, - ты знаешь, где сейчас ярл Хакон?"

"Прошлой ночью он скрывался, мне сказал мой сын".

"Скрывается! Что ты имеешь в виду?" - воскликнул король.

"Откуда ты взялся, что ты не знаешь? За последние несколько месяцев Хакон стал настолько жесток и тираничен, что с ним невозможно жить; два дня назад его поборы в Гауладейле заставили бондеров подняться против него под предводительством Орма Лагга. Они отделили ярла от его кораблей и увезли в лес, никто не знает куда. Мой сын сказал мне вчера вечером, перед тем как переправиться через Ферт и присоединиться к бондарям, что они собираются искать его в доме Торы из Римула, великой дамы, родственницы ярлов".

"Хорошо, хорошо!" - сказал король, когда они поспешно вернулись на корабли. "Не думаешь ли ты, что небеса со мной, Фэрхейр? Я прибыл в Норвегию в тот самый момент, когда Хакон подстрекал кабальеров к восстанию; я нашел его отрезанным от своих людей и кораблей, беглецом в лесах, а может быть, и убитым к этому времени! Давайте же поспешим пересечь Ферт и прибыть в Галладейл".

И вот, поспешно выкрикивая новости остальным кораблям, которые поднимались на борт, они повернули через Ферт Трандхейма к округе Гауладейл.

ГЛАВА XXI.

СМЕРТЬ ХАКОНА.

Когда они покинули укрытие бухты и переправились через Ферт, узкий вход в который был всего две или три мили в ширину, у противоположного берега показались три корабля. Олаф направился прямо к ним, ибо это, без сомнения, были корабли Хакона; но когда флоты приблизились друг к другу, три корабля, очевидно приняв корабли Олафа за вражеские, повернули к берегу.

Король бросился вперед и настиг три корабля как раз в тот момент, когда они натолкнулись на песчаную отмель. Их команды выпрыгнули за борт, вброд и вплавь добрались до берега, а прямо перед кораблем Олафа показался большой красивый мужчина, который плыл. Олаф закричал, но тот не обратил на него внимания, и тогда, схватив румпель, король бросился на него. Тяжелый снаряд ударил его по голове, и он утонул.

Тогда люди Олафа, перепрыгнув через борт, погнались за летучими людьми, убивая одних и захватывая других. Как только пленников подняли на борт, король допросил их.

Выяснилось, что человек, которого Олаф зарубил румпелем, был Эрланд, сын ярла Хакона, и что эти корабли идут на помощь ярлу. Кроме того, пленники рассказали, что силы ярла Хакона полностью рассеяны, что кабальеры бунтуют по всей округе и что никто не знает, где скрывается ярл.

Король Олаф тут же высадил часть своих людей с приказом рассказать всем, кто он такой, зачем приехал, и попросить всех бондеров встретиться с ним на следующий день в Гауладейле. Затем пять кораблей направили на восток, вверх по Ферт, и тем же днем король высадился в Гауладейле.

Он застал там большое собрание главных бондеров и вождей восстания против Хакона, и как только они узнали, кто он такой, они встретили его со слезами радости и приветствовали самым сердечным образом. Олаф привел своих вождей, среди которых был и Сигурд, на собрание, и когда все расселись, один из старших вождей крестьян поднялся и обратился к нему.

"Олаф, ярл Эйрик потребует суровой расплаты за это нападение на его отца, Хакона, когда узнает об этом; тем не менее мы решили, что ярл Хакон должен умереть, ибо жизнь его была сплошным злом. Ты же принадлежишь к роду наших старых королей, от Харальда Фэйрхайра до твоего отца Триггве, и от имени этого собрания я прошу тебя стать нашим королем, по крайней мере до тех пор, пока в Трандхейме не состоится народное собрание, чтобы избрать тебя в обычной форме".

Это очень обрадовало людей Олафа, и король принял их предложение. В тот же вечер они отправились вверх по долине в Римул, где жила леди Тора. Бондеры думали, что ярл Хакон скрывается именно здесь, но на некотором расстоянии вверх по долине, у реки, был найден плащ, который признали за плащ ярла Хакона.

"Он погиб в реке!" - кричали многие, и это мнение укрепилось после того, как еще дальше вниз по течению, на песчаной отмели, нашли тело коня Хакона. Но пока все это обсуждали, к Олафу подошел старый бондарь.

"Олаф, - сказал он, - ты хорошо знаешь, как хитер ярл и как искусен он в уловках. Человек с его натурой не унесется по реке, какой бы стремительной она ни была; неужели ты не видишь, что это всего лишь уловка, чтобы заставить нас прекратить поиски и распуститься?"

"Так и есть", - сразу же ответил Сигурд. "Я считаю, что этот человек прав, король".

Другие тоже согласились с этим мнением, и небольшое войско двинулось к Римулу. При свете факелов они тщательно обыскали усадьбу леди Торы, но безрезультатно; тогда король Олаф, стоя на большом камне возле амбара, воскликнул:

"Люди, мы безуспешно искали ярла Хакона; сейчас мы больше ничего не можем сделать. Но знайте, что достойным подарком и платой я награжу того, кто убьет ярла и принесет мне его голову".

С этими словами они покинули усадьбу и направились в Лади, где остановились на ночлег. Это была очень большая ферма и деревня, принадлежавшая норвежским королям, и здесь Олаф устроил временный привал. На следующее утро люди были высажены с кораблей, кабальеро были обложены пошлиной, и по всей стране разнеслась весть о том, что король Олаф, сын короля Триггве, прибыл, чтобы принять власть из рук Хакона, и что в Трандхейме должно немедленно собраться общее собрание народа.

Однако все это было сделано не за один день. Уже на следующий день после полудня, добравшись до Лади, король Олаф получил известие о том, что его спрашивает какой-то человек с большим пакетом. Король Олаф и Сигурд подошли к двери крестьянского дома и увидели недоброжелателя в ошейнике раба.

"Что тебе от меня нужно?" - спросил король.

В ответ тот открыл свой пакет и показал человеческую голову. Сигурд не смог подавить дрожь и отвернулся: голова принадлежала ярлу Хакону Норвежскому.

Олаф тут же созвал своих людей, и раб рассказал свою историю. Он был зубоскалом Хакона, раба, которого, по обычаю, отдали ярлу, когда у того прорезались первые зубы; он бежал с Хаконем от кабатчиков, и леди Тора устроила для них надежное убежище в пещере под свинарником, в том самом дворе, где Олаф назначил награду за голову Хакона.

"Что заставило тебя предать ярла?" - гневно спросил Олаф.

"Главным образом ради награды, которую ты обещал, король, ибо мы отчетливо слышали твой голос. Поэтому я убил его, когда он спал, и принес его голову тебе за обещанную награду".

"Схватите его, люди!" - вскричал Олаф, его глаза пылали гневом, когда он указывал на раба. "Я сдержу обещание, которое дал, и дам тебе достойную награду, и это удержит тех, кто придет после нас, от предательства своих господ! Ты, собака! Ты был слугой злого человека, но он был твоим хозяином и добр к тебе, и ты был связан с ним самыми священными клятвами. Награда твоя будет достойной; выведите его и обезглавьте, люди!"

Когда это было сделано, король Олаф взял голову раба и голову Хакона и, отплыв на остров Нидархольм, который служил местом казни злодеев, повесил обе головы на виселицу. В ту ночь король Олаф собрал своих вождей в фермерском доме в Лади.

"Друзья мои, - сказал он, - ярл Хакон мертв, и я сомневаюсь, что ярл Эйрик осмелится напасть на нас. Скоро состоится общее собрание, и я верю, что люди примут меня за своего короля. Мне кажется, что только с Божьей помощью могущественный Хакон был так легко свергнут; более того, настало время, когда идолопоклонство и языческое поклонение в Норвегии должны уступить место Святой Истине. Вы пришли сюда из Ирландии вместе со мной, и готовы ли вы теперь отдать свои жизни, если понадобится, за распространение Слова Божьего?"

"Да!" - воскликнули все, и после совета было решено, что, как только Олаф будет избран королем, следует предпринять первые шаги, чтобы искоренить поклонение Тору и Одину в великом храме в Трандхейме. Сигурд вспомнил свое приключение с Вагном в том храме, и его охватило волнение при мысли о том, что на месте огромной золотой статуи Тора будет установлен Крест; ведь слова короля воодушевили всех его вождей, и епископ Сигурд тоже произнес длинную речь.

Две или три недели они спокойно прожили в Лади, Астрид поселилась в большом фермерском доме. Делать было нечего, кроме как ждать, пока бонды соберутся на общее собрание, и по этой причине король Олаф тоже выжидал, прежде чем снести большой храм Одину в Лади. Не стоит гневить бондов до избрания; потом, когда он станет законным королем, все будет иначе.

Наконец пришло известие о том, что делегаты Собрания собрались из всех восьми областей Норвегии, и Олаф со своими людьми отправился в Трандхейм, расположенный в верховьях Фёрта. Олаф был почти уверен в своем избрании, поскольку, пока он жил в Лади, его посещало большинство великих людей страны, а его красивый вид и королевская осанка производили очень благоприятное впечатление; кроме того, он был хорошо известен как один из величайших воинов своего времени.

Прибыв в Трандхейм, Олаф, Сигурд, Астрид и остальные члены королевской свиты получили апартаменты во дворце ярла Хакона, а через два утра отправились на Собрание. Здесь собралась огромная толпа со всего Трандхейма, и как только Собрание было созвано,

король Олаф встал на виду у всех, его рыже-золотые волосы развевались на ветру, солнце струилось от его золотых доспехов и алого плаща.

"Всем собравшимся здесь людям известно, что я предложил себя в качестве короля над вами. Вы должны ожидать самого сурового обращения со стороны ярла Эйрика за нападение на его отца, если не получите защиты; с другой стороны, передо мной стоит трудная задача - получить во владение королевство моего отца после столь долгого отсутствия".

Олаф вкратце рассказал о своей жизни и приключениях, начиная с отрочества и заканчивая раскрытием предательства Торира Клакке, его приездом в Норвегию и смертью Хакона, и закончил следующим образом:

"Я верю, что в Норвегии нет человека, который по законному праву и происхождению имел бы столько прав на корону, как я. Но меня должны сделать королем вы, Собрание народа, и если вы это сделаете, я буду защищать вас и править вами в соответствии с древними законами Норвегии".

Рассказ о его изгнании и страданиях сильно взволновал народ, который уже был настроен в его пользу. Когда он сел, половина делегатов вскочила на ноги.

"Скоал! Олаф Триггвесон, скоал! Мы хотим, чтобы ты был нашим королем, и никто другой! Скоал!"

Загремели рога, и Сигурд, стоявший позади Олафа, поднял свой огромный штандарт, развевающийся на ветру. При виде креста люди замолчали, но лишь на мгновение; снова раздался крик, прокатившийся по городу и заливу и эхом отразившийся от холма к холму позади них:

"Скоал королю Олафу! Скоал!"

ГЛАВА XXII.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ТОРУ.

Так Олаф Триггвесон был избран общим собранием королем всей Норвегии, и управление страной было передано ему в соответствии со старыми законами народными чиновниками. Кабальеро поклялись быть верными ему, поддерживать его, пока он завоевывает все королевство, и помогать ему удерживать его; Олаф со своей стороны обещал соблюдать законы и права народа и защищать его от всех захватчиков.

Эти церемонии заняли большую часть дня, и уже на закате Сигурд и Астрид, наблюдавшие за церемонией, вернулись в зал. Несколько дней они ничего не видели об Олафе, потому что он был очень занят с различными вождами, которые стекались под его знамена, собирал людей и рассылал во все концы Норвегии послания с вестью о своем избрании.

Вскоре, однако, пришло известие, что в сборах нет нужды, поскольку ярл Эйрик и его брат Свейн бежали в Швецию, как только пришло известие о смерти их отца. Вся страна покорила правлению Олафа, радуясь тому, что у нее снова есть король из королевской линии правителей, и избавляясь от Хакона, который и по сей день известен как "Хакон Плохой".

Король Олаф жаждал проповедовать Евангелие своему народу, но Сигурд, его тезка епископ и другие вожди считали, что сначала Олаф должен укрепить свою власть в стране, ибо они предвидели, что когда люди узнают, что Олаф намерен отменить старую веру, начнутся волнения и восстания. Король, однако, уступил им лишь частично и, отказавшись жить в Трандхейме, где находился великий храм Тора, начал строить второй город, Нидарос, в нескольких милях от него. Так прошли осень и начало зимы.

Но вот разнеслась весть о том, что Олаф не был последователем старых богов, и по всей стране начались серьезные волнения, ибо бонды отшатнулись от нового короля, когда обнаружили, что он проповедует им новую веру. Однажды пришло известие, что во многих крупных храмах состоялись большие собрания бондеров с жертвоприношениями старым богам, и там бондеры торжественно поклялись, что не позволят Олафу проповедовать в Норвегии "Белого Христа".

Теперь все согласились, что действительно настало время действовать, если только королевство не окажется под угрозой. Сердцем страны был район вокруг Трандхейма, где земля была наиболее густо населена и где находилась столица; Олаф понимал, что если он утвердит здесь христианство, то не пройдет много времени, как вся остальная Норвегия подчинится ему.

С этой целью он созвал еще одно общее собрание во Фросте, недалеко от столицы; но когда послание отправилось в путь, бонды схватили гонцов и подменили их военными стрелами, так что все вожди и великие предводители собрались огромным войском, вооруженные и готовые к войне.

Олаф, приехавший на собрание только с Сигурдом и несколькими людьми, увидел, что попал в ловушку; однако в первый день собрания он примирил собрание, хотя, когда он упомянул Христа, несколько вождей встали и запретили ему говорить в этот день на религиозные темы.

Сигурд видел, что кабальеры находятся в плохом настроении и что искра может разжечь их; поэтому в ту ночь, когда они с королем Олафом сидели в своем шатре, он сказал:

"Олаф, у меня есть план, который, как мне кажется, избавит нас всех от дальнейших неприятностей".

"Тогда, клянусь святым Михаилом, дай мне его!" - воскликнул Олаф, - "ибо я уже вконец измучился, не имея его!"

Так Сигурд долго беседовал с королем в тот вечер. На следующее утро, когда открылось собрание, Олаф встал и после короткой речи сказал:

"Давайте сохраним договор, который мы заключили раньше, чтобы укреплять и поддерживать друг друга. Для этого я буду присутствовать на вашем великом жертвоприношении через две недели в храме в Трандхейме, и после этого мы вместе посоветуемся, какой веры придерживаться, и договоримся придерживаться любой веры, которую мы выберем".

При этих словах бонды разразились радостными криками, думая, что король Олаф уступает, и другие дела, ради которых было созвано собрание, прошли без проблем.

Когда Олаф вернулся в свой новый город Нидарос, несколько человек из Исландии приняли крещение, вскоре после праздника Юлед. Многие торговцы и другие люди, находившиеся в новом городе Нидаросе, остались на всю зиму при дворе Олафа, и большинство из них в конце концов тоже приняли крещение.

Следующие две недели Сигурд и король были заняты доведением плана Сигурда до совершенства. Главным противником христианства среди бондов был Железная Борода, очень могущественный вождь, который также был священником в Моэри, городе неподалеку от Трандхейма. Зимнее жертвоприношение должно было состояться в большом храме в Моэри, и если бы план Сигурда удался, то все сопротивление христианству в округе было бы уничтожено одним ударом.

Всем главным людям бондов были разосланы приглашения на пир, который должен был состояться в Нидаросе за три дня до зимнего жертвоприношения. Были приглашены величайшие вожди и предводители округов Трандхейма, и все согласились, кроме Железной Бороды и еще одного-двух человек.

В назначенное утро приглашенные вожди стекались в город - пешие, конные и даже на лыжах. Многие пришли по льду из-за залива, и к следующему утру новый город был заполнен людьми, поскольку каждый вождь привел с собой отряд. Рано утром Олаф и его двор присутствовали на службе в новой церкви, а все гости отказались посмотреть на службу.

Сразу же после этого Сигурд повел пятьдесят человек в гавань. Там они надели коньки, и молодой ярл повел их в Лади, до которого было всего три мили по льду, хотя по суше - больше.

Сняв коньки, Сигурд и его люди поднялись с берега к храму, стоявшему на холме, и, подняв топор, ударили в дверь. Через пять минут она была выломана, а несколько жрецов, живших неподалеку, беспомощно стояли и смотрели на происходящее.

Вынеся все изображения, Сигурд сложил их в балаган и поджег, чтобы наглядно показать жрецам и бондам, что их боги бессильны. Затем храм лишили ценностей, а само здание сожгли. Когда все это было сделано, Сигурд и его люди сделали крест из двух деревянных брусьев и установили его на снегу над руинами идолов.

This cross he planted over the ruins of the idols.

Этот крест он установил над руинами идов.

Затем, увидев, что бонды быстро собираются, он вышел и обратился к ним:

"Друзья, мы здесь по приказу царя, и вы сегодня увидели, как бессильны ваши боги перед истинным Богом. Как вы знаете, ваши вожди сейчас находятся в Нидаросе; когда они вернутся, они будут уже не язычниками, а христианами".

С этими словами Сигурд и его люди, нагруженные добычей из храма, вернулись в Нидарос. В устье гавани их встретил человек, ибо было уже за полдень.

"Поспеш, ярл! Собрание только что созвали!" - крикнул он Сигурду. "Король Олаф послал меня сюда, чтобы я велел тебе поспешить в зал".

Сигурд поспешил во дворец, велел своим людям ждать во внешних покоях, пока не протрубит рог. Затем он направился в зал и вошел туда как раз в тот момент, когда король открыл собрание.

"Вожди и бонды, - сказал Олаф, сурово оглядывая двух десятков великих вождей, сидевших под его высоким креслом, - я не забываю, что вы выбрали меня своим королем и дали мне это королевство Норвегию; но около двух недель назад я созвал общее собрание народа, и там вы и другие отказались слушать мою проповедь Евангелия Христова, и только обещание присутствовать на зимнем жертвоприношении помогло мне избежать увечий от ваших рук.

"Теперь вам и всем людям известно, что я во многих местах посрамил ложных богов, сжег их изображения и храмы, а вместо них воздвиг Крест истинного Бога. Но я помню о клятве, которую дал вам на том Собрании, и потому предлагаю принести вашим богам самую большую и высокую жертву, какую только может принести человек, а именно - человеческую жизнь".

По залу пронесся ропот радости, когда Олаф сделал паузу. По большим праздникам норманны приносили в жертву несколько рабов или преступников, приговоренных к смерти. При следующих словах Олафа радостный ропот прекратился.

"Я не верю, что рабы или преступники должны приноситься в жертву богам; вместо этого они должны наслаждаться кровью благородных людей, великих вождей, могущественных бондов. Раз уж ты отказался освободить меня от клятвы, я предлагаю принести в жертву именно таких людей, ибо мы должны сделать все возможное, чтобы умиротворить богов, дабы они благоволили нам. Я прав?"

Когда король снова сделал паузу, поднялся неуверенный ропот согласия, и люди, не совсем понимая смысл слов Олафа, устремили свои взоры на короля, который стоял, красивый и прямой, у своего трона.

"Поэтому, - продолжал он, - я принесу вашим богам величайшую жертву, которую когда-либо знала Норвегия. Вы должны жаждать получить от них награду за вашу службу и прошлые жертвы, и для этой жертвы я выберу тебя, Орм Лагг, тебя, Асбиорн из Орнесса, тебя, Стиркар из Гимса, тебя, Кар из Грютинга, и принесу вас в жертву на высоком алтаре Тора в Трандейме. А после этого я выберу из вас еще шестерых, самых высоких и достойных людей этой округи, и они тоже будут принесены в жертву, чтобы боги послали нам плодотворные времена года и мир".

ГЛАВА XXIII.

КАК КРЕСТИЛИСЬ ВОЖДИ.

На мгновение вожди уставились на короля, недоверчивые и изумленные. Затем, уловив смысл его ироничной речи, четверо названных им людей вскочили на ноги, и все подняли гневный рев. Поднятая рука Олафа остановила ропот.

"Постойте! Вы не выглядите столь жаждущими общения с вашими богами; может быть, вы сомневаетесь в их силе спасти вас? Если это действительно так и вы хотите освободить меня от клятвы, я буду рад, если вы все креститесь и уверуете в могущественного, кроткого и доброго Бога, которому служу я и мои люди".

При этих словах Сигурд затрубил в свой рог, и двери в боковой части зала распахнулись. Его люди внесли добычу из храма Лади и положили ее к ногам Олафа, а другие вооруженные люди молча вошли в зал.

"Вот, - воскликнул Олаф, указывая на храмовую утварь и атрибуты, - вы видите, как бессильны ваши боги спасти свое имущество! Подумайте об этом, а мои люди посторожат двери; я вернусь через несколько минут".

С этими словами он вышел из зала, за ним последовал Сигурд. За дверью он радостно схватил мальчика за руку и уже собирался заговорить, как вдруг до их ушей донесся возмущенный голос:

"Что это за сказки я слышу, король Олаф?"

Подняв глаза, они увидели перед собой старого английского епископа Сигурда, облаченного в свои одеяния. Его лицо было суровым и холодным, когда Олаф поклонился ему.

"Правдива ли эта история? Что ты держишь вождей Трандхейма в большом зале, предлагая им на выбор крещение или смерть? Отвечай!"

Пораженный, король взглянул на епископа, а через мгновение его глаза опустились.

"Да, епископ, это правда, конечно! Что вы имеете в виду?"

Глаза старика вспыхнули. "Вы думаете, что таким образом можно распространять Евангелие Христа? Крещение - это то, что можно навязать людям, или то, что они должны выбрать добровольно? Лучше потерять это твое королевство и снова бежать за океан, чем поступить так, Олаф Триггвесон!"

На это мальчик произнес. "Епископ, это моя вина, ибо я предложил этот план; но почему он так плох? Разве вожди не заманили Олафа в ловушку неделю или две назад?"

Епископ Сигурд повернулся к нему. "Что с того? Делай что хочешь с телами этих людей, Олаф, но не принуждай их души! Пусть они придут к Христу добровольно". Его голос смягчился. "Я знаю, что вы оба слишком усердны; но поверьте мне, король и ярл, это не христианство. Христос сказал: "Придите ко Мне"; думаете, он хотел бы, чтобы к нему пригнали людей с кнутами и мечами, которые умерли, чтобы спасти людей?"

Олаф склонил голову, а Сигурд упал на колени. "Простите, епископ! Я не думал об этом так; теперь я вижу, как это было неправильно!"

Епископ положил руку на голову Сигурда. "А ты, Олаф? Разве ты не видишь, что я прав? Неужели тебя должен вести этот мальчишка?"

Олаф, устремив на старика пристальный взгляд, медленно кивнул. "Я вижу, епископ, и я подчинюсь вашей невысказанной мысли".

Он медленно повернулся, и Сигурд последовал за ним к двери большого зала. Когда они вошли, в зале воцарилась тишина, и Олаф отрывисто приказал своим людям покинуть здание и молча ждал, пока они выйдут.

Затем, взойдя на высокое кресло, он с горечью произнес:

"Вожди, я пришел к вам, проповедуя Слово Божье, Евангелие мира и спасения, но мои собственные поступки были как у язычника и даже хуже. Неудивительно, что вы отказались принять мою веру! Слишком поздно я понял, что поступил с вами плохо; теперь я готов исправить свои недостатки и поступать как истинный христианин. Идите с миром; те из вас, кто хочет принять христианство, будут приняты с радостью. Если же вы хотите, чтобы вами правил языческий царь, я вернусь туда, откуда пришел, и не принесу в эту страну ни огня, ни меча".

Вожди в изумлении смотрели на короля, и Орм Лагг, один из самых великих, произнес:

"Правда ли это, король? Свободны ли мы идти в свои дома?"

"Да", - ответил Олаф, его брови покрылись румянцем. "Я показал себя плохим христианином, друзья, но простите меня за это время; идите, и какова будет ваша воля, я ее выполню".

Один за другим, молчаливые, недоверчивые, вожди покидали зал, и только Сигурд остался с королем. Тогда мальчик, схватив Олафа за руку, заплакал со слезами на глазах:

"Олаф, мы были неправы, но как же ты должен страдать! Неужели ты вернешься в Ирландию, если вожди откажутся принять Евангелие?"

"Да, друг мой", - и тон Олафа стал очень низким и мягким. "В ту минуту добрый епископ показал мне больше, чем я могу тебе рассказать. Я был горд, Сигурд, и гордость моя разбита; Молот Тора не сравнится с Крестом Христовым. Я думал использовать Крест как оружие, как Тор использует свой Молот; но Крест - это символ не гордости и силы, а мягкости, жалости, смирения. Да, мой..."

Внезапно двери распахнулись, и, к изумлению короля, вошли вожди. Их лица теперь сильно изменились; свирепость, сопротивление, казалось, уступили место каким-то новым эмоциям.

"Король Олаф, - сказал представитель Орм, - мы нашли все так, как ты сказал; дворец не охраняется, улицы чисты. О, король, мне трудно говорить, но, может быть, ты поймешь! Слушайте.

"Мы, рабы, по правде говоря, противились твоей вере, потому что, как ты только что сказал, ты проповедовал нам одно, а поступал иначе. Мы сопротивлялись не потому, что любили старых богов, а потому, что не могли понять, чем Белый Христос лучше".

Орм сделал паузу, устремив взгляд на короля. "Но сегодня, король Олаф, ты показал нам новое. Мы знаем тебя не так давно, но нашли в тебе сильного человека, гордого, привыкшего управлять чужими волями, и за это мы порадовались достойному королю. Сегодня же, Олаф, мы убедились, что есть нечто, что сильнее их, что способно преодолеть всю твою силу, гордость и даже волю; и потому мы свободно принимаем из твоих рук Крест Христов".

Какое-то мгновение Олаф смотрел на окружавших его людей, не в силах говорить. Затем, когда слезы потекли по его щекам, он сжал их руки, одну за другой, и сказал:

"Друзья мои, это победа там, где я считал себя побежденным. Я не могу сказать вам, что она значит для меня, но думаю, что никто из нас не забудет этот день. Мы с ярлом Сигурдом сегодня получили урок от вас и от самих себя; молитесь Богу, чтобы нам никогда не пришлось учить его заново!"

Затем Сигурд вызвал епископа, рассказал ему о том, что произошло в пути, и без промедления вожди вместе со своими людьми приняли крещение в новой церкви Олафа. В тот вечер Олаф и Сигурд сидели в покоях Астрид и допоздна обсуждали события дня.

Король Олаф отдал Астрид часть конфискованных владений ярла Хакона в качестве компенсации за те, которыми она владела в Вендланде, чтобы она могла жить так, как подобает ее достоинству; кроме того, он сделал себя ее подопечным, хотя и со смехом заявил, что рискнет принудить ее выйти замуж против ее воли. Он также пообещал дать Сигурду графство, как только тот наведет в стране хоть какой-то порядок.

"Каковы теперь ваши планы, милорд?" - спросила девушка в тот же вечер. Олаф покачал головой.

"Поистине, Астрид, я не знаю. Практически все вожди из округа Трандхейма приняли сегодня крещение, и я думаю, что связь, установившаяся между нами, никогда не будет разорвана. Один только Железная Борода держится; я твердо намерен навестить его сразу же, во время зимних жертвоприношений, и попытаться склонить на свою сторону. Завтра, Сигурд, мы отправимся в Трандхейм и разрушим там великий храм".

Минуту Сигурд смотрел на Олафа, затем тот улыбнулся. "Нет, Сигурд, я усвоил урок. Ни там, ни на зимнем жертвоприношении не будет кровопролития, если я смогу помочь. Но величайшие вожди уже крестились; теперь необходимо, чтобы Железная Борода был вынужден либо принять мое правление, либо покинуть страну".

И вот, не встретив ни малейшего сопротивления, Олаф и Сигурд на следующий же день сожгли старый храм бога войны. Многие из вождей, недавно принявших крещение, показали свою искренность, присоединившись к Олафу или послав ему на помощь людей; идола были вынесены перед всем народом и сожжены. Сигурд очень хотел, чтобы Вагн был там, так как помнил их приключение с ярлом Хаконем; но его двоюродный брат был далеко на юге.

К полудню работа была закончена, и отряд вернулся в Нидарос. Внезапное обращение их величайших вождей, похоже, деморализовало бондеров, так как больше не раздавалось угроз в адрес Олафа, а наоборот, многие из них пришли в Нидарос и были крещены добрым епископом.

На следующий день после разрушения храма в Трандхейме Олаф собрался отправиться в Моэри, где проходило зимнее жертвоприношение. Взяв всех своих людей, он отправился вверх по Трандхеймскому лиману на своих самых больших кораблях и прибыл в Моэри в день жертвоприношения.

Король отправил Сигурда на берег, потребовав, чтобы народ сначала провел собрание. Фейрхейр нашел великое множество людей, собравшихся со всей округи, среди которых присутствовали Железная Борода и его люди. Они сразу же согласились с требованием Олафа, король высадился на берег со своими людьми, и собрание было созвано на равнине перед храмом.

Когда шум и разговоры по поводу открытия утихли, Олаф встал со своего места и рассказал бондам о том, что произошло в его зале в Нидаросе, поведал им, что он понял свою ошибку и больше не будет пытаться навязать им религию, которой они не хотят.

Сигурд заметил, как изменились лица стоявших перед ним бондов, они переглянулись между собой и начали перешептываться. В этот момент Железная Борода вскочил на ноги - огромный мужчина в одеяниях жреца Тора и с железно-седой бородой, которая вздымалась над его грудью. Он поднял руку и заговорил, медленно и с большим достоинством.

ГЛАВА XXIV.

ИСКУПЛЕНИЕ ОЛАФА.

"Король Олаф, - раздался глубокий голос священника, - мы не желаем, чтобы ты нарушал нашу религию. Мы все желаем, чтобы ты принес жертву, как это делали другие короли до тебя, и даже как это делал ярл Хакон. Когда король Хакон, приемный сын короля Англии Ательстана, пожелал провозгласить Белого Христа, он нашел, что бонды слишком сильны для него, и уступил старой вере. Единственный правильный план для тебя - поступить так же, ибо наши взгляды не изменились с того Собрания, на котором ты обещал посетить этот храм в это время".

Железная Борода сел, и его речь была встречена громкими аплодисментами сидевших вокруг бондеров и огромной толпы без них. Олаф покраснел от гордых требований вождя, но, взяв себя в руки, поднялся.

"Друзья мои, я обещал посетить ваш храм и сделаю это сейчас, перед жертвоприношениями. Собрание закрыто".

С этими словами он подозвал Сигурда и, сопровождаемый своими людьми, отложившими оружие, направился к дверям храма. Олаф держал в руке тяжелый посох из дерева с золотой оправой, и когда они вошли, он сказал Сигурду:

"Ярл, поступай так же, как я, и действуй быстро".

Внутри они увидели множество изображений вокруг храма, а почетное место занимал большой идол, обильно украшенный золотом и серебром. Теперь храм был полон людей Олафа, а Железная Борода и бонды стояли в дверях и наблюдали за ним.

Без лишних слов король подошел к большому идолу и, подняв свой тяжелый посох, ударил по нему. Идол опрокинулся, упал на каменный пол и раскололся на две части. В тот же миг Сигурд и его люди бросились к остальным изображениям и смахнули их с постаментов.

Бонды разразились громким криком ужаса, и Железная Борода, схватив копье, нацелил его, собираясь метнуть в короля. В этот момент один из людей Олафа, находившийся снаружи, пронзил его стрелой, и он упал у порога храма.

Бонды в ужасе отпрянули назад, а король гневно обернулся.

"Кто выпустил эту стрелу?" - крикнул он. Человек, который это сделал, шагнул к двери.

Это был я, король Олаф, и я сделал это, чтобы спасти твою жизнь". Железная Борода направил на тебя копье - видишь, оно даже сейчас у него в руке!"

Олаф посмотрел на павшего вождя и увидел, что тот говорит искренне. "Прикажи созвать собрание, - сказал он Сигурду. "Прикажи им не бояться".

Когда люди снова заняли свои места, Олаф вышел из храма и обратился к ним со ступеней:

"Друзья и бонды, я пришел сюда не для того, чтобы проливать кровь, и я горько скорблю о том, что Железная Борода сам навлек на себя свою участь. Как я уже говорил вам некоторое время назад, я не заставлю никого оставить свою веру; я понял всю пагубность этого поступка. Но несколько дней назад другие ваши вожди, некоторые из которых стоят рядом со мной, приняли из моих рук Крест Христов, и теперь я предлагаю его и вам.

"Вы видели, как пали и разбились ваши боги. Где их сила, думаете вы? Истинный Бог защитил меня, привел в это королевство и отдал его в мои руки без борьбы, и хотите вы того или нет, его вера восторжествует в Норвегии еще много лет спустя".

Король сделал паузу, и один из бондов встал, чтобы ответить.

"О, король, твои слова сегодня были приятны для нашего слуха, и мы легко поняли, что в твоём сердце правда и справедливость. Мы также видим, что боги мертвы и не имеют власти перед Крестом Белого Христа. Но, король Олаф, убийство Железной Бороды было злым делом, хотел ты того или нет, и прежде чем говорить об этом дальше, мы хотели бы знать, накажешь ли ты его убийцу".

Бондер сел под слабый ропот аплодисментов, а собрание устремило свои взоры на Олафа. Некоторое время король сидел молча, и было видно, что он борется с самим собой; затем его лицо прояснилось.

"Народ мой, я не стану наказывать этого человека, ибо он спас мне жизнь. Подождите! Я еще не закончил. Есть ли здесь родственники Железной Бороды?"

Двое мужчин встали. "Мы его дальние родственники, о, король, но он не оставил никого, кто бы оплакивал его, кроме единственной дочери".

Король Олаф снял свой шлем. "Народ мой, это законное собрание, способное выносить приговоры и наказывать преступников, имеющее право назначать наказания за проступки. Я назначаю вас, двух бондов, судьями и принимаю на свою голову кровь Железной Бороды. Все, что вы сочтете нужным, я соглашусь принять в качестве компенсации за его смерть. Требуете ли вы мою жизнь, или изгнание, или денежную компенсацию - все это я дам, и вы не должны бояться наказания от моих людей".

При этих словах в зале воцарилась тишина, а Сигурд смотрел на Олафа с любовью и восхищением. Воистину, старый епископ Сигурд говорил не напрасно! Из уст в уста переходил ропот благодарности за щедрое предложение Олафа, и вскоре оба родственника Железной Бороды, посоветовавшись, встали.

"Король Олаф, этими своими словами ты действительно посрамил нас, которые пришли на это собрание с оружием и с войной в сердце. Это новое явление в Норвегии, что ее короли должны предлагать себя по законам, как простые люди; и все же нам не кажется несправедливым, что вы так поступаете. Законы гласят, что за пролитие крови родственники

убитого могут потребовать жизнь убитого, или же они могут потребовать откуп в виде земель или имущества. Так вот, король Олаф, у Железной Бороды не осталось семьи, кроме дочери, которая не испытывает недостатка в богатстве и происходит из хорошей семьи. Поэтому мы, ее родственники, возлагаем на вас этот приговор: пусть она станет вашей законной женой и одарит ее землями, подобающими ее положению королевы".

Люди короля закричали в знак протеста, даже Сигурд выглядел несколько растерянным, ведь король думал жениться на одной из дочерей шведского короля, чтобы заключить союз между двумя народами. Однако Олаф жестом пресек ропот и ответил бондарям:

"Друзья мои, это законный приговор, и я принимаю его с доброй волей. Я буду ждать от вас двоих, чтобы вы позаботились о том, чтобы служанка была отправлена в Нидарос до Пасхи, и тогда я женюсь на ней и сделаю ее королевой этой земли. Это самое малое, что я могу сделать, после того как мои люди убили ее отца и оставили ее одну в этом мире. Если же этот план не встретит ее согласия, я буду ждать от тебя другого наказания, которое я исполню самым верным образом, и в этом я клянусь на Кресте".

Олаф сел под крики одобрения и радости кабальеро, и сразу же дюжина мужчин поднялась, чтобы выступить. Назначив одного из них глашатаем, он обратился к королю.

"Мой господин, когда я покидал дом, у меня было твердое намерение сопротивляться вашей вере до последней капли моей крови; но теперь я с гордостью принимаю крещение из ваших рук и заново клянусь вам в верности".

Олаф вздрогнул от неожиданности, и один за другим остальные бонды поднялись и заявили о своем намерении принять крещение. Тогда Олаф послал за епископом Сигурдом, которого он оставил на кораблях, опасаясь, что Железная Борода может напасть на него, и обратился к бондам.

"Люди мои, ничто из того, что вы можете сделать, не доставит мне большего удовольствия, чем этот поступок. Мое сердце желает, чтобы эта норвежская земля стала христианской, и как только вы и другие вожди Трандхейма и окрестных районов примут крещение, мы не встретим особого сопротивления со стороны остальных земель. В залог вашей искренности я прошу вас завершить разрушение этого вашего храма старым богам, а на его месте я за свой счет возведу церковь истинному Богу".

С криками и бряцанием оружия рабы вскочили на ноги, не раздумывая ни секунды. Они побежали в храм, вынесли разбитые изображения и сложили их на снегу, а другие разобрали храм на части и подожгли его. В тот момент, когда груда идолов вспыхнула, с кораблей прибыл старый епископ Сигурд.

Ему рассказали всю историю по пути на холм, и он молча, но сердечно взял Олафа за руку, когда король встретил его. Сразу же началось крещение, Сигурд и остальные люди короля приняли участие в службе и стали крестными отцами новообращенных.

Когда все было закончено, вторая половина дня почти закончилась, и, договорившись с вождями народа о строительстве церкви, о погребении Железной Бороды и об отправке его дочери Гудрун в Нидарос на Пасху, люди Олафа сошли на берег, а король отплыл обратно по Фёрту в Нидарос.

За несколько дней до этого Ферт открылся, поскольку, хотя это была еще зима, погода немного потеплела, и от Мозри до открытого моря был проложен канал. Когда вечером флот

вошел в гавань, он увидел, что город освещен факелами, а в гавани стоят несколько недавно прибывших кораблей, или, скорее, катеров, поскольку они были невелики.

"Интересно, что это значит?" - спросил король, когда они зашли на якорную стоянку. "Когда мы вчера покидали город, у меня не было никаких вестей о гостях, и странно, что город весь в огнях!"

Не успели корабли встать на якорь, как Олаф и Сигурд прыгнули в маленькую лодку и поплыли к берегу. Их корабли были замечены, потому что по обе стороны гавани горели большие костры, и все было видно, и толпа людей встречала их, когда они высаживались на берег.

"Что это за волнение?" - спросил король, удивленно оглядываясь по сторонам.

Ему ответили сбивчивым говором. "Сюда, по одному!" - крикнул Олаф, и один из мужчин шагнул к нему.

"Мы были изгнаны из дома, мой господин король, и пришли с севера. Там два вождя, Рауд Сильный и Тори Харт, восстали против Белого Христа, собрали флот и плывут против вас. Они готовятся восстановить храмы Тора и Одина и сжечь построенные вами церкви; мы, христиане, едва спаслись, спасаясь в наших маленьких лодках. Через несколько дней язычники войдут в Ферт, если только вы не встретите их первыми!"

ГЛАВА XXV.

ПОЕДИНОК БОРЦОВ.

Олаф сразу же отправился в большой зал, и там беглецы предстали перед ним и рассказали свою историю. Два северных вождя, воспользовавшись необычайно теплой погодой, собрали флот и поплыли к побережью, думая настигнуть короля так же, как он настиг ярла Хакона.

Олаф быстро посоветовался с Сигурдом, епископом и другими своими вождями, и они решили, что нельзя терять ни минуты. Если король отправится в путь этой ночью и выйдет из Ферт, то к утру он достигнет входа и сможет поджидать языческий флот там.

Король согласился с этим планом и тут же послал своим людям весточку, чтобы они возвращались на корабли. Теперь вожди Трандхейма доказали свою преданность, отказавшись возвращаться в свои дома.

"Нет, король, - сказали они, - ты поступил с нами честно и благородно, и мы это понимаем. Мы и наши люди пригодимся, если дело дойдет до битвы, и враг, увидев нас, может пасть духом, ибо, очевидно, он рассчитывает на то, что наши силы присоединятся к нему. Поэтому установите наши штандарты на ваших кораблях, и мы с радостью будем сопровождать вас".

Король обрадовался такому решению, ведь с этими людьми было несколько сотен воинов, собравшихся на собрание в Моэри. Так что через несколько часов Олаф и Сигурд снова

покинули Нидарос с дюжиной кораблей, а еще больше - как только их выведут из зимних сухих доков.

Всю ночь корабли гребли вниз по Фёрту, а Олаф и Сигурд отдыхали. День был ужасно тяжелым для обоих, и они были рады выспаться перед встречей с наступающими врагами.

Неделя теплой погоды показалась всем мужчинам чудесной, и немногие приписывали ее благосклонности небес к Олафу. Юбилей едва миновал, и хотя никто не ожидал, что теплая погода продержится долго, мало кто из старейших людей мог припомнить зиму, когда бы лиман Трандхейма оставался открытым или открывался раньше апреля.

К утру они оказались у мыса Агданесс, где был казнен предатель Торкель. Король приказал причалить к этому месту, чтобы дожидаться шести других кораблей, следовавших из Нидароса. Весь день они ждали, не видя мятежников. Два или три небольших корабля с беглецами причалили к берегу и сообщили Олафу, что Рауд и Тори находятся всего в пятнадцати милях к северу, что они высадились в Тексдейле и созывают к себе людей со всей страны.

Тем же днем из Нидароса прибыло подкрепление, и король собрал совет на своем корабле "Журавль".

"Прежде всего, - сказал он, - я решил, что, если этого можно избежать, не должно быть кровопролития в этом деле. А теперь позвольте мне посоветоваться с вами, как нам поступить, чтобы склонить на свою сторону этих мятежников, если это возможно".

Сигурд заговорил первым. "Может быть, вы не заметили, король Олаф, но старый Биорн, мой синоптик, считает, что сегодня ночью наступит сильный мороз. Эта теплая погода вовсе не была естественной; даже сегодня днем солнце стало несколько холоднее.

"Если мороз и вернется сегодня ночью, он не будет легким, и Биорн говорит, что Ферт снова будет закрыт для нас. В этом случае, как мне кажется, любые корабли, стоящие у берега, быстро замерзнут, особенно если они находятся в такой узкой бухте, как у Тексдейла. Я думаю, что Рауд и Тори не станут обращать внимания на свои корабли, небрежно вытащат их на берег или, возможно, поставят на якорь неподалеку; и если так случится, и мы внезапно настигнем их, они, вероятно, будут настолько удручены потерей своих кораблей и тем, что остались так далеко от дома без средств к отступлению, что сдадутся".

Король и остальные разразились возгласами восторга. "Вот оно, решение проблемы!" - воскликнул Олаф. "Но это зависит от того, наступят ли морозы или нет. В любом случае мы покинем землю, чтобы не замерзнуть самим".

Вожди разошлись по своим судам, и все отплыли на две-три мили в море, где их тихо покачивало. На закате епископ Сигурд, находившийся на борту "Журавля", провел торжественную службу, во время которой вознес торжественную молитву о том, чтобы Бог благоволил их предприятию; когда мужчины на всех кораблях присоединились к ответным словам, Сигурду Фэйрхейру показалось, что никогда еще он не был свидетелем более впечатляющего зрелища, чем это. Восемнадцать кораблей, переполненных людьми, большая часть которых всего несколько дней назад поклонялась идолам, лежали вместе в лучах заходящего солнца, а с них доносилась благочестивая и искренняя молитва Белому Христу.

Не успело солнце сесть и на океан опуститься тьма, как наступила лютая холодная ночь. Многие из мужчин, не ожидая этого, сняли с себя меха и плащи, так что остальные

разделили свои между всеми. На некоторых кораблях лежали тюки с товарами, и по приказу короля их открыли при свете факелов и снабдили ими всех, у кого не было плащей.

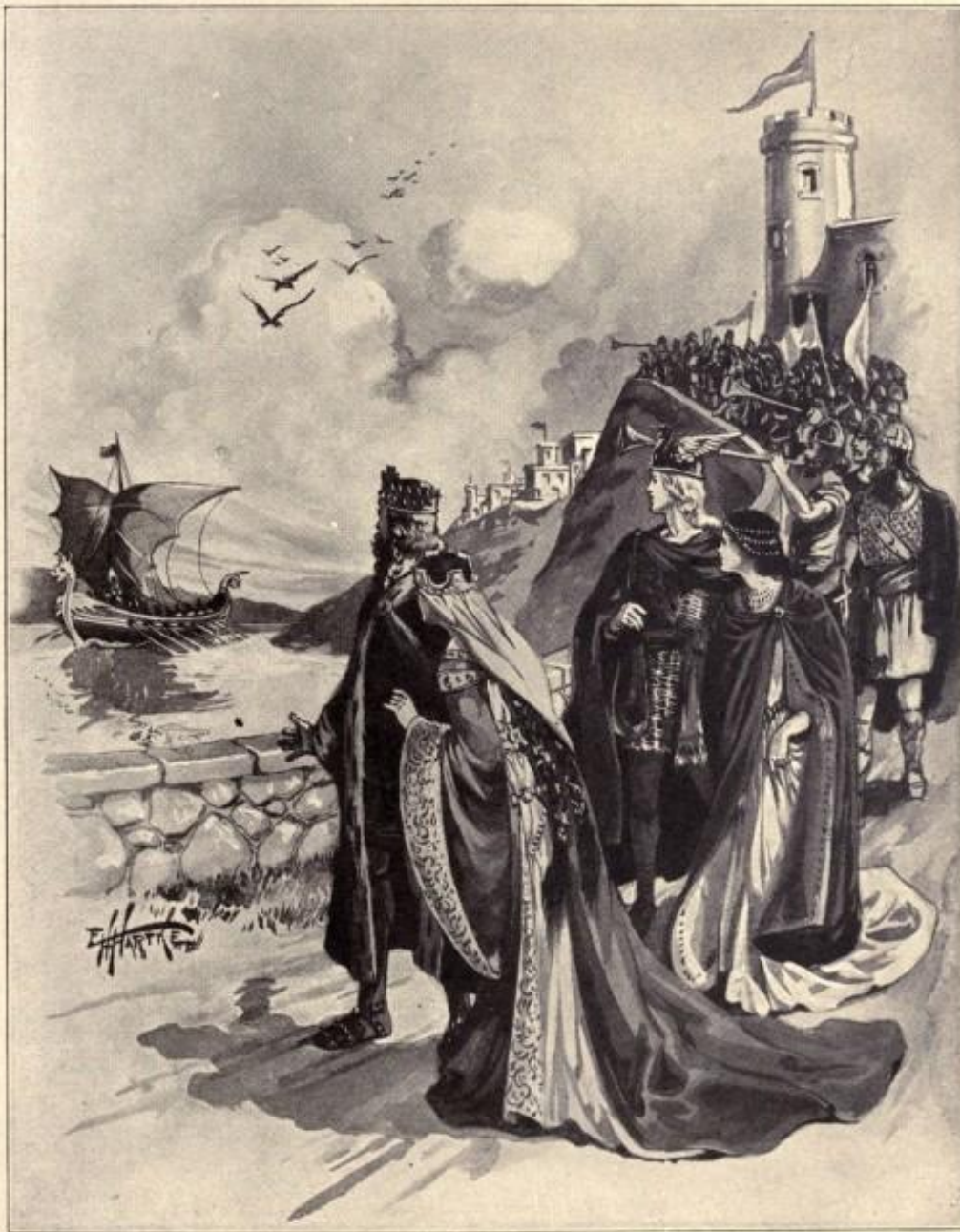
К полуночи стало ясно, что сильный холод закроет Ферт и, как предвидел Сигурд, сделает врага беспомощным. Под крики ликования всех людей носы повернули на север, и корабли быстро поплыли к Тексдейлу, ибо не было ни дуновения ветра, и с каждой минутой холод, казалось, усиливался.

С восходом солнца лоцманы объявили, что они недалеко от цели, и через час они обогнули острова за заливом Тексдейл. Но тут их остановила образовавшаяся за ночь рваная линия льда толщиной почти в фут.

В спешке, поскольку они еще не обогнули мыс и не вошли в бухту, экипажи высадились на берег, оставив на кораблях людей для обеспечения безопасности. Под руководством людей, знающих побережье, они перебрались через мыс, а там перед ними лежала армия бунтовщиков, их флот был скован ледяными путами вдоль берега!

"Идемте, - воскликнул Олаф, обращаясь к ближайшим вождям, - мы не должны терять времени, ибо, видите, они вырезают корабли изо льда!"

И вот, возглавив движение, он перемахнул через прибрежные скалы, и когда первые крики тревоги донеслись до языческого войска, Олаф с частью своих людей встал между ними и их кораблями, а из-за холма высыпали остальные силы.

Olaf and his men stood between them and their ships.

Олаф и его люди стояли между ними и их кораблями.

Лагерь мятежников кипел и бурлил людьми, но, видя, что Олаф не предпринимает никаких попыток напасть на них, их поспешность несколько поутихла, и через несколько минут из шатров вышли два хорошо одетых вождя и с дюжиной людей подошли к королю.

"Безопасно ли нам идти, король Олаф?" - крикнул один из них.

"Не бойтесь, - ответил Олаф, - идите с миром".

Когда они приблизились, знавшие их люди шепнули королю, что это Рауд Сильный и Тори Харт. Оба были высокого роста, великолепно сложены, с сильными, энергичными чертами лица. Они остановились в дюжине шагов от короля.

"Судя по твоему виду, ты - Олаф Триггвесон", - сказал один из них. "Я - Рауд Сильный, а это - Тори Харт. Ты пришел с миром или с войной, о, король?"

По лицам людей Олафа пробежала улыбка, а сам он невольно рассмеялся.

"Странный вопрос, Рауд, когда ты напал на мой народ и объявил о своем намерении изгнать меня с этой земли!"

Двое других покраснели, а лицо Рауда потемнело. "Ты поймал меня, - гневно воскликнул он, - по вине Ледяного короля, где мои люди не могут защитить себя, и я вижу, что у тебя гораздо больше воинов, чем я ожидал; но ты не найдешь меня последним, кто скрестит с тобой мечи, Олаф!"

"Погоди, Рауд, - ответил Олаф, - я не собираюсь нападать на тебя. Видите, ваши корабли у меня вон там, у меня гораздо больше сил, чем у вас, и все же, если вы не уступите мне добровольно, вы уйдете с миром в свои дома, при условии только, что вы откажетесь от восстания против моего правления".

"Почему, - удивленно воскликнул Тори Харт, - мы думали, что ты выбираешь для своих подданных крест или меч! Неужели вы хотите сказать, что нас не заставят креститься?"

Олаф печально улыбнулся. "Не заставят, Тори. Все вожди в округах Трандхейма приняли крещение, но добровольно, о чем могут свидетельствовать те, кто находится здесь со мной. Итак, каково твое решение?"

С минуту они шептались, пока наконец Рауд не заговорил, подойдя к королю.

"Ты справедливо победил нас, король Олаф, и мы благодарны тебе за наши жизни. Но я не готов принять твою веру. Я - великий жрец Тора на севере, а ты, похоже, чемпион Белого Христа, поэтому я предлагаю, чтобы мы с тобой помолились нашим богам, а после этого устроили борцовский поединок. Победитель, тот, кто первым повергнет другого на землю, одарит своей верой всех мужчин проигравшего. Мы с Тори согласны на это, если и ты согласишься".

Олаф, не раздумывая, ответил: "Я приму испытание здесь и сейчас, уповая на милость Всемогущего Бога, что он укрепит мою руку против твоей силы и силы твоих ложных богов!"

"Но я поставлю одно условие, Рауд: тот, кто проиграет этот поединок, лишится вместе с ним и жизни!"

Викинг с радостью согласился, а затем вернулся в свой лагерь. Прибыли все люди короля Олафа, и, когда весть о вызове прошла по войску, не раз появлялись скрытые улыбки, ибо уже говорили, что Олаф - самый сильный человек во всей земле.

Было так холодно, что развели большой костер, и на одной стороне очищенного от снега пространства, отведенного для поединка, собрались люди Олафа; на другой стороне стояли язычники, последователи Рауда, полные уверенности в своем вожде, ибо он был очень силен, откуда и его имя, и искусен в борьбе.

Выйдя на открытое пространство между двумя армиями, Олаф и Рауд сбросили шлемы и доспехи и схватились друг с другом.

ГЛАВА XXVI.

КРЕСТ И МОЛОТ.

Сердце Сигурда сжалось, когда он увидел могучие мышцы и мощные конечности язычника; но он взглянул на Олафа, и хотя мышцы последнего были не так велики, он понял, что в них заключена страшная сила.

Сначала противники осторожно пробовали друг друга, затем, постепенно разогревшись, Рауд предпринял страшные попытки бросить Олафа, но тот сопротивлялся всем попыткам, казалось, без усилий. Теперь стала видна разница в жизни этих двух людей: в то время как Рауд быстро выбился из сил, покраснелся и устал, король Олаф выглядел таким же свежим, как и в начале поединка, благодаря своему размеренному образу жизни.

Когда викинг ослабел, Олаф внезапно схватил его за бедро в незащищенный момент и движением рук перебросил через голову. Под крики своих людей и стон ужаса Рауда тот упал на землю, а Олаф вскочил на ноги.

Когда упавший поднялся на ноги, король схватил его за руку и помог ему. "Ты победил честно, Олаф, - задыхался Рауд, глядя удивленными глазами на своего противника, - и моя жизнь твоя".

"Нет, - любезно сказал король, вручая викингу его одежду, - я не ищу чужой крови, Рауд. Все, чего я прошу, - это служить мне верой и правдой, и ты получишь те же земли, что были у Хакона".

Сразу же по суше в Нидарос были отправлены гонцы с известием об исходе конфликта; затем, после того как Рауд, Тори и его люди приняли крещение, ибо они добровольно согласились на это условие, Олаф снова посадил своих людей на корабль, и они вернулись на юг.

Ферт, конечно, снова был закрыт, поэтому корабли были отведены на зиму к берегу, и вожди кабальеров ушли от короля в свои дома, а он со своими людьми двинулся дальше через покрытые снегом холмы. В Лади они перешли по льду в Нидарос и были приняты с большой радостью.

На Пасху епископ Сигурд торжественно обвенчал короля Олафа и Гудрун, дочь Железной Бороды, и в то же время Сигурд Фэйрхейр и Астрид поженились. Свадьба не стала ни для кого неожиданностью, ведь весь двор знал историю их приключений и уже давно решил, что рано или поздно эти двое поженятся.

Пасха в этом году пришлась на конец апреля, и Ферт был открыт уже некоторое время. Когда процессия вышла из церкви и направилась по улицам Нидароса к большому залу, в гавань вошел удивительный корабль. Нос корабля заканчивался головой дракона, а корма - змеями и хвостом дракона; и нос, и корма были позолочены и храбро сияли в утреннего солнца. Поднятый парус изображал крылья дракона, а сверкающие лопасти весла - ноги чудовища.

Все закричали от изумления, но король с улыбкой повернулся к Сигурду.

"Этот корабль я строил в тайне, и это мой свадебный подарок моему верному ярлу, Сигурду Фэйрхайру. Не подобает моему ярлу быть безземельным, поэтому я также дарю ему графство Агдиров и повелеваю, чтобы он отправился в свадебное путешествие на этом новом корабле!"

* * * * *

Четыре года спустя король Олаф Триггвесон с несколькими своими кораблями попал в ловушку коварного ярла Сигвальда среди островов Свольд-Сунд, в то время как основная часть его флота находилась в море.

Здесь собрались его враги - король Швеции, король Дании Свейн, выступивший против Олафа, и язычники Норвегии, которые предпочли покинуть землю, чем принять крест. Один за другим корабли короля были захвачены, хотя он держал такую оборону, какой Норвегия еще не видела, и одно время казалось, что он победит, даже несмотря на такие шансы. Тогда ярл Эйрик, сын ярла Хакона, сорвал драконьи стрелы со своих кораблей и поплыл в атаку под знаком Креста.

Когда последний из людей короля Олафа упал на форштевень, король отбросил свой щит и прыгнул за борт. Он славился как пловец во всех северных землях, и сейчас он нырнул глубоко, проплыв под килем кораблей своих врагов, так что им показалось, что он утонул.

Оказавшись за пределами кольца судов, король быстро доплыл до рыбацкой лодки, стоявшей у островов, и был поднят на борт Сигурдом и его женой Астрид, которые пришли слишком поздно, чтобы предупредить Олафа о заговоре с целью его предательства. В ту ночь, перевязав раны, король сидел на корме лодки, которая быстро плыла на юг.

Сигурд уговаривал Олафа отправиться на север, предлагая взять его в свой флот, который сможет вернуться и встретить захватчиков, но король отказался.

Нет, друзья мои, я не могу этого сделать". Под конец битвы ярл Эйрик поднял Крест, и я полагаю, что он дал клятву, что он и его люди навсегда отрекутся от старых богов, если победят меня. Поэтому мне кажется, что по воле Божьей Норвегия наконец-то стала христианской, и также я не без опасения, что Бог был недоволен моим правлением".

"Тогда поедem с вами в Англию? У тебя там много друзей, и король Этельред, которого датчане почти изгнали из своего королевства, с радостью отдаст тебе часть своих владений", - сказала Астрид. Король снова покачал головой.

"Нет, - ответил он, - пусть я буду мертв для норвежского королевства, ибо никогда больше не стану его тревожить. Я отправлюсь в Рим, а затем в Иерусалим. Там крестоносцы правят Святой землей, а я присоединюсь к ним и посвящу остаток своей жизни служению против мусульман. Я верю, что Бог использовал меня как инструмент для передачи своего Слова Норвегии, и теперь, когда это свершилось, лучше всего было бы дать мир этому беспокойному королевству".

Видя, что уговаривать Олафа дальше бесполезно, Сигурд с грустью сдался, и через два дня они прибыли в его графство Агдир. Здесь король пробыл две недели, а затем, опасаясь, что его присутствие навлечет беду на его старых друзей, решил, что немедленно отправится в паломничество.

"Заклучи мир с завоевателями, Сигурд, - сказал он. "Они будут рады оставить тебя в твоих владениях здесь".

С этими словами он отобрал несколько человек и небольшой корабль Сигурда и навсегда покинул Норвегию. Когда они с Сигурдом и Астрид стояли вместе на форштевне и поднимали якорь, король с грустью сказал:

"Друзья мои, это к лучшему, поверьте мне, и теперь на земле наступит мир. Вера Христова утвердилась, и хотя люди могут временами возвращаться к старым богам, я думаю, что это ненадолго. А теперь возьми этот мой меч, как ты взял его когда-то в Ирландии, и носи его в память обо мне; я никогда больше не буду пользоваться оружием, кроме как для защиты Святой земли".

Обняв короля со слезами на глазах, Сигурд и Астрид покинули корабль, и через час он белым пятнышком показался далеко на горизонте.

"Пойдем, Астрид, - сказал Сигурд, - мы никогда больше не увидим Олафа, но его всегда будут помнить как первого короля Норвегии, свергнувшего Молот Тора и водрузившего вместо него Крест Христов!"

КОНЕЦ.